

Журнал «Казахстан-Спектр» включен в перечень научных изданий Комитета по надзору и аттестации в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов кандидатских и докторских диссертаций по специальностям:

07.00.00 — ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
 08.00.00 — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
 09.00.00 — ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
 22.00.00 — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
 23.00.00 — ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Содержание

ЗА СТРОКОЙ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА

Шерьяданова К.Б. Внешнеполитические приоритеты Республики Казахстан в свете Послания Президента	5
---	---

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Ситенко В.Н. ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии: значение для Казахстана	12
Сулейменов Т.С. Опыт реформ в Восточной Европе: значение для Казахстана	22
Исаев К.Д. Позиция Европейского Союза по вопросу иранской ядерной программы	32
Каратаева Л.Р. Понятие терроризма в национальном законодательстве государств Центральной Азии	40
Устименко А.А. Трансформация миросистемы: анализ общих тенденций	46

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Асанбаев М.Б. Этнический конфликт: теоретические аспекты исследования	56
Билялова Г.Н. Этническая идентификация казахов: теоретико-методологические аспекты	59
Ешпанова Д.Д., Айтбай К.О., Айдарбеков З.С. Динамика социального развития молодежи в современном Казахстане	71
Рахимжанов А.М. Характер и параметры исходных альтернатив политического реформаторства в Казахстане	84

ЭКОНОМИКА

Чуфрин Г.И. Российско-казахстанские торгово-экономические отношения: современное состояние и перспективы развития	90
---	----

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т. Токаев К.К. Свет и тень	106
Карсаков И.Б. Русский мир в Центральной Азии	108

SUMMARY	113
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	118
ИНФОРМАЦИЯ О КИСИ	119

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
 СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
 ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
 РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
 Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
 директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск У.М. Нысанбек
 Редактор-корректор Н.И. Шестакова
 Дизайн и верстка: Т.В. Афанасьева, А.К. Садуакасов
 Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-б.
 Телефон: (3272) 64-34-04, Факс: (3272) 64-49-95, E-mail: office@kisi.kz.
 Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
 При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
 Отпечатано в типографии ОО «Школа XII века» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

BETWEEN THE LINES OF THE KAZAKH PRESIDENT'S STATE-OF-THE-NATION ADDRESS

- Sheryazdanova K.B. Foreign policy priorities of the Republic of Kazakhstan in the light of the President's Address 5

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

- Sitenko V.N. SCO and security problems in Central Asia: implications for Kazakhstan 12
- Suleimenov T.S. Reforms' experience in Eastern Europe: implications for Kazakhstan 22
- Isayev K.D. European Union's stance on Iran's Nuclear Program 32
- Karatayeva L.R. Concept of terrorism in the national legislation of the states of Central Asia 40
- Ustimenko A.A. Transformation of world system: analysis of general trends 46

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

- Asanbayev M.B. Ethnic conflict: theoretical aspects of research 56
- Bityalova G.N. Ethnic identification of Kazakhs: theoretical-methodological aspects 59
- Yeshpanova D.D., Aytbay K.O., Aydarbekov Z.S. Dynamics of social development of youth in contemporary Kazakhstan 71
- Rakhimzhanov A.M. Character and parameters of initial alternatives of political reformism in Kazakhstan 84

ECONOMY

- Chufrin G.I. Russian-Kazakhstani trade-economic relations: current situation and prospects of development 90

BOOK REVIEW

- Laumulin M.T. Tokayev K.K. Light and shade 106
- Karsakov I.B. Russian world in Central Asia 108

SUMMARY 113

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 118

INFORMATION ABOUT THE KAZISS 119

Редакционный совет

- Султанов Б.К. — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
- Кушкумбаев С.К. — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Абишева М.А. — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
- Абусейтова М.Х. — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Ашимбаев М.С. — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук.
- Закржевская О.Г. — профессор кафедры международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У. — доктор исторических наук, профессор
- Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н. — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Пужоль К. — профессор Института восточных языков и цивилизаций (INALCO) Париж, Франция
- Сыроежкин К.Л. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М. — министр иностранных дел РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И. — заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шоманов А.Ж. — заведующий Информационно-аналитическим центром Администрации Президента РК, кандидат философских наук, доцент

**Казахстан
Спектр**

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief B.K. SULTANOV,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication U.M. Nysanbek
Editor-corrector N.J. Sheslikova
Design & Layout T.V. Afanassieva, A.K. Sedvakaev
Address: 87-b Dostyk ave. Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (3272) 64-34-04. Fax (3272) 64-49-85. E-mail: office@kziss.kz.
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of PA «School of XXI century» Almaty. Copies 500.

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of History
- Kushkumbayev S.K.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences
- Abisheva M.A.** — Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Chair, Kazakh National University named after al-Farabi, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Poujol C.** — Professor of the Institute of Eastern Languages and Civilizations (INALCO) Paris, France
- Syroezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Minister of Foreign Affairs of the RK, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Deputy Director, Institute of World Economy and International Relations at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shomanov A.Zh.** — Head of the Information-Analytical Center of the President's Administration of the President of the RK, Candidate of Philosophy, Assistant Professor

Внешнеполитические приоритеты Республики Казахстан в свете Послания Президента

ШЕРЬЯЗДАНОВА К.Б.

Ежегодное Послание Президента Республики Казахстан народу — это новая точка отсчета следующего цикла дальнейшего развития нашей страны по пути углубления проводимых политических, социально-экономических реформ, утверждения роли и места Казахстана в мировом сообществе, повышения его международного имиджа и позитивного авторитета. По своему духу нынешнее Послание «Рост благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики» — это прямое обращение ко всем государственным законодательным и исполнительным ветвям власти с конкретными задачами политического, социально-экономического, гуманитарного, оборонного и внешнеполитического характера.

Прежде всего, надо отметить, что каждое Послание Главы государства — знаковое событие в новейшей истории Казахстана. Известно, что первое впечатление от услышанного и прочитанного позволяет прояснить главное. Новое Послание, особенно в сочетании с предыдущим, воспринимается как целостный документ концептуального значения. Преимущественно речь идет о внутренних проблемах, обозначенных Президентом страны весьма конкретно, четко и точно. При этом надо обратить внимание с политической точки зрения, что стиль Послания — это именно тот язык и те требования, предъявляемые для решения поставленных задач и реализации политики достижения национально-государственных интересов, касается ли это проблем энергетики или открытия и добычи новых полезных ископаемых, взаимоотношений с бизнесом, налоговой и бюджетной политики, проблемы морального и духовного здоровья народа, проблемы соотнесения дальнейшего развития страны с интересами простых людей, решения демографической ситуации и т.д. Это Послание, на наш взгляд, учитывает реальную ситуацию в стране и возможности для реализации поставленных задач, что немаловажно для стабильности государства. Очень важно, что Послание не идеологизированно в формальном смысле слова, в нем нет излишней идеологической риторики и оно предельно практично. В нем описана программа последовательности решения поставленных задач, названы инструменты и цифры, которые к этому относятся. «Казахстан будет совершенствовать модель политического государственного устройства, сочетая общепризнанные закономерности демократического развития и традиции общества», — заявил Президент Н.А. Назарбаев, выступая на совместном заседании палат Парламента РК с обращением к народу страны. Весьма значительна оценка Президентом пройденного страной пути государственного

устройства. В частности, Глава государства отметил: «За 16 лет независимости мы реализовали собственную модель обеспечения общественной стабильности, формирования казахстанской идентичности, общеказахстанского патриотизма. Это наше казахстанское ноу-хау, которым мы по праву гордимся и обязаны его бережно охранять». Одновременно с этим было подчеркнуто, что «... для дальнейшего укрепления государства, его безопасности, устойчивого развития экономики необходимы долгосрочная стабильность, мир и согласие. Что бы ни говорили, мы идем своим путем, мы ни от кого не отстали по свободам и правам человека, но мы все свои дела по дальнейшим шагам и в этом вопросе будем соотносить со стабильностью в нашей стране». Глава государства призвал депутатов, избранных от Ассамблеи народа Казахстана, играть особую роль в процессе укрепления межэтнического мира и согласия в стране.

Надо констатировать, что Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, выступая с ежегодным Посланием к народу, позиционирует себя не только как Глава государства, но и фактически как национальный лидер. Поэтому он и заявляет о национальной программе приемлемых и необходимых для дальнейшего развития страны проектов законодательной базы. Речь идет о поручениях относительно разработки нового Бюджетного кодекса, нового Налогового кодекса. Хотя Президентом страны даны поручения партии «Нур Отан», тем не менее это Послание надпартийное, оно касается всех граждан и обращено ко всему народу Казахстана, независимо от их партийной принадлежности или беспартийности.

Вместе с тем поставленные Главой нашего государства задачи и конкретные приоритеты — есть отражение избранного стратегического курса возрождения, становления и укрепления государства. Послание 2008 г. как бы отражает новые грани целостной программы развития государства по пути укрепления государственности, по пути социально-экономических преобразований за годы независимости. Смысл Послания зиждется на уважении к народу и опирается на любовь к Отечеству. «Казахстан будет совершенствовать модель политического государственного устройства, сочетая общепризнанные закономерности демократического развития и традиции общества», — заявил Президент РК Нурсултан Назарбаев.

Представляется важным, что в Послании нет четко разграниченных внутренней и внешней частей в том смысле, что вся внутривнутриполитическая часть Послания, равно как и вся внешнеполитическая часть, в одинаковой степени сориентирована на нужды и интересы граждан нашей страны. Самое главное, на наш взгляд, в том, что в этом Послании четко сформулирована мысль о необходимости устойчиво и последовательно работать на умножение международного имиджа страны, закрепление подобоющего Казахстану места в мировом сообществе, укрепление и углубление взаимоотношений и сотрудничества с государствами и выстраивание окружающего мира в соответствии с нашими собственными национальными интересами.

Президент Казахстана высказал фразу о том, что **внешнеполитические приоритеты страны остаются неизменными и это убедительная констатация того фактора, что казахстанская внешнеполитическая доктрина и казахстанская оборонная политика на протяжении 16-ти лет независимости были адекватны существующим вызовам и угрозам.** Это очень важный сигнал для стратегических внешних партнеров Казахстана как в ближнем, так и дальнем

зарубежье, и это именно те внешнеполитические направления, в реализации которых должны участвовать казахстанские политики как внутри страны, так и внешнеполитической составляющей.

Так, Глава республики подчеркнул: «Наша внешняя политика построена на понимании необходимости компромисса даже в самых острых вопросах. Мы должны и дальше укреплять экономическое и политическое сотрудничество с Россией, Китаем и государствами Центральной Азии, создавая прочную основу для стабильности и взаимодействия в регионе».

Перед внешнеполитическим ведомством, перед государственными органами, министерствами, ведомствами поставлена задача дальнейшего укрепления безопасности в Центральной Азии и расширения конструктивного взаимодействия с США, Евросоюзом и НАТО. Глава государства констатировал, что «за годы независимости Казахстан стал полноправным членом мирового сообщества, чьи инициативы практически всегда получали международную поддержку и осуществлялись на практике».

Следует отметить, что в 2007 г. внешнеполитический курс казахстанского руководства в целом развивался в привычном русле многовекторной дипломатии, которая на протяжении последних нескольких лет позволяла Республике Казахстан успешно маневрировать и отстаивать свои интересы перед лицом более сильных игроков, таких, например, как Китай, США и Россия. Теперь плоды многовекторности ощущаются и в повышении международного статуса Казахстана и, прежде всего, в реализации важнейшей стратегической задачи, поставленной Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым — достижении председательства в ОБСЕ.

Однако Центральная Азия остается зоной повышенного внимания Казахстана и одним из основных направлений внешнеполитической стратегии. Казахстан продолжает укреплять позиции наиболее последовательного сторонника развития интеграционных процессов между постсоветскими странами региона. Вне всякого сомнения, предложенная Главой государства новая инициатива о создании Союза центральноазиатских государств внесла определенный импульс оживленности в тихую внешнюю обстановку региона и призвана сыграть ключевую роль как по своему экономическому, так и политическому потенциалу. Казахская экономика активно «прорастает» в хозяйственные структуры соседей по региону, следуя в фарватере внешнеполитической стратегии. Казахстан сегодня обладает достаточным внешнеполитическим ресурсом для ведения самостоятельной игры, и с учетом расклада геополитических реалий, прежде всего в регионе Центральной Азии, значимость страны как субъекта международных отношений будет усиливаться.

Усиление роли Казахстана прослеживается в деятельности всех интеграционных моделей, и прежде всего ШОС, ЕврАзЭС и СНГ. Практически все ключевые проекты трубопроводов, в которых участвует Казахстан, представляют стратегическую важность в контексте взаимоотношений России, Китая и США.

Вместе с тем взаимодействие Казахстана с государствами региона на международной арене будет более значимым при учете интересов друг друга в решении проблем, связанных с сохраняющимися угрозами терроризма, экстремизма и наркобизнеса, водно-энергетического комплекса, ухудшения экологической ситуации, безработицей и т.д., вызывающих особую обеспокоенность.

Глава государства обозначил в качестве приоритета внешнеполитической и внешнеэкономической политики дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры. И это не случайно. Казахстан, расположенный в центре Евразии и Центральной Азии, должен позиционировать свое географическое месторасположение как континентальный мост между Востоком и Западом, Севером и Югом, и развитие эффективной региональной транспортной и транзитной инфраструктуры имеет жизненно стратегическое значение для стран, не имеющих выхода к морю. Это налагает особую ответственность на заинтересованные министерства и ведомства Казахстана по выработке комплексного подхода к сотрудничеству с соседними государствами по региону.

Немаловажное значение в контексте реализации определенных Президентом страны внешнеполитических задач придается планам по превращению Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в действенный инструмент многопрофильного сотрудничества в приоритетных направлениях транспорта и энергетики, региональной безопасности. Возникает необходимость в рамках ШОС Казахстану продолжить проработку энергетической политики путем последовательных переговоров со всеми государствами — участниками ШОС. Идея создания энергетического клуба стран ШОС — один из ключевых проектов, в котором роль Казахстана в самом ближайшем будущем может существенно возрасти. Именно энергополитика становится главным выражением принципа многовекторности.

Казахстану предстоит и в дальнейшем, руководствуясь поручениями Президента РК, изложенными в Послании, прилагать усилия по укреплению обстановки безопасности, по диверсификации каналов сотрудничества с крупными региональными игроками (с США, РФ, КНР), по расширению своего влияния на региональные процессы. В этой связи весьма важными для казахстанского внешнеполитического ведомства становятся задачи поиска оптимального баланса интересов, гармонизации основных направлений внешнеполитической, внешнеэкономической, военной политики в регионе Центральной Азии, оценки реальных возможностей всех вовлеченных в сотрудничество участников с казахстанской стороны для активизации роли Казахстана в международных процессах.

Касаясь сферы двусторонних взаимоотношений с ведущими странами мира, к примеру, можно констатировать весьма высокую и интенсивную динамику отношений Казахстана с Китаем. В январе 2008 г. в КНР с неофициальным визитом находился Президент РК Н.А. Назарбаев, позже в КНР с визитом побывала делегация Сената Парламента РК во главе с председателем Сената К-М. Токаевым, намечается весной текущего года визит в КНР Премьер-министра РК К. Масимова. Это подтверждает устойчивость двусторонних казахстанско-китайских связей. Показательно, что в 2007 г. объем торговли между двумя странами составил \$14 млрд и вырос почти на 65% по сравнению с 2006 г. Развивается многогранное сотрудничество, затрагивающее сферы образования, культуры. К примеру, в Евразийском Национальном Университете им. Л. Гумилева открыт Центр Конфуция, а китайской стороне в ходе встреч с председателем Сената РК К-М. Токаевым было предложено рассмотреть возможность открытия в Пекине Клуба или Центра культуры Казахстана. В свете новых задач, вытекающих из Послания Президента народу, обозначаются весьма важные проекты, требующие

пристального внимания, и в первую очередь завершение второй ветки нефтепровода «Кенкияк — Кумколь», начало строительства газопровода, создание совместного фонда финансирования проектов несырьевого характера. Крайне необходимо, учитывая мировую ситуацию неустойчивости рынка, обратить внимание на рынок КНР — стабильный и широкий. Немаловажное значение для Казахстана, с учетом проведения Азиады-2012 в Астане и Алматы, будет иметь опыт КНР по подготовке олимпийских строительных объектов. Весьма важный политический и информационный фактор выбора Оргкомитетом Пекинской Олимпиады города Алматы как места прохождения этапа олимпийского огня.

В связи с предстоящим председательством Казахстана в 2010 г. в ОБСЕ Президент РК Н.А. Назарбаев поставил задачу разработки программы «Путь в Европу». Это стратегическая задача концептуального характера. Современная Европа изменяется. Меняются институты и механизмы, меняется философия региональной интеграции. Идет постоянное переплетение национальных хозяйств. Укрепляются наднациональные органы в ЕС, которым отдельные государства передают часть национального суверенитета, утверждается коллективное средство решения практических задач политического, экономического, гуманитарного и иного характера. Население европейских стран принимает европейскую интеграцию и проявляет лояльность к исполнительным полномочиям созданных общих органов в Европе. Есть чему поучиться, что перенять для совершенствования существующих на постсоветском пространстве интеграционных структур. Хотя их внедрение будет даваться весьма непросто. Но именно в контексте изучения европейского опыта интеграции, на наш взгляд, было бы целесообразно предусмотреть в программе «Путь в Европу» изучение именно тех направлений, которые нашли бы эффективное применение на нашем поле интеграции.

Следует отметить, что председательство Казахстана в ОБСЕ стало темой многочисленных статей, высказываний, мнений политических и общественных деятелей, ученых, экспертов, политологов и просто граждан нашей страны. Вносятся разнообразные предложения о направлениях, тематике предстоящей работы Казахстана в качестве председательствующего в ОБСЕ. Но, по нашему глубокому убеждению, МИД и другим заинтересованным исполнительным структурам республики необходимо не расплываться по тематике проблем, а выбрать наиболее значимую, отвечающую как нашим национальным стратегическим интересам, так и способную заинтересовать другие страны — участники ОБСЕ проблему, чтобы показать, что выбор ОБСЕ был правильным и Казахстан достойно, с ответственностью, полной отдачей справился с возложенными международными функциями, поднял свой имидж и укрепил свой авторитет и в Европе, и в целом в мире.

В контексте будущего председательства Казахстана в ОБСЕ необходимо в проекте программы обозначить наиболее значимые направления работы в ОБСЕ во всех его «корзинах». При этом следует учесть и тот немаловажный фактор, что Казахстан является своего рода делегированным от стран — участников СНГ председателем в ОБСЕ и поэтому координация действий, выдвижение совместно проработанных идей и инициатив государств — участников СНГ должно быть приоритетным и поможет избежать ошибок. Страны, входящие в ОБСЕ, — разные по менталитету, с собственной историей, собственными

интересами, собственными амбициями. И это не простая задача — добиться консенсуса в повестке дня ОБСЕ-2010. Поэтому было бы целесообразно в проекте программы предусмотреть активизацию сотрудничества не только с устойчивыми крупными государствами Западной Европы, а предпочтительнее направить внимание на Центральную и Восточную Европу, государства которой сравнительно недавно стали членами ЕС и НАТО и весьма активно действуют на европейском поле. На наш взгляд, наиболее приемлемой темой повестки дня общего заседания глав государств в рамках ОБСЕ были бы вопросы безопасности. Можно предложить также пригласить ОБСЕ выступить сопредседателем наравне со страной-хозяйном Казахстана очередного III съезда мировых религий в Астане в 2010 г.

Это предложение крайне актуально в разрезе общеевропейской ситуации со свободой совести. По данным исследований, проведенных социологами Европейского института статистики, сегодня ислам является самой быстрорастущей религией в странах Европы, в т.ч. Северной Европы. Если в Великобритании с возмущением восприняли предложение архиепископа Кентерберийского о том, чтобы ввести законы шариата в законодательство страны, то в Дании и Финляндии подобные идеи вполне естественны. Исламская община в скандинавских странах разрослась и обрела определенное влияние. Так, полиция, предприятия общественного транспорта и даже вооруженные силы успели разработать для служащих мусульман специальную униформу, из рационов солдат изымается свинина. В Швеции ряд общественных организаций выступили с инициативой о введении курса подготовки имамов в программу государственных университетов. Причем эту инициативу поддержали международные исламские фонды. В Финляндии идет сбор подписей для регистрации Исламской партии. А в крупных городах Хельсинки, Турку, Тампере мусульмане рассчитывают выиграть несколько депутатских мест. Исламская партия намерена добиваться разрешения чтения Корана в школах, стимулирования строительства мечетей, включения процедуры обрезания в перечень медицинских услуг муниципального здравоохранения. Примечательно, что рост приверженцев ислама идет не за счет мигрантов из стран Магриба и Азии. Эти новообращенные мусульмане из числа коренных скандинавов. Их активность — залог устоявшихся демократических традиций. Вместе с тем ни одна страна Европы не избавлена от возможных угроз религиозного противостояния, неизбежны столкновения христианской и мусульманской религий и традиций и снимать их с повестки дня сегодняшней и ближайшей перспективы в Европе нельзя. К тому же создание квазиправового мусульманского государства Косово в центре истинно христианского Балканского полуострова — это, на наш взгляд, бомба замедленного действия. Думается, что именно проблемы взаимодействия религий, межэтнических отношений — это и есть тот весомый козырь стабильности и безопасности Казахстана, который наша страна может предложить в качестве обмена опытом европейским государствам.

Конечно, это не простая задача подготовиться к председательствованию в ОБСЕ. Казахстану придется руководствоваться рациональным мышлением, проникнуться общими целями и ощутить ответственность за будущее международной организации ОБСЕ. Утверждение мировых стандартов, способность к многомерному восприятию действительности, понимание высокой степени своей

ответственности и уважения других стран — членом ОБСЕ станет важнейшим достижением Казахстана на международной арене.

Обозначенные в Послании Президента РК приоритеты внешнеполитической стратегии Казахстана на ближайшую перспективу исходят из национальных интересов нашего государства, следующего по своему традиционному пути закрепления в качестве важного игрока на центральноазиатской «шахматной доске», где происходит смена эпох, где изменчива геополитическая ситуация и идет непрерывный процесс обозначения приоритетов и позиций стран, не задевая интересы других игроков, подготавливая прочный фундамент для закрепления Казахстана в политической, экономической и иной сферах многогранной жизни как региона Центральной Азии, так и мира в целом. Решение и успешная реализация внешнеполитических приоритетов станут залогом дальнейшей стабильности и безопасности Казахстана.

ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии: значение для Казахстана

СИТЕНКО В.Н.

В сегодняшнем динамично развивающемся мире особую актуальность приобретают вопросы, связанные с поддержанием стабильности и безопасности. Наряду с традиционными военными угрозами, все большую опасность для человечества представляют так называемые «новые угрозы и вызовы», такие, как международный терроризм, экстремизм, организованная преступность, незаконный оборот наркотиков, незаконная миграция и др. С этими угрозами сегодня в той или иной степени сталкивается практически каждое государство. Однако специфика ситуации в том, что в условиях глобализации наблюдается такое явление, «как интернационализация конфликтного потенциала». В этой ситуации поддержание безопасности, даже на национальном уровне, невозможно без объединения усилий государств в рамках различных международных структур и организаций.

Одной из таких структур на евразийском пространстве является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), с самого начала своего существования провозгласившая одной из главных своих задач противодействие так называемым «трем злам»: терроризму, сепаратизму и религиозному экстремизму [1].

1. Основные направления деятельности ШОС, роль аспектов безопасности

Вопросы безопасности занимали центральное место в «шанхайском процессе» уже в то время, когда пять его участников первый раз встретились в 1996 г. в Шанхае, чтобы договориться об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. В течение 1996—1997 гг. «Шанхайской пятеркой» был подписан ряд соглашений, позволивших урегулировать многолетние пограничные проблемы в районе бывшей советско-китайской границы. Шанхайский и последовавший через год Московский саммиты стали прообразами структуры, которая через шесть лет трансформировалась в полноценную организацию многопрофильного сотрудничества. Совместная работа по реализации упомянутых соглашений послужила первоосновой того, что стало именоваться «шанхайским духом», квинт-эссенцией которого являются взаимная выгода, равенство, уважение к интересам и мнениям друг друга, взаимные консультации, выход на взаимопонимание через консенсус и добровольное согласие выполнять достигнутые договоренности.

При этом необходимо отметить, что новая структура логично заполняла те пробелы в области управления процессами поддержания безопасности, которые существовали, в частности, в Центральноазиатском регионе. Привлечение к ним

таких глобальных игроков, как Россия и Китай, являлось весомым фактором в пользу успеха проводимой политики.

Сама трансформация «пятерки» в ШОС произошла на саммите в Шанхае в июне 2001 г., в котором принял участие Узбекистан, обратившийся в начале того же года с просьбой о присоединении к «Шанхайской пятерке». По итогам встречи главы шести государств подписали Декларацию о создании ШОС и Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В последнем документе были не только четко зафиксированы определения данных явлений, представляющих угрозу для всех участников организации, но и указаны конкретные направления и формы борьбы с ними [2].

Одновременно в Декларации о создании ШОС был значительно расширен круг задач, входящих в компетенцию деятельности организации. Ее целями провозглашались «укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поощрение эффективного сотрудничества между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка» [3]. Для организации взаимодействия министерств и ведомств государств — членов ШОС был образован Совет национальных координаторов (СНК). Таким образом, в отличие от «Шанхайской пятерки», созданная на ее базе организация имела как более широкий круг задач, так и более четко очерченную структуру. Интересы новой организации распространились на сферы политического, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества.

В то же время вопросы безопасности продолжали занимать центральное место в деятельности ШОС. В частности, в принятой по итогам саммита в Санкт-Петербурге 7 июня 2002 г. Хартии Шанхайской организации сотрудничества в качестве приоритетных целей и задач организации были определены:

«укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;

развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;

совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией» [4].

Далее в документе речь идет о задачах в сфере политического, экономического, социального, культурно-гуманитарного сотрудничества. Но, как мы видим, на первом месте находятся вопросы стабильности и безопасности, что отражает согласованные подходы государств-участников к деятельности организации. Практической реализации этой задачи было призвано способствовать принятое на саммите в Санкт-Петербурге решение о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС. В качестве ее основных функциональных задач были определены:

1. Поддержание рабочих связей с основным управленческим органом государств — членов ШОС и укрепление координации с международными организациями по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

2. Участие в подготовке проектов международно-правовых документов по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятие мер к созданию совместно с Советом безопасности ООН и его антитеррористическим комитетом, международными и региональными организациями механизма эффективного регулирования на глобальные вызовы и угрозы.

3. Сбор и анализ информации, предоставляемой государствами-членами, по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, создание банка данных антитеррористической структуры, внесение соображений по развертыванию организацией сотрудничества в борьбе против «трех зол».

4. Подготовка проведения научно-исследовательских конференций, обмен опытом по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Таким образом, борьба против «трех зол» получила конкретное институциональное оформление. На саммите в Астане (2005 г.) главами государств — членов ШОС было принято решение об учреждении при РАТС института постоянных представителей.

Практическому решению блока вопросов, связанных с урегулированием афганской проблемы, способствовало принятое в ноябре 2005 г. решение о создании в рамках ШОС специальной контактной группы по Афганистану. Как отмечалось в протоколе о создании этого рабочего органа, контактная группа «ШОС — Афганистан» создается «с целью выработки предложений и рекомендаций по осуществлению сотрудничества» между двумя сторонами по вопросам, «представляющим взаимный интерес». Подписавший документ с афганской стороны посол Афганистана в КНР К. Рай Барлас заявил, что «создание контактной группы “ШОС — Афганистан” является еще одним важным историческим шагом по поддержанию мира, стабильности и безопасности, а также развитию сотрудничества между государствами» [5].

Вопросы борьбы с терроризмом стали одной из ключевых тем саммита Шанхайской организации сотрудничества, прошедшего в середине августа 2007 г. в Бишкеке. В ходе встречи была заслушана информация о выполнении Программы сотрудничества стран ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007—2009 гг., совершенствовании деятельности Региональной антитеррористической структуры ШОС. Руководители государств поставили свои подписи под такими документами, направленными на укрепление взаимного доверия и безопасности, как Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств ШОС, Бишкекская декларация глав государств, План действий по обеспечению международной информационной безопасности. С учетом актуальности афганской проблемы участники встречи высказали предложение о проведении специальной конференции ШОС по социально-экономической реабилитации Афганистана.

Показательно, что сразу же после окончания саммита в Бишкеке главы государств ШОС вылетели в Челябинск для участия в заключительном этапе антитеррористических учений «Мирная миссия — 2007».

Таким образом, Бишкекский саммит еще раз продемонстрировал, что, несмотря на расширившуюся палитру текущей деятельности Шанхайской организации,

в центре ее внимания по-прежнему находятся в первую очередь вопросы безопасности, в поддержании которой заинтересованы все без исключения члены ШОС.

2. Актуальные задачи и проблемы применительно к Центральной Азии

Сегодня практически ни у кого не вызывает сомнения, что ШОС как организация состоялась, ее деятельность востребована. Об этом свидетельствует, в частности, все больший интерес к Шанхайской организации со стороны других стран, расширение поля ее деятельности за счет государств-наблюдателей, стремящихся к полноценному членству, развитие международных контактов. В то же время, как и любая другая организация, находящаяся в стадии эволюции, ШОС сталкивается с рядом проблем и необходимостью решения конкретных задач, связанных с ее дальнейшим развитием.

Как полагают некоторые эксперты, расширение поля деятельности ШОС имело свои негативные стороны, способствуя в определенной степени распылению сил организации, вызывая среди участников дискуссии о приоритетных направлениях дальнейшей ее эволюции. Наиболее наглядно последнее обстоятельство проявляется во взаимоотношениях двух крупнейших государств — членов организации: России и Китая.

В последнее время в ШОС, во многом по инициативе КНР, все больше внимания обращается на необходимость дальнейшей активизации экономического направления. При этом, как отмечают многие комментаторы, решающее значение имеет именно центральноазиатский вектор деятельности организации [6]. Для Китая это доступ к дешевым энергетическим ресурсам, без которых он просто не сможет выйти на новый виток гонки за мировое лидерство. В меньшей степени это доступ к новым рынкам. Значительно важнее для Пекина получение поддержки центральноазиатских стран во всех политических и экономических инициативах. В этой связи участие Пекина в деятельности Шанхайской организации сотрудничества дает ему возможность легитимизировать свое присутствие в Центральноазиатском регионе, представляющем для Китая стратегический интерес.

Со своей стороны, для государств Центральной Азии сотрудничество с Китаем означает наращивание товарооборота, масштабные кредиты и интеграцию в обширное и перспективное торгово-экономическое и политическое пространство Азии. Вместе с тем предложение Пекина по созданию в рамках ШОС зоны свободной торговли в большинстве государств-участников, включая страны Центральной Азии, воспринимается неоднозначно. При этом высказываются опасения, что рынки государств не только наполнятся китайским импортом, но и произойдет вытеснение с них собственной продукции. Вызывает тревогу также увеличение легальной и нелегальной трудовой миграции в сопредельные государства, а также растущая китайская диаспора в странах ШОС.

Россия выступает за усиление военной составляющей организации. По мнению начальника Генерального штаба ВС РФ Ю. Балухвостова, высказанному в интервью «Независимой газете», «успешная экономическая деятельность в рамках ШОС невозможна без укрепления безопасности в регионе, в том числе без участия в этом процессе военных ведомств государств-членов» [7]. Как полагают российские

военные, политическая ситуация в мире развивается очень динамично. Старые угрозы и вызовы сохраняются, но к ним прибавляются и новые. И все это требует создания механизма решения возникающих проблем. В этой связи российская сторона выступает за усиление военных компонентов ШОС, что не находит понимания в Пекине, не заинтересованном в конфронтации с Вашингтоном, который и так рассматривает Шанхайскую организацию в качестве своего рода антиНАТО. Особо негативную реакцию на Западе вызвали прошедшие в середине августа 2007 г. под Челябинском учения «Мирная миссия — 2007», которые некоторые европейские и американские СМИ расценили как демонстрацию военной силы ШОС. Как отмечала в это время немецкая газета «Зюддойче цайтунг», «политическая ориентация Шанхайской группы явно антизападная, пусть даже на этот счет не делается официальных заявлений» [8].

Не секрет, что создание ШОС явилось во многом реакцией на усиление присутствия США в Центральной Азии. Однако ограничивать деятельность организации только этим аспектом было бы совершенно неправильно. Тем более что, как считают некоторые политологи, присутствие Соединенных Штатов в регионе может рассматриваться как «гарантия соблюдения баланса сил и основное препятствие единоличному доминированию в регионе России и Китая» [9]. То же самое можно сказать и в отношении Европейского Союза в свете принятия им специальной стратегии по Центральной Азии, направленной на активизацию ЕС в регионе. В этом плане практический интерес может представлять взаимодействие ШОС с НАТО и ЕС по вопросам безопасности в Центральной Азии.

Как уже отмечалось, главной задачей ШОС являлось создание системы адекватного реагирования на современные риски и вызовы. И в данном контексте сложно и порой бессмысленно проводить резкую грань между военно-политическими и экономическими компонентами деятельности организации, так как все они являются звеньями общей системы безопасности. В современных условиях для государств Центральной Азии особую актуальность приобретает решение проблем безопасности, на первый взгляд далеко выходящих за рамки военной. Это, в частности, вопросы энергетической безопасности, экологии, рационального использования и распределения водных ресурсов, миграции, борьбы с бедностью. Вместе с тем их решение невозможно в отрыве от поддержания общей стабильности в регионе, что предполагает совместное реагирование, в том числе с использованием военной силы, на такие угрозы, как терроризм, сепаратизм, экстремизм. Актуальность такого подхода в свое время показали Баткенские события на юге Кыргызстана.

В этой связи государства Центральной Азии, безусловно, заинтересованы в создании системы коллективной безопасности в регионе и развитии военно-политического компонента Шанхайской организации, которая в перспективе может стать одним из основополагающих элементов этой системы и фактором, способствующим формированию реальной многополярности. В данном контексте совершенно необоснованными представляются опасения политиков на Западе по поводу создания антиНАТО, с чем согласны и сами западные эксперты. Так, по мнению руководителя исследовательской группы по странам Азии берлинского фонда «Наука и политика» Г. Ваккер, «в западных СМИ ШОС рассматривается только как антизападная, антиамериканская структура, которая собирается стать противовесом блоку НАТО. Но такое понимание довольно узкое. Да, антиамери-

канские нотки звучат в тех или иных совместных декларациях, но, прежде всего, страны, входящие в ШОС, преследуют свои межгосударственные интересы. Они собрались не только для того, чтобы выступать против Запада» [10].

Ярд западных экспертов указывают на то, что решать бытующие в регионе проблемы лучше предоставить самим участникам ШОС, которые имеют ясное понимание существующих здесь угроз и вызовов и в состоянии решать их самостоятельно [11].

В первую очередь речь идет о проблеме Афганистана, представляющей угрозу для всех членов организации и, прежде всего, для центральноазиатских участников, находящихся в непосредственной близости от этого очага напряженности. При этом необходимо иметь в виду, что в современных условиях силы НАТО в Афганистане выполняют не более чем некую функцию сдерживания. По мнению эксперта из Кыргызстана А. Князева, озвученному в ходе конференции «ШОС в поисках нового понимания безопасности» (Алматы, КИСИ, 4 октября 2007 г.), в настоящее время сложился определенный баланс сил, когда международные силы плюс собственно афганские войска не в состоянии подавить существующее сопротивление, но в то же время выполняют функцию контроля большинства административных центров, включая Кабул, и поддерживают относительное равновесие в стране [12]. Более того, в последнее время в американской политике в отношении Афганистана прослеживается определенная тенденция. Начиная с 2004 г. и вплоть до рижского саммита НАТО в ноябре прошлого года, США осуществляли маневр по передаче ответственности по Афганистану Североатлантическому альянсу, то есть разделили ее со странами Европы. В преддверие президентских выборов в США можно ожидать и других кардинальных изменений на этом векторе их внешней политики, вплоть до полного ухода из Афганистана. В этих условиях возрастает потенциал для активизации деятельности ШОС. Не случайно в ходе Бишкекского саммита в августе 2007 г. была озвучена инициатива о проведении специальной конференции ШОС по социально-экономической реабилитации Афганистана.

Как представляется, с учетом сочетания механизмов по поддержанию безопасности и экономической составляющей, именно Шанхайская организация могла бы стать координирующим органом по урегулированию ситуации вокруг Афганистана. В качестве одного из механизмов в данном направлении можно рассматривать деятельность специальной контактной группы по Афганистану. В решении военных вопросов, где приоритет отдается ОДКБ, хорошие основы для взаимодействия с этой организацией создает подписание 5 декабря 2007 г. в Душанбе Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ОДКБ и ШОС. Как структура, обладающая значительным политическим весом, ШОС могла бы взять на себя поддержание диалога по афганской проблематике с НАТО и США, используя при этом международный авторитет России и Китая.

Таким образом, с точки зрения интересов стран Центральноазиатского региона военно-политические и экономические аспекты деятельности ШОС логично дополняют друг друга, способствуя формированию единого пространства безопасности в Центральной Азии. В этой связи следует поддерживать многофункциональный профиль организации. Наряду с этим, с учетом несовпадающих порой интересов самих центральноазиатских участников при дифференциации новых угроз и вызовов, особую актуальность приобретает диалог в данном направлении с целью выработки общей шкалы приоритетов и избежания соперничества.

Еще один аспект, который касается всех без исключения членов Шанхайской организации сотрудничества, — это вопрос о перспективах ее расширения. Сегодня в ШОС наблюдается некое динамическое равновесие, опирающееся на существующие общие интересы участников и получаемые ими политические дивиденды. Расширение может нарушить это равновесие, привнеся в организацию цепь конфликтов, с которыми она в сегодняшних условиях может и не справиться. Например, одновременное предоставление членства в Шанхайской организации Индии и Пакистану будет автоматически означать, что проблема Кашмира станет и проблемой ШОС, принятие в полноправные члены Ирана неизбежно скажется на взаимоотношениях с США и НАТО, поставит в повестку дня вопрос о реагировании в случае военной акции Вашингтона против Тегерана. В этом контексте текущее расширение организации вряд ли соответствует интересам ее нынешних участников, в том числе и центральноазиатских.

В то же время существует значительный потенциал для активизации существующего взаимодействия со странами — наблюдателями ШОС в самых различных областях, включая политику, экономику и культурно-гуманитарную сферу.

3. Перспективы ШОС и интересы Казахстана

Как и другие центральноазиатские страны, Казахстан заинтересован в формировании справедливой и эффективной архитектуры международной безопасности. В нынешних условиях данное обстоятельство приобретает особое значение на фоне кризиса, в котором уже долгое время находятся такие ведущие международные организации, как ООН и ОБСЕ. Наряду с этим существует потребность в международных площадках для определения правил игры в меняющихся международных отношениях. Как полагает А. Князев, «в данном контексте ШОС имеет все шансы стать механизмом, через который будет происходить реформирование евразийской подсистемы международных отношений в ближайшие десятилетия с учетом растущего глобального влияния России, Индии и Китая. Это может быть организация, действующая на основе рамочных соглашений, общих для всех ее участников и направленных на разрешение существующих и предотвращение потенциальных конфликтов в зоне ответственности» [13]. Как показывает практика, у ШОС есть реальные возможности трансформироваться в такую структуру. Подтверждением тому — опыт решения пограничных вопросов в формате ШОС и та идеология, которая этому сопутствовала и которую называют «шанхайским духом».

Все эти моменты представляют непосредственный интерес для Казахстана, заинтересованного в поддержании стабильности и безопасности в Центральной Азии, которые являются неременным условием для продвижения страны по пути дальнейших экономических и политических преобразований. Это проявляется в целом ряде конкретных факторов:

1. Практическим результатом «шанхайского процесса» для Казахстана уже на первом этапе стало урегулирование проблем в районе казахстанско-китайской границы.

2. Занимая лидирующие позиции в реализации социально-экономических реформ, Казахстан особенно заинтересован в развитии процесса региональной интеграции в Центральной Азии. На сегодняшний день, как в Казахстане, так

и в других центральноазиатских странах, во все большей степени проявляется понимание того, что процессу интеграции нет альтернативы, прежде всего, в таких областях, как обеспечение региональной безопасности, борьба с наркотрафиком, энергетическая и экологическая безопасность, регулирование проблем миграции или водопользования. В этой связи нельзя согласиться с мнением некоторых экспертов о том, что ШОС никогда не сможет стать интеграционным объединением из-за расхождений между ключевыми участниками — Россией и Китаем [14].

С учетом основных принципов организации, которые принято называть «шанхайским духом», ШОС как раз и имеет все шансы стать диалоговой площадкой для выработки участниками общих подходов к решению существующих проблем, прежде всего, в области безопасности, где организацией уже накоплен значительный опыт работы. Как отмечалось в Послании Президента Н. Назарбаева народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире — стратегия очередного этапа развития страны», «для использования преимуществ регионального развития нужно обеспечить более глубокую и взаимовыгодную интеграцию стран региона. Это находит практическое отражение в конструктивных инициативах Казахстана по интенсификации сотрудничества в Центральной Азии, в Азиатском и Ближневосточном регионах, по укреплению таких региональных структур, как ЕврАзЭС, СВМДА, ШОС» [15].

3. С учетом активизации международного терроризма, для Казахстана, как и для других центральноазиатских стран, первостепенное значение имеет борьба с так называемыми «тремя злами» — терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. В отличие от многих других международных организаций, ШОС уже на этапе своего создания сумела выработать общие определения данных явлений, а также обозначить конкретные направления и формы борьбы с ними. Практической структурой для реализации этого направления деятельности организации является РАТС со штаб-квартирой в Ташкенте. Данные моменты являются хорошей основой для реализации антитеррористического потенциала ШОС в интересах всех ее участников.

4. В рамках борьбы с новыми угрозами и вызовами особое значение для Республики Казахстан как государства, обладающего значительными запасами энергоносителей, приобретает обеспечение энергетической безопасности. В этой связи в качестве организации, уделяющей большое внимание новым угрозам и вызовам безопасности, ШОС может способствовать решению актуальных задач в данной области. Несмотря на то, что продвигаемая Казахстаном идея создания Энергетического клуба ШОС в качестве первого шага на пути к Азиатской энергетической стратегии, пока не получила всеобщей поддержки государств-участников, есть все основания полагать, что в перспективе она может стать одним из важных направлений деятельности Шанхайской организации.

5. В качестве государства-экспортера энергоресурсов Казахстан заинтересован в поиске альтернативных путей их доставки на мировые рынки, что является неотъемлемым элементом энергетической безопасности. Помимо традиционного российского направления, все большее значение приобретают восточные маршруты транспортировки. Самыми крупными проектами в этом отношении являются: расширение действующего нефтепровода «Алашанькоу — Атасу», строительство второй очереди нефтепровода, который будет протянут до Каспийского моря, а

также строительство нового транзитного газопровода из Туркменистана через территорию Казахстана в Китай.

С учетом тенденции дальнейшего роста потребления энергоресурсов Китаем, который уже сейчас по этому показателю занимает второе место в мире (после США), сотрудничество между КНР и РК в данной области имеет долгосрочные перспективы, чему в значительной мере может способствовать членство обеих стран в ШОС.

6. В последнее время все большую актуальность применительно к Центральноазиатскому региону приобретают вопросы регулирования водопользования. В ходе Бишкекского саммита Президент Н. Назарбаев предложил выработать общие подходы по использованию трансграничных рек и водоемов. О необходимости определения единых критериев Глава Казахстана заявил и в ходе обсуждения вопросов реализации совместных инвестиционных проектов. Как полагают некоторые эксперты, проблема водных ресурсов может оказаться одной из наиболее перспективных для объединения сил большинства стран ШОС [16].

7. С учетом увеличивающегося притока трудовых мигрантов, особенно из соседних стран Центральной Азии, одной из острых проблем для Казахстана являются вопросы регулирования миграции. При этом в комментариях на эту тему обращается внимание на то, что в перспективе, особенно с вступлением РК в ВТО, наиболее значительный процент мигрантов могут составить выходцы из КНР. По мнению казахстанского китаиста К. Сыроежкина, «на сегодняшний день, по самым скромным подсчетам, в Китае лишние трудовые ресурсы — 150—200 млн человек. Решить эту проблему внутри Китая невозможно» [17].

В то же время в Казахстане во все большей степени ощущается дефицит квалифицированной рабочей силы. В этой связи весьма перспективным представляется регулирование данного вопроса в рамках ШОС с созданием специального координирующего органа.

8. Принимая во внимание положение в Афганистане, где фактически потерпели неудачу усилия США и НАТО взять под контроль ситуацию, особое значение приобретает активизация ШОС на данном направлении — как в плане военной безопасности и борьбы с терроризмом и транзитом наркотиков, так и в вопросах социально-экономического и политического восстановления страны. Важным координирующим органом здесь является действующая с прошлого года контактная группа «ШОС — Афганистан». Дальнейшей активизации усилий Шанхайской организации на афганском направлении могут способствовать повышение уровня представительства государств в данной контактной группе, а также проведение региональной конференции ШОС по афганской проблематике с участием афганских представителей.

9. По общему мнению глав шести государств — членов ШОС, озвученному на саммите в Бишкеке, предстоящие в августе этого года Олимпийские игры в Пекине будут иметь важное значение для укрепления дружбы между народами входящих в организацию стран. В этом контексте участники ШОС договорились, что будет обеспечено соответствующее взаимодействие, в том числе и в вопросах безопасности.

Как представляется, опыт сотрудничества при проведении Олимпийских игр в Пекине может быть использован и во время предстоящего проведения в Казахстане зимой 2011 г. VII Азиатских олимпийских игр.

Исходя из всех вышеперечисленных факторов, участие Казахстана в деятельности Шанхайской организации сотрудничества представляется весьма перспективным, в полной мере отвечающим интересам политической и экономической безопасности нашего государства.

Таким образом, с самого начала своей деятельности Шанхайская организация являлась важным элементом обеспечения стабильности и безопасности в Центральной Азии. Ее создание диктовалось объективными причинами, связанными с существовавшими пробелами в этой области.

По истечении шести лет с момента трансформации первоначальной «Шанхайской пятерки» в полноценную международную организацию можно констатировать, что она востребована, прежде всего, как фактор формирования справедливой и эффективной архитектуры международной безопасности, что особенно актуально на фоне кризисных явлений, охвативших традиционные институты в этой сфере, такие, как ООН и ОБСЕ.

Несмотря на имеющиеся разногласия между участниками, характерной чертой их деятельности в рамках ШОС является умение договариваться и находить взаимоприемлемые компромиссы. Наибольший опыт в этом плане накоплен организацией в вопросах безопасности.

В этой связи укрепление существующих и формирование новых эффективных структур ШОС отвечают интересам стабильности и безопасности в Центральной Азии, создавая необходимые условия для поступательного развития стран региона.

Для Казахстана взаимодействие в рамках ШОС представляет практический интерес в плане стимулирования процессов региональной интеграции, борьбы с традиционными и новыми угрозами и вызовами, урегулирования ситуации вокруг Афганистана, повышения политического авторитета и международного имиджа Республики Казахстан. Дальнейшая активизация деятельности в рамках Шанхайской организации сотрудничества будет способствовать реализации задач внутренней политики и внешнеполитического курса нашей республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. // <http://www.sectsc.org>.
2. Там же.
3. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // <http://www.sectsc.org>.
4. Хартия Шанхайской организации сотрудничества // <http://www.sectsc.org>.
5. ШОС и Афганистан создали контактную группу // РИА «Новости». — 2005, 4 ноября // <http://www.rian.ru>.
6. Маслов А. Россия и Китай борются друг с другом за влияние в ШОС // Независимая газета. — 2007, 24 сентября // <http://www.centrasia.ru>.
7. Соловьев В., Иванов В. Шанхайский договор вместо Варшавского // Независимая газета. — 2007, 10 августа // <http://www.centrasia.ru>.
8. Противоречивый облик ШОС // Обзор прессы радиостанции «Немецкая волна». — 2007, 17 августа // <http://www.dw-world.de>.
9. Сыроежкин К. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. — Алматы, 2006. — С. 234.
10. Эксперты о перспективах ШОС // Обзор прессы радиостанции «Немецкая волна». — 2007, 17 августа // <http://www.dw-world.de>.
11. Уверенная поступь Востока вызывает дрожь на Западе // Обзор зарубежной прессы о саммите ШОС. — 2007, 18 августа // <http://www.ferghana.ru>.

12. ШОС в поисках нового понимания безопасности. Материалы международной конференции. — Алматы, 2007, 4 октября.
13. Князев А. Интервью агентству «Фергана.Ру» // <http://www.ferghana.ru>.
14. Там же.
15. Назарбаев Н. Послание народу Казахстана. «Новый Казахстан в новом мире» — стратегия очередного этапа развития страны. Ч. II, р. VI.
16. Маслов А. Указ. соч.
17. Сыроежкин К. Указ. соч. С. 74.

Опыт реформ в Восточной Европе: значение для Казахстана

СУЛЕЙМЕНОВ Т.С.

В ноябре 2007 г. Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев совершил государственные визиты в страны Восточной Европы, в частности, Венгерскую Республику, Словакию и Румынию, которые несколько лет назад вступили в Европейское Сообщество. Президент РК ранее посещал эти страны в 1990-е гг., а также осуществил официальные визиты в Польшу (дважды), Болгарию. Следом за этим главы перечисленных государств по приглашению нашего Президента посещали Казахстан с ответными визитами. Характеризуя двусторонние взаимоотношения и концептуальные подходы по их дальнейшему развитию, следует подчеркнуть, что достигнут определенный прогресс в отношениях Казахстана со странами Восточной Европы, развитие которых шло в поступательном ритме.

Главными политическими событиями, которые во многом определили развитие казахстанско-восточноевропейского сотрудничества, явились государственные и официальные визиты Президента РК Н. Назарбаева в страны этого региона. Среди них — официальный визит Президента РК в Венгрию в декабре 1994 г., в ходе которого был подписан Договор об основах дружественных отношений между Республикой Казахстан и Венгерской Республикой, а также официальный визит Президента Венгрии А. Генца в Казахстан в ноябре 1997 г.

Официальный визит Президента РК в Польшу состоялся 27—28 ноября 1997 г. В Варшаве со своим польским коллегой А. Квасьневским он подписал Декларацию о развитии дружественных отношений и сотрудничества между Республикой Казахстан и Республикой Польша. 29—31 октября 1999 г. Президент Польши А. Квасьневский посетил Казахстан с ответным визитом.

В сентябре 1998 г. по приглашению Президента Румынии Э. КонстантINESКУ Президент РК Н. Назарбаев с официальным визитом прибыл в Бухарест. В ходе визита был подписан ряд межправительственных соглашений между двумя странами. В сентябре 2003 г. во время ответного визита румынского Президента

И. Илиеску в Казахстан главы государств подписали Декларацию о партнерстве и сотрудничестве [1].

В октябре 1999 г. состоялся официальный визит Президента РК Н. Назарбаева в Болга — 25—27 сентября 2003 г. Два президента подписали Совместное заявление о дальнейшем развитии отношений между двумя странами.

Таким образом, Глава нашего государства лично занимался установлением дружественных отношений с этими странами, проводил сотни встреч и переговоров, рассказывая их лидерам о нашей стране, изучал экономику и государственное устройство, устанавливал личные доверительные контакты. Президент РК подписал десятки договоров, соглашений по различным вопросам двустороннего сотрудничества, заложив тем самым договорно-правовую базу политических и экономических отношений Казахстана с этими государствами.

Двусторонние отношения между Казахстаном и странами Восточной Европы базируются на подписанных документах и договоренностях, достигнутых в ходе взаимных официальных визитов глав государств, встречах и переговорах на уровне руководителей и ведомств наших стран. Договорно-правовая база между Казахстаном и странами Восточной Европы в настоящее время составляет более 130-ти подписанных межправительственных, межведомственных соглашений и документов. Одним из приоритетов двусторонних отношений являлись соблюдение и выполнение соглашений и договоренностей, достигнутых в ходе встреч на высшем и высоком уровне. Анализ внешней и внутренней политики стран Восточной Европы, тенденций их развития и перспективное прогнозирование внешнеполитических шагов способствовал внесению своевременных коррективов в процесс развития взаимоотношений.

Общность подходов в решении глобальных и региональных проблем безопасности, единство взглядов по вопросам борьбы с международным терроризмом, стремление стран к интеграции в региональные структуры создают солидную основу для конструктивного диалога и взаимовыгодного сотрудничества Казахстана со странами этого региона.

В настоящее время между Республикой Казахстан и странами Восточной Европы отсутствуют какие-либо проблемы в политической и экономической областях, что подтверждает стремление сторон развивать двусторонние торгово-экономические и культурно-гуманитарные связи.

Встречи глав государств и правительств, обмен личными посланиями, поддержание регулярного политического диалога способствовали закреплению в государственном и политическом истеблишменте и общественных кругах стран Восточной Европы положительного имиджа Казахстана как регионального лидера. Этот имидж базируется на надежности Республики Казахстан как экономического партнера, вступившего в новый этап социально-экономической модернизации и политической демократизации, имеющего значительные энергетические ресурсы, транзитно-транспортный и инвестиционный потенциал, а также на восприятии нашей республики как ключевого партнера этих стран в Центральной Азии по вопросам региональной и международной безопасности. Кроме того, контакты на высшем и высоком уровне содействовали укреплению внешнеполитических и внешнеэкономических позиций Казахстана во взаимоотношениях с Европейским Союзом в целом.

Осуществление визитов, контактов на высшем и высоком уровне способствовало укреплению доверия и взаимопонимания, позволило изучить опыт этих стран,

политическую систему, рыночную экономику для практического применения в условиях нашей страны. После таких визитов заметно возросло число контактов представителей деловых и предпринимательских кругов. Их результатом стало появление многих проектов по созданию совместных предприятий, ориентированных на производство промышленных товаров, строительство, переработку сельскохозяйственной продукции, оказание посреднических маркетинговых услуг.

Восточной Европе принадлежит заметное место во внешней политике Республики Казахстан. Это определяется не только геополитическим положением стран региона, но и достигнутым ими уровнем политического, экономического и социального развития.

Страны Восточной Европы составляют один из крупных территориальных регионов Европейского континента с общим числом населения 96 млн 209 тыс. человек и площадью 822 022 км². Регион обладает большими потенциальными возможностями, располагает хорошо отлаженной инфраструктурой, системой коммуникационных связей, достаточно емким внутренним рынком [2].

Исследование происходящих в странах Восточной Европы политических и экономических процессов дает возможность обобщить основные тенденции развития данных государств. Страны региона достигли заметных результатов в процессе трансформации политической, общественной, правовой и экономической систем. Для них был характерен относительно спокойный переход к демократической форме правления, формированию гражданского общества. Эти страны представляют интерес для Казахстана как один из регионов Европы с динамично формирующейся моделью становления рыночных отношений. Весьма полезным представляется опыт Венгрии, Чехии, Словакии и Польши в области общественно-политических преобразований.

Осуществление правительствами восточноевропейских государств программ по стабилизации национальной экономики позволило одним из них добиться существенных успехов, другим — менее значительных результатов. Связано это в первую очередь с темпами реализации намеченных планов и механизмами их осуществления.

Концептуальные подходы к проведению реформ во всех странах региона практически идентичны, и базировались они на предписаниях Международного Валютного Фонда и рекомендациях западных экономических и финансовых институтов. Правительства этих стран к числу наиболее приоритетных направлений относили обеспечение макроэкономической стабилизации национальных валют, создание предпосылок для роста производства, максимальную либерализацию внешней торговли, ускоренную передачу в частные руки государственных предприятий путем приватизации и повышение уровня жизни народа.

Период конца 1980-х — 1990-х гг. характеризовался для стран Восточной Европы дальнейшим продвижением по пути рыночных преобразований. Наиболее динамичными темпами проводились реформы в **Польше, Венгрии и Чехии**, где были созданы правовые условия для формирования рыночных отношений, приведены в соответствие с общеевропейскими нормами внутренние законодательные акты. Первой «тройке» в целом удалось преодолеть самый трудный этап трансформации экономики, характеризующийся высоким уровнем инфляции, бюджетного дефицита и безработицы, падением жизненного уровня населения.

В Польше, Венгрии и Чехии в основном завершен процесс приватизации, проведена либерализация торговли и цен, достигнуты положительные результаты как на макро-, так и на микроуровнях, предприятия стали адаптироваться к новым хозяйственным условиям.

С приходом к власти новой политической элиты **Румыния и Болгария** встали на путь форсированного проведения структурных реформ, рассчитывая при этом в первую очередь на получение финансовой помощи со стороны международных институтов, а также иностранных инвесторов. В целях проведения полномасштабных структурных преобразований, руководители государств региона пытались заручиться финансовой поддержкой со стороны стран-доноров, международных институтов и крупных частных инвесторов, привлечь с их стороны необходимые финансовые средства на проведение реформ в целом, а также в приоритетные отрасли экономики [3].

Ускоренное проведение процесса приватизации позволило привлечь достаточно крупный иностранный капитал. При этом в Польше, Венгрии и Чехии основной поток инвестиций был направлен на создание и реконструкцию промышленных предприятий, переданных преимущественно в частные руки. Характерной чертой инвестиционной политики стран региона стало привлечение займов, кредитов и прямых инвестиций на развитие инфраструктуры, поддержку производственных и социальных программ.

Этот период характеризовался ростом частного сектора в экономике, заметно расширился объем услуг и производимой им продукции. Особенно активно частное предпринимательство развивалось в Польше, Венгрии и Чехии, доля которого в общем объеме ВВП в этих странах составила более 60% [4].

Одной из предпосылок развития рыночных отношений, притока иностранных инвестиций, развития мелкого и среднего предпринимательства явилась проведенная приватизация. Определенный интерес в этом плане представляла польская модель «массовой» приватизации, предусматривающая передачу предприятий на продолжительный срок в руки «промежуточных» собственников. При этом инициатива исходила от административных органов, что позволило контролировать процесс приватизации трудовыми коллективами. Частью приватизационных проектов явилось разукрупнение предприятий, что способствовало развитию частного сектора.

Опыт реформ в странах Восточной Европы показал необходимость проведения санации убыточных предприятий и банков в интересах развития национальной экономики, а также вновь подтвердил, что макроэкономическая стабилизация является главной предпосылкой хозяйственного подъема.

Несмотря на разные темпы, подходы и механизмы проведения экономических преобразований, все страны региона имели общую стратегию: достижение финансовой и банковской стабилизации, реструктуризация производства, проведение реформы госбюджета и социальной сферы. Именно, исходя из этих позиций, опыт проведения реформ в странах Восточной Европы, как положительный, так и отрицательный, был полезен для Казахстана.

Заметных результатов по оздоровлению своих экономик добились Чехия, Венгрия, Польша и Словакия.

В **Чехии** в течение длительного времени государственный бюджет страны оставался сбалансированным, годовая инфляция составила 8—9%, выросли ва-

лютные запасы страны. Темпы роста промышленного производства составили 4—6%. Увеличивались вклады населения, росла покупательная способность. По росту ВВП (2,6%) Чехия фактически сравнялась со странами ЕС [5].

Макроэкономическая стабилизация проводилась посредством жесткой ограничительной кредитно-денежной и бюджетной политики, либерализации внешней торговли и внутреннего рынка. Начиная с 1990 г., правительством ежегодно принимался жесткий бюджет. Были резко сокращены дотации и ассигнования на социальные нужды, отпущены цены. Перед либерализацией цен и внешней торговли правительство Чехии девальвировало крону, доведя ее до реального курса по отношению к твердым валютам. С самого начала экономической реформы действует полная конвертируемость кроны, курс которой на протяжении последних лет оставался практически неизменным.

Политическая стабильность, принятие гибких законодательных актов, благоприятный налоговый и таможенный климат способствовали привлечению в страну западных инвестиций.

Умеренными темпами развивалось чешское сельское хозяйство, структура которого является нетипичной для стран Восточной Европы. В аграрном секторе преобладают крупные сельскохозяйственные предприятия, созданные на базе реорганизованных кооперативов. Благодаря ранее проведенной приватизации государственных сельхозпредприятий, передаче их в частные руки, а также принятию законов о земле и ипотеке, чешский аграрный сектор вышел в разряд прогрессирующих, а его продукция становится конкурентоспособной на западном рынке.

Заслуживает особого внимания чешский опыт приватизации. В стране приватизировано около 90% государственного имущества, частные предприятия стали основным звеном трансформированной чешской экономики. За основу принят купонный метод приватизации, причем купоны были именными и не подлежали продаже. В отличие от подобной приватизации в других странах, купонная приватизация Чехии отличалась наиболее четкими условиями проведения. Процесс был ограничен во времени и проходил очень быстро.

В настоящее время Чехия, преодолев большую часть проблем переходного периода, имеет относительно стабильную экономику. Проведена приватизация значительной части государственной собственности, создана либеральная государственная система, базирующаяся на соответствующем законодательстве, которое юридически регулирует налоговую систему и находится на уровне западноевропейских стран. Среди положительных явлений можно назвать в первую очередь сбалансированный бюджет, а также рост валютных запасов страны.

В 2007 г. продолжилась положительная тенденция развития экономики Чехии. Рост ВВП составил 6%, что обеспечивалось в основном за счет привлечения зарубежных инвестиций и связанного с этим увеличения промышленного производства и экспорта. В 2006 г. внешнеторговый оборот составил \$183,6 млрд при активном сальдо \$1,8 млрд. Средняя заработная плата в стране в 2007 г. достигла 20 000 крон (порядка \$900), показатель годовой инфляции составил 2,5%, уровень безработицы — 7,2% [6].

Крупнейшими инвесторами в Чехии являются Германия, Япония, Швейцария, США, Нидерланды, Франция и Великобритания. Основной поток инвестиций приходится на такие отрасли, как автомобильная промышленность (18%), те-

лекоммуникационные системы (24%), нефтехимическая промышленность и электронная инженерия.

Эффективно действует банковская система. Благодаря стабильной политической ситуации, успешному проведению экономических реформ, Чехия добилась заметных успехов в экономике и пользуется известной репутацией в Европе.

Меры по оздоровлению экономики, предпринятые правительством Венгрии, также привели к определенным положительным результатам. Заслуживает внимания венгерский опыт создания механизма проведения приватизации в энергетической, банковской, гостиничной сферах, а также в области привлечения иностранного капитала и развития частного предпринимательства.

Приняв в мае 1995 г. новый закон о приватизации, венгерское правительство завершило процесс передачи государственных объектов в частные руки. Важным в законе является то, что будущий владелец, приобретая предприятие за наличные средства, обязуется осуществлять новые инвестиции для дальнейшей реорганизации и модернизации производственных мощностей.

В стране приватизировано около 75% предприятий, ранее принадлежавших государству. Доходы от реализованных объектов составили более 500 млрд форинтов (около \$3,5 млрд), причем более 360 млрд форинтов поступило в результате передачи частному капиталу предприятий энергетического сектора. В частную собственность был передан контрольный пакет акций всех предприятий по газоснабжению.

Осуществлена приватизация венгерских банков. В соответствии с венгерскими законами, пропорция иностранной собственности в банках не может превышать 25%. Эти юридические предписания мотивируются намерением правительства ускорить банковскую приватизацию. Первым был приватизирован Банк внешней торговли, затем крупнейший из венгерских банков — Центральные сберегательные кассы, а также Будапешт-Банк. Государство руководствовалось тем, что, помимо необходимых государственных капиталовложений, важнейшая цель — оснастить банки за счет нового владельца современной техникой и ноу-хау, обеспечить выход этих финансовых институтов на новые рынки. Для иностранных инвесторов привлекательным являлось приобретение пая в крупных банках, при этом они получали распространенную сеть филиалов, обширную клиентуру, означающую во многих случаях несколько сотен тысяч счетов.

Крупнейшим западным инвестором для Венгрии является Германия, на долю которой приходится 37% от общего объема иностранных капиталовложений. В отличие от Чехии, полностью направляющей западный капитал на модернизацию и расширение производства, Венгрия большую часть этих средств направила на покрытие дефицита платежного баланса и сокращение внешней задолженности страны.

Список иностранных компаний-инвесторов, вложивших свой капитал в Венгрию, возглавила американская фирма «Дженерал Моторс», построившая в западной части страны заводы по сборке автомобилей «Опель» и запасных частей. Вторым и третьим крупнейшими вкладчиками являлись соответственно японская фирма «Судзуки» и американская «Дженерал Электрик».

Правительство всемерно стимулировало мелкое и среднее предпринимательство с целью ускорения структурных сдвигов, повышения эффективности и динамизации экономики, смягчения обострившейся в последнее время проблемы занятости.

Для кредитования проектов, связанных с приватизацией и развитием частного предпринимательства, правительство также активно использовало финансовую помощь МБРР, ЕБРР, ЕС, выделяемую специально на эти цели. Расширилось и прямое кредитование из целевых кредитных фондов, созданных банками и правительственными организациями США, Японии, Италии, Франции и Швеции. Однако преимущество в них отдавалось совместным предприятиям, создаваемым венграми с фирмами этих стран, либо на закупку оборудования в них.

Одним из важнейших элементов рыночных преобразований в Венгрии явилась реформа социальной сферы. Была осуществлена реформа пенсионного обеспечения, механизм проведения которой является сходным с казахстанским. С 1998 г. возраст выхода на пенсию для мужчин и для женщин составил 62 года.

Последовательное развитие рыночных механизмов и жесткая финансовая политика позволили улучшить внешнеторговый баланс страны, увеличить экспорт в западные страны. Венгрии удалось за сравнительно короткое время снизить внешнюю задолженность и сократить дефицит текущего платежного баланса.

Венгрия сохраняет ведущие позиции в проведении реформ в регионе Восточной Европы. При этом следует отметить, что высокий уровень роста экономики достигнут за счет создания новых производств. Среднегодовой рост ВВП Венгрии в 2006 г. был на уровне 4% и его объем составил \$163,9 млрд. ВВП на душу населения — \$17 733. В 2007 г. в структуре товарооборота Венгрии основными партнерами были такие страны, как Германия, Австрия, Италия и Россия. Европейский рынок составляет около 70% общего объема венгерского экспорта. Рынок труда в 2006 г. был под влиянием сезонного воздействия. Число безработных сократилось до 6% и достигло 346 тыс. человек. Средняя заработная плата повысилась на 7% по сравнению с 2005 г. и составила 115,4 тыс. форинтов (\$590).

Как известно, ЕС в течение 2007—2013 гг. планирует выделить около \$40 млрд для финансирования различных программ экономического развития Венгрии при условии соблюдения общепринятых европейских стандартов. В этой связи одобрение новой программы Европейским Союзом имеет ключевое значение для венгерского правительства. Одновременно в международном рейтинге конкурентоспособных экономик мира Венгрия занимает в настоящее время 41-е место, следуя после Литвы и опережая Италию.

Интересным для Казахстана представляется изучение польского опыта проведения реформ.

К началу экономических преобразований (1989 г.) страна имела огромный внешний долг — около \$40 млрд, равный половине национального дохода. Резкое сужение рынков сбыта товаров крайне негативно отразилось на общем состоянии экономики. В первый год реформ Польша потеряла 5% национального дохода из-за спада экспорта в бывший СССР. В Венгрии этот показатель составил 10%, в Чехословакии — 8%.

Правительством Польши была разработана новая экономическая стратегия макроэкономической стабилизации, при которой уровень инфляции не должен был превышать 5% в год. Кроме того, необходимо было в сжатые сроки провести либерализацию внешней торговли, устранить государственную монополию на экспорт и импорт. Началась реформа бюджетной, банковской и налоговой систем, были приняты соответствующие общеевропейским стандартам законодательные акты.

Предпринятые меры повлекли за собой быстрый рост частного сектора, на долю которого приходилось 65% ВВП страны. Около 95% промышленных предприятий перешло в частные руки. В среднем на 8—10% ежегодно увеличивалось промышленное производство. Введенная новая национальная валюта (злотый) являлась стабильной [7].

Среди стран Восточной Европы Польша шла в авангарде реформ в области сельского хозяйства, и ее опыт подробно изучался применительно к условиям Казахстана.

Начиная с 1991 г., правительство отказалось от дотационной поддержки села. Была принята программа модернизации и реструктуризации, согласно которой открыты агентства — единственные организации в стране, получающие средства из бюджета для кредитования аграрного сектора. Они финансируют фермеров, наиболее предпочтительные проекты. Кроме того, агентства занимаются развитием инфраструктуры села, открытием банков для сельхозпроизводителей. Следует подчеркнуть, что сельскохозяйственные агентства имеют большую прибыль и высокую степень рентабельности.

Последовательность и гибкость правительства в проведении реформ позволили вывести экономику Польши в разряд относительно стабильных по показателям среди стран региона.

Членство Польши в ЕС значительно закрепило рост внешнеторгового оборота с европейскими странами, объемы иностранных инвестиций, укрепило финансовый сектор и снизило уровень безработицы. Страны ЕС доминируют в польском экспорте и импорте, а их доля в товарообороте — 76% и 61% соответственно. Главным партнером Польши является Германия, на которую приходится 12,9% всего объема внешнеторговых операций. Иностранные инвестиции активно начали поступать в экономику Польши. В 2006—2008 гг. инвестиции в основной капитал будут увеличиваться на 10,8% ежегодно, а их доля в ВВП может возрасти до 22,1% в 2008 г.

Необходимо отметить, что в польской экономике в настоящее время имеются и проблемы. Одна из них — это исполнение государственного бюджета, дефицит которого составляет около 3% от ВВП. Тяжелым бременем остается высокий уровень государственного долга — около 50% от ВВП, а также уровень безработицы — 15,7%. Тем не менее, по оценкам МВФ, польская экономика находится в хорошем состоянии.

Словакия, по сравнению с Чехией, имела более неблагоприятные стартовые условия, связанные с необходимостью преобразования отраслей тяжелой промышленности и военного производства, с зависимостью от поставок сырья из бывшего СССР, негативно отразившихся на общем ходе экономических реформ. Медленными темпами шла конверсия предприятий. Лидирующее место в экономике страны занимают химическая и резиновая промышленность, машиностроение, пищевая промышленность, металлургия. Правительство Словакии всячески стимулировало эти отрасли, привлекая к их модернизации иностранных инвесторов и предоставляя налоговые и таможенные льготы.

В 1996 г. словацким парламентом был принят пакет важных экономических законов, регулирующих процесс приватизации, либерализацию внешней торговли. Максимально снижены таможенные и налоговые ставки для иностранных компаний-инвесторов, участвующих в приватизации государственных предпри-

ятий. Правительство стремилось стимулировать отечественных производителей, предоставляя им существенные льготы по налогообложению, принята Программа по поддержке малого и среднего бизнеса, создан специальный фонд для их развития.

Руководство Словакии, определив своей приоритетной целью вступление в Европейский Союз, разработало Концепцию по приведению национального законодательства страны в соответствие с принятыми в ЕС нормами. Налажен был активный диалог с международными финансовыми и экономическими институтами. Начиная с 1993 г., в экономику было привлечено около \$11 млрд.

Основные инвесторы Словакии — Германия, Нидерланды, Австрия и США. Наиболее интенсивно развивается автомобилестроение. В 2004 г. произведено 225 тыс. легковых и грузовых машин, в последующем до 2008 г. планируется производить ежегодно около 600 тыс. машин.

Таким образом, наметившиеся позитивные результаты проведения экономических преобразований в Словакии, способствовали усилению ее авторитета в международных финансовых и деловых кругах.

Менее динамично проводились реформы в Румынии и Болгарии. Это было связано в первую очередь с тем, что в этих странах по-прежнему не были приняты гибкие законодательные акты, регулирующие вопросы внешнеэкономической деятельности, привлечения иностранного капитала, собственности на землю. Медленными темпами шел процесс приватизации. Данные факторы негативно сказывались на общем ходе реформ, а также препятствовали привлечению западных инвестиций. Тем не менее, преодолев трудности переходного периода, эти страны сумели провести ряд экономических реформ и достигли заметных сдвигов в экономическом развитии. Особенно это стало заметно со вступлением их в ЕС.

Объем иностранных инвестиций в экономику Румынии за 2006 г. составил 9,1 млрд евро, уровень инфляции — 4,8%. ВВП в расчете на душу населения составляет 4482 евро. Румыния занимает 17-е место в ЕС по общему объему ВВП. Страна в течение 2007—2009 гг. получит от ЕС около 4 млрд евро на поддержку и развитие села, которое является одной из проблемных сфер экономики. Правительство Румынии предпринимает меры по дальнейшему улучшению экономики страны [8].

Что касается Республики Болгария, то, несмотря на отставание по темпам социально-экономических преобразований, реформам в сфере налогообложения, кредитования, в финансово-бюджетной системе, эта страна демонстрирует устойчивое увеличение ВВП в среднем на 5—6% ежегодно. Это самый высокий показатель экономического роста в странах ЕС против 3,2% [9].

Повышается уровень заработной платы, размер пенсий, увеличивается сбор налогов в бюджет страны. Самый крупный товароборот осуществляется со странами ЕС. Увеличились объемы экспорта в Германию, Италию, Бельгию. Наблюдается реальный рост в размере 35,9% по инвестициям в основной капитал. Самая высокая активность наблюдается в строительстве и транспорте.

Положительно оценивая в целом проводимый странами региона курс экономических преобразований, направленный на подъем уровня промышленного производства, аграрного сектора, стимулирование малого и среднего предпринимательства, создание устойчивой банковской системы, нельзя не отметить и серьезные проблемы, возникшие на переходном этапе.

Стремясь выполнить предъявляемые международными финансово-экономическими институтами и, прежде всего, Международным валютным фондом условия жесткого монетарного курса, страны региона существенно сократили бюджетные ассигнования на социальную сферу. Отрицательные социальные последствия общественно-политических и экономических преобразований не вышли за рамки, контролируемые государством. Однако спад производства, низкая инвестиционная активность в ряде стран региона, незавершенность институциональных преобразований привели к серьезным издержкам в обеспечении занятости трудоспособного населения, росту безработицы.

Несколько дестабилизирующим фактором в проведении экономических реформ явились существенные противоречия между законодательной и исполнительной ветвями власти, частые замены членов правительства, а также недостаточно последовательное осуществление программ приватизации в некоторых странах региона.

Таким образом, опыт, накопленный странами Восточной Европы по проведению экономических реформ, заслуживает особого внимания применительно к практике осуществления коренных преобразований в экономике Казахстана.

Визиты Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева в Венгерскую Республику, Словакию и Румынию в конце 2007 г. имеют огромное значение. С политической точки зрения они способствовали успешному продвижению внешнеполитических интересов Казахстана не только в этих странах, но и в целом регионе. К этим визитам было приковано внимание всех стран Европейского Союза, анализировались итоги переговоров, насколько они полезны и выгодны для региона, их соответствие европейским интересам. Установление личных контактов между главами государств, развитие политических отношений, сотрудничество в международных организациях Казахстана и восточноевропейских стран — членов ЕС позитивно воспринято Западом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень международных договоров РК. — 2004. — №3.
2. Европейский обзор // Брюссель, 1994, 12 апреля. — №10. — С. 1—2.
3. White Paper. Preparation of the Associated Countries of Central and Eastern Europe for Integration into the Internal Market of the Union // Commission of the European Communities. — Brussels, 1995, March, 5.
4. Democratic Consolidation in Eastern Europe / L. Zielonka (Ed.). — Oxford, 2000.
5. Economist Intelligence Unit. — 2007, October, 31.
6. Ibid.
7. Guide de L'Union Europeene 2000—2002. — Bruxelles, 2001.
8. Economist Intelligence Unit. — 2007, November, 17.
9. Ангелов И. Расширение Европейского Союза на восток: проблемы интеграции Болгарии // Политический журнал. — 2004. — №6.

Позиция Европейского Союза по вопросу иранской ядерной программы

ИСАЕВ К.Д.

Одной из наиболее актуальных проблем современных международных отношений, затрагивающей интересы не только отдельных стран, но и всего мирового сообщества, является дипломатический кризис вокруг деятельности Ирана в области разработки ядерных технологий. Европейский Союз (ЕС) как один из ведущих игроков на международной арене также занимает активную позицию в деле урегулирования данного вопроса в течение последних двух лет.

Можно констатировать, что напряженность в отношениях между Ираном и ведущими западными державами, вызванная «иранской ядерной программой», в последние несколько месяцев резко возросла. Военные эксперты не исключают вариант военного столкновения между основными участниками «иранского кризиса», что не может не беспокоить Казахстан. Нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке вследствие эскалации конфликта может оказать негативное влияние на безопасность стран Каспийского региона.

Анализ дипломатии ЕС по отношению к Ирану как возможной ядерной державе в течение 2006 г.

Европейский Союз, интерес которого к Ирану имеет политические и экономические корни, прилагает усилия к тому, чтобы развивать динамичные отношения с Исламской Республикой Иран (ИРИ) и иметь более стабильного партнера в регионе Персидского залива. Что касается наличия дипломатических отношений непосредственно между ЕС и ИРИ, то на сегодняшний момент не существует урегулированных посредством договора связей. Известно, что еще до Исламской революции при шахском режиме вплоть до 1977 г. имело силу предварительное соглашение о сотрудничестве между предшественниками ЕС и Ираном, и только начиная с 1995 г. был организован тематически ограниченный диалог, который после избрания Хатами президентом Ирана в 1998 г. приобрел глобальный статус. В рамках диалога такого уровня каждые полгода проводятся совещания Евротройки, где наиболее важным вопросом из обсуждаемых тем, таких, как терроризм и права человека, является проблема распространения ядерных технологий и материалов.

Актуальным остается следующий регулирующий дипломатические контакты правовой акт — это Сообщение Еврокомиссии от 7 февраля 2001 г. Совету ЕС и Европарламенту под названием «Отношения между Европейским Союзом и Исламской Республикой Иран» [1]. Если учесть, что Иран обладает 10% мировых

запасов нефти (страна занимает третье место в мире) и 16% разведанных мировых запасов газа (второе место в мире), а помимо этого имеет статус наблюдателя в таких двух стратегически важных структурах, как сеть транспортировки нефти и газа в Европу INOGATE (с 1999 г.) и транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия» (TRACECA), то планомерные успешные усилия Ирана в области разработки ядерных технологий (с декабря 2003 г.) и его «ядерная программа» беспокоят ЕС, требуя от последнего гибкой и устойчивой к кризисам дипломатии.

Следует отметить, что отношения между ЕС и Ираном в вопросе о праве страны Среднего Востока получить статус ядерной державы характеризуются желанием Брюсселя заменить ядерные технологии Ирана на аналоговые или поставить таковые под международный жесткий контроль. Тегеран, в свою очередь, откладывает разрешение проблемы на более поздний срок исключительно к своей выгоде и в интересах продвижения собственной ядерной программы.

Начиная с 2006 г., экспертами отмечена активизация ЕС в вопросе нормализации контактов с Ираном; речь идет об организации конструктивного диалога между двумя игроками, который однозначно был усугублен фактом, что 10 января 2006 г. Иран возобновил исследования по атомному топливу, прекращенные на добровольной основе двумя годами раньше. Односторонние действия Ирана вызвали озабоченность на Западе, вследствие чего запланированные переговоры Евротройки с ИРИ были отменены, а Совет Безопасности ООН, постоянными членами которого являются страны — члены ЕС, посредством резолюции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) был проинформирован о ядерной деятельности Ирана. Прогнозируемой ответной мерой ИРИ стало прекращение сотрудничества по ядерной программе и возобновление работ по обогащению урана с 13 февраля 2006 г. Европейский Союз, не желая спровоцировать грядущую изоляцию Ирана, был вынужден в спешном порядке предпринять шаги по преодолению конфронтационности.

Великобритания и Франция — ведущие страны ЕС, являющиеся одновременно постоянными членами Совета Безопасности ООН, — выразили твердое стремление, во-первых, решить проблему по возможности дипломатическим, а не военным путем [заявление Т. Блэра об отказе Великобритании от поддержки силовых мер в отношении Ирана от 19 апреля 2006 г. во время встречи в Москве в формате «5+1» (5 постоянных членов Совета Безопасности плюс Германия)]; во-вторых, детально рассмотреть данный вопрос, для чего иранское ядерное досье было передано в Совет Безопасности ООН 7 марта 2006 г. [2]. Четко осознавая всю деликатность обсуждаемого вопроса, Тегерану был предоставлен период на размышление сроком один месяц (решение от 31 марта 2006 г.), рассматриваемый в качестве времени на переосмысление и разработку новой концепции самопозиционирования Ирана на мировой арене, в частности на переговорах с представителями «шестерки». Эта инициатива окончилась безрезультатно, поскольку все усилия группы данного формата были перечеркнуты заявлением лидера ИРИ М. Ахмадинежада от 13 апреля 2006 г., согласно которому этой стране удалось разработать полный ядерный цикл и обогатить уран до уровня, достаточного для производства топлива для АЭС.

В сложившейся ситуации ЕС продолжил настаивать на прекращении Ираном *всех работ*, связанных с обогащением урана на его территории (совещание министров стран — членов ЕС от 15 мая 2006 г.), взамен чего ЕС готов предо-

ставить Ирану пакет экономических предложений как компенсацию за свертывание его любых ядерных исследований. Но руководство ИРИ отреагировало на данные предложения достаточно резко, назвав экономические инициативы ЕС неприемлемыми, а требование ЕС к Тегерану закрыть ядерную программу — бессмысленным.

С начала следующего месяца ЕС снова активизирует свою деятельность в плане развития диалога по иранской ядерной программе, что выражается в передаче иранской стороне 6 июня 2006 г. ряда предложений «шестерки» через верховного представителя ЕС по единой внешней политике и политике безопасности Х. Солану. Несмотря на первоначальную позицию Ирана, озвученную министром иностранных дел ИРИ М. Моттаки 8 июня 2006 г., согласно которой Тегеран в принципе устраивают предложения международных посредников, процесс завершился пятидневным безрезультатным ожиданием, после чего «шестеркой» было принято решение вернуть иранское ядерное досье в Совет Безопасности ООН.

Разочарование ЕС в отсутствии у Ирана стремления конструктивно обсудить проблему и наметить реальные пути ее мирного разрешения было отражено в официальном заявлении министра иностранных дел Франции Ф. Дуст-Блази, выступившего после долгих дискуссий «шестерки» 12 июля 2006 г. в качестве единого представителя шести стран. В частности, он подчеркнул, что «иранцы не представили никаких свидетельств того, что они готовы начать серьезную работу по существу наших предложений. В этом контексте у нас нет другого выбора, кроме как вернуться в Совет Безопасности» [3]. Последующие переговоры в Брюсселе между секретарем Высшего совета безопасности Ирана А. Лариджани и верховным комиссаром ЕС по внешней политике и политике безопасности Х. Соланой от 11 июля 2006 г. также не принесли однозначного ответа мировому сообществу, вследствие чего по истечению трех дней иранское досье было передано в Совет Безопасности ООН. Ответной реакцией Тегерана на передачу его досье в Совет Безопасности явилось испытание новой баллистической ракеты дальнего действия класса «подводная лодка — поверхность» и открытие в г. Араке (Центральная провинция Ирана) завода по производству «тяжелой воды».

6 сентября 2006 г. состоялась очередная встреча представителя ЕС Х. Соланы с секретарем Высшего совета безопасности Ирана А. Лариджани, в ходе которой была достигнута договоренность о продлении срока для Ирана с целью подготовки страны к отказу от ядерных технологий. Заслуживает внимания твердая позиция ЕС по неприменению любых военных операций против Ирана — таково официальное видение проблемы со стороны председателя Еврокомиссии Ж. Баррозу.

С середины сентября 2006 г. начинается новый этап переговоров вокруг иранской ядерной программы, связанный с озвученным Тегераном желанием временно отказаться от обогащения урана на срок до двух месяцев (по сообщениям австрийского радио со ссылкой на дипломатические круги в Вене от 11 сентября 2006 г.). Двухдневные переговоры между секретарем Высшего совета национальной безопасности Ирана А. Лариджани и верховным представителем ЕС по внешней политике и политике безопасности Х. Соланой оказались ненапряженными в силу продуктивности встречи и многочасовой работы, и, по словам Х. Соланы, прояснились «недоразумения, которые существовали до сих пор» [4].

Следует отметить, что позиция Ирана в этот период не отличалась последовательностью, потому как А. Лариджани после переговоров с Х. Соланой в сентябре

2006 г. настаивал на состоявшемся «конструктивном» диалоге с Западом, в то время как в следующем месяце (4 октября 2006 г.) ИРИ предложила Франции, которая располагает технологией обогащения урана, создать консорциум по производству обогащенного урана на территории Ирана. Стремясь не упустить возможность решить иранскую ядерную проблему дипломатическим путем, 7 октября 2006 г. в Лондоне главы внешнеполитических ведомств «шестерки» международных посредников дискутировали на предмет предоставления Тегерану дополнительного времени, поскольку предыдущие «отсрочки» оказались, по сути, пустой тратой времени, и это время было успешно использовано ИРИ для дальнейшего развития собственных ядерных технологий. Таким образом, 19 октября 2006 г. ЕС фактически признал провал переговоров с Ираном из-за нежелания последнего приостановить свои работы по обогащению урана, вследствие чего из-за очевидности бесперспективности переговоров Европейский Союз принял решение поддержать принятие Советом Безопасности ООН санкций в отношении Тегерана, что и выразилось в подготовленном «евротройкой» документе для Совета Безопасности ООН в период с 20 по 27 октября 2006 г., ставшем впоследствии жесткой резолюцией по Ирану.

Ответом ИРИ на столь резкий шаг был запуск второй линии центрифуг для обогащения урана 27 октября 2006 г., а в дополнение к этому 3 ноября 2006 г. успешные испытания ракет «Шахаб-3» с радиусом действия до 2 тыс. км [5]. Завершается 2006 г. утверждением Советом Безопасности ООН резолюции №1737 по иранской ядерной программе от 25 декабря, которая вводит в одностороннем порядке санкции против Ирана и которая была тут же названа иранским президентом «клочком бумаги» [6].

Позиция ЕС по «иранской ядерной программе» в 2007 г.

Понимая фактическую безрезультатность собственной дипломатии в течение 2006 г., Европейский Союз в 2007 г. становится еще более активным на мировой арене в деле урегулирования «иранской ядерной проблемы». Так, решением ЕС на монтаж Ираном, начиная с 3 февраля 2007 г., еще 3000 центрифуг в г. Натанза, на которых урановое сырье будет в промышленных масштабах перерабатываться в топливо для атомных электростанций, стало одобренное министрами иностранных дел 27-ми стран ЕС на своей встрече в Брюсселе введение санкций против Ирана, которые предусматривают полный запрет на поставки в Иран материалов и технологий, которые могут быть использованы при разработке и производстве ядерного оружия и ракет (решение ЕС от 13 февраля 2007 г.). Ситуация усугубляется для ИРИ и тем, что 21 февраля 2007 г. истек назначенный Советом Безопасности ООН 60-дневный срок, предоставленный Ирану для приостановки работ по обогащению урана.

27 февраля 2007 г. в Лондоне представителями пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германии было проведено совещание, на котором обсуждался доклад о выполнении Ираном предыдущей резолюции СБ ООН. Верховный комиссар ЕС по внешней политике и политике безопасности Х. Солана высказал мнение о возможном компромиссе между «шестеркой» международных посредников и ИРИ, который сводится к формуле «Иран временно приостанавливает обогащение урана, а Совет Безопасности приостанавливает

действие санкций» [7]. Поскольку и эта инициатива не была поддержана ИРИ, то Совет Безопасности ООН 24 марта 2007 г. принимает вторую резолюцию по Ирану, основными пунктами которой являются запрет на экспорт оружия из Ирана и заморозение финансовых счетов 13-ти иранских компаний, включая государственный банк. Реакцией Ирана было торжественное заявление иранского лидера М. Ахмадинежада от 9 апреля 2007 г. о том, что его страна переходит от научно-исследовательской стадии обогащения урана к промышленному производству ядерного топлива.

Европейский Союз, принимая во внимание, чем может грозить реакция Ирана, не оставляет попыток вернуть Иран за стол переговоров, в результате чего в столице Турции г. Анкаре 25 апреля 2007 г. прошла очередная встреча верховного представителя Евросоюза по внешней политике и политике безопасности Х. Соланы и секретаря Высшего совета национальной безопасности Ирана А. Лариджани. Основным содержанием переговоров становится выработка условий для возобновления диалога между Тегераном и Евросоюзом. В частности, еще перед переговорами А. Лариджани потребовал от Х. Соланы «новых инициатив» для выхода из нынешнего тупика, предупредив своего коллегу, что поверхностные методы и дипломатические игры не приведут ни к каким результатам. Одновременно с этим на заседании глав МИД ЕС в этот же день было принято решение о том, что ЕС предпримет санкции против Ирана, которые будут еще более строгими по сравнению с резолюцией Совета Безопасности ООН.

По итогам совещания сторонами было заявлено об определенном прогрессе, равно как и о движении в направлении формирования общей позиции. Чтобы закрепить достигнутые на переговорах договоренности, Франция, Великобритания и ФРГ предлагают Ирану новый план урегулирования ядерной проблемы, который включает предоставление Тегерану реактора на легкой воде в обмен на прекращение Ираном деятельности по обогащению урана (по сообщениям Австрийского агентства печати со ссылкой на слова дипломатических лиц в Вене от 16 мая 2007 г.)^{*}.

18 мая 2007 г. данное предложение было отвергнуто президентом ИРИ М. Ахмадинежадом, а двумя днями ранее иранский лидер подчеркнул, что Иран откажется от комплексного плана ЕС по урегулированию ядерной проблемы, в частности Иран не поддержит любые требования и варианты, направленные на прекращение его страной программы по обогащению урана. Помимо этого, Иран сам проявил инициативу, и в лице официального представителя иранского МИД Х. Асефи было заявлено, что если ЕС признает право Тегерана на развитие ядерной программы, то Иран разрешит государствам ЕС получать в стране больше экономических выгод.

На конференции в рамках форума «Азия — Европа» на уровне министров иностранных дел, прошедшей в г. Гамбурге 28 мая 2007 г., три высших представителя ЕС — министр иностранных дел Германии Ф. Штайнмайер, комиссар по внешним делам ЕС Б. Ферреро-Вальднер и верховный представитель ЕС по вопросам общей внешней политики и политики безопасности Х. Солана

— фактически заручились поддержкой Китая, озвучив совместную позицию по иранской ядерной программе со своим коллегой министром иностранных дел КНР Я. Цзечи. Так, в совместном заявлении Ф. Штайнмайер отметил: «Сейчас Китай и ЕС занимают единую позицию в Иранском ядерном вопросе. Во-первых, мы считаем, что надо оказать на Иран больше давления с тем, чтобы он ответил на требования МАГАТЭ и международного сообщества. Во-вторых, Китай и ЕС категорически выступают против решения иранского вопроса военным путем. Он должен быть решен путем проведения консультаций» [8].

Для планомерного осуществления стратегии ЕС относительно иранской ядерной программы новый раунд переговоров между А. Лариджани и Х. Соланой был назначен на 31 мая 2007 г. в г. Мадриде. 23 июня 2007 г. в столице Португалии г. Лиссабоне переговоры были продолжены, и после встречи представители обеих сторон отметили «конструктивность» диалога и выразили готовность продолжать усилия в этом направлении. Несмотря на утверждение А. Лариджани 31 мая 2007 г. о том, что в «оборонительной доктрине Ирана нет места ядерному оружию», 4 июня 2007 г. «шестерка» международных посредников в лице Х. Соланы передала новое предложение, заключающееся в требовании от Ирана заморозения его ядерной программы на шесть месяцев. По расчетам «шестерки» именно столько времени потребуется сторонам для выработки документа, где были официально оформлены отказ Ирана от своей ядерной программы и схема будущего сотрудничества с МАГАТЭ. В середине июля 2007 г. Иран снял запрет на посещение своих ядерных объектов экспертами МАГАТЭ, и по итогам визита ее делегации была достигнута договоренность о проведении очередного раунда переговоров.

Немаловажно заметить тот факт, что с приходом на руководящие посты в странах — членах ЕС новых политических деятелей позиция этих стран только ужесточается и становится все более бескомпромиссной. К примеру, новый президент Франции Н. Саркози 23 мая 2007 г. высказал свою точку зрения в довольно решительном тоне, подчеркнув, что Тегерану лучше сотрудничать с мировым сообществом по вопросу об «иранской ядерной программе», в противном случае Ирану грозит новое ужесточение санкций. Кроме того, со стороны Н. Саркози был подвергнут критике и глава МАГАТЭ М. аль-Барадей, считающий, что Западу следует вместо требования о полной остановке производства обогащенного урана потребовать, чтобы Иран ограничил свою программу мирным использованием атома. Аналогичную позицию занимает и новый премьер-министр Великобритании Г. Браун, который рассматривает введение международных санкций против Ирана, но исключает силовое решение иранского вопроса.

Особенности политики ЕС по вопросу иранской ядерной программы на современном этапе

Рассмотрев дипломатическую деятельность Европейского Союза в области мирного урегулирования проблемы иранской ядерной программы, можно выделить три формата воздействия со стороны Европейского Союза на Исламскую Республику Иран в деле ее ядерных разработок:

Во-первых, ЕС пытается, главным образом, воздействовать на Иран в формате «шестерки» международных посредников, составляющей формулу «5+1», куда входят постоянные члены Совета Безопасности ООН (Франция и Великобритания

^{*} Для справки: реактор на легкой воде не может производить плутоний, который можно использовать для создания ядерного оружия. Как известно, предоставление Ирану реактора на легкой воде является частью комплексного плана ЕС по урегулированию иранской ядерной проблемы. Согласно этому плану, Иран должен перенести деятельность по обогащению урана на территорию России.

как страны — члены ЕС) и Германия — страна, не обладающая таким высоким статусом, но успешно принимающая активное участие в разрешении вопросов современности. Именно в форме «шестерки» странам ЕС удается высказывать видение проблемы и определенным образом реально влиять на разрешение дипломатического кризиса вокруг иранской ядерной программы. Многочисленные пакеты инициатив и предложений, а также непрекращающиеся консультации и переговоры только подтверждают вышеупомянутый тезис.

Вторым видом формата задействованности ЕС в решении иранской проблемы может быть представлена деятельность Великобритании и Франции в рамках такого института ООН, как Совет Безопасности. В частности, Совет Безопасности проявлял за два последних года повышенное внимание к Ирану — доказательством служат неоднократные возвращения иранского «ядерного досье» из МАГАТЭ. Кроме того, Совет Безопасности несет всю ответственность за утверждение и применение санкций по отношению к Ирану на основе последних резолюций.

Третьей формой организации диалога между Ираном и ЕС служат непосредственные визиты и долгосрочные переговоры между секретарем Высшего совета национальной безопасности Ирана А. Лариджани и верховным представителем ЕС по вопросам общей внешней политики и политики безопасности Х. Соланой, в ходе которых обе стороны отмечают некоторую «конструктивность».

Политика Европейского Союза по отношению к деятельности Ирана по развитию его ядерной энергетики характеризуется следующими особенностями:

1. Общая позиция ЕС, в отношении «иранского кризиса» начала формироваться сравнительно недавно, будучи отданной ранее на откуп ведущим европейским державам, членам Совета Безопасности ООН (Англии и Франции), имевшим экономические и политические интересы в Иране. К этой группе в 1990-е гг. присоединилась объединенная Германия благодаря своему политическому влиянию и экономическому весу и, соответственно, степени участия в европейских делах. Таким образом, позиция ЕС была и по настоящее время является суммой позиций ведущих европейских государств.

2. Наряду с политикой ЕС, в данном вопросе продолжает существовать политика отдельных европейских государств, которая может изменяться в зависимости от внешнеполитических ориентаций правительств, пришедших к власти, и от характера их отношений с США, занимающих наиболее жесткую позицию по «иранскому кризису». Так, после прихода в ведущих европейских государствах к власти лидеров, делающих ставку во внешней политике на трансатлантическое партнерство с США (А. Меркель, Г. Браун, Н. Саркози), позиция ЕС по «иранской ядерной программе» имеет тенденцию к ужесточению. Это резко контрастирует с позицией ЕС по региональным проблемам Ближнего и Среднего Востока в годы, когда у власти во Франции и Германии находились Ж. Ширак и Г. Шредер, соответственно, сторонники «национальных» европейских интересов. Последовательно США поддерживает Англия, которая, тем не менее, балансирует между общеевропейской и атлантистской позициями, выступая за дипломатическое решение данного комплекса проблем.

3. В отличие от США ЕС традиционно воздерживался от резкого осуждения действий Ирана в региональных вопросах. Здесь **сказывается экономическое и геополитическое соперничество двух центров Запада в регионе**, восходя-

щее к колониальному и постколониальному периоду. Традиция формулирования «сдержанного» и сбалансированного общеевропейского подхода к «иранскому вопросу», в основе которой лежат принципы многосторонности и коллективной дипломатии ООН, восходит к середине 1990-х гг., когда США ввели санкции в отношении Ирана и компаний, инвестирующих в иранскую нефтегазовую промышленность. В этот период ряд европейских компаний призывали свои правительства саботировать незаконные, с их точки зрения, действия США. В первой половине XXI в. проблема санкций США против Ирана в европейской политике получила продолжение, но уже на новом витке противостояния Ирана и США в виде «иранской ядерной программы». И здесь по инерции для сдерживания США на Среднем Востоке ЕС занимал выжидающую позицию, предпочитая развивать диалог и вести дипломатические переговоры. Европейская дипломатия в этих целях также искусно использовала инструменты МАГАТЭ.

4. Дискуссия вокруг отрицания Холокоста и антиизраильские выступления президента Ирана М. Ахмадинежада ко всему прочему показали, что **в странах ЕС формируется негативное общественное мнение и политический климат в ЕС меняется не в интересах Ирана**. В совокупности со сменой правительств в странах Евротройки они дали отрицательный эффект, позиция ЕС по «иранской ядерной программе» начала ужесточаться, что фактически подтвердилось передачей «иранского досье» в СБ ООН. Тем самым европейские партнеры сыграли на руку США, нейтрализовав иранскую дипломатию в МАГАТЭ и оттеснив МАГАТЭ от принятия ключевых решений.

5. Обсуждение вопроса в СБ ООН и исчерпание ресурсов резолюций по Ирану по срокам приближает виток противостояния к его военной развязке. Неспособность ООН разрешить «иранский вопрос» в конечном итоге, как представляется, приведет к снижению роли ООН в данном вопросе, как это прежде произошло во время «иракского кризиса» 2003 г. Гибкое и внешне вынужденное отступление ЕС позволяет европейским державам, членам СБ ООН, «сохранить лицо» сторонников принципов многосторонней дипломатии ООН и в то же время подтвердить лояльность принципам трансатлантического диалога с США, ухудшившегося при Ж. Шираке и Г. Шредере.

6. Об изменениях в настроениях европейских элит свидетельствует поведение европейского бизнеса в Иране. В последнее время **наблюдатели отмечают отток европейского капитала из страны**, в том числе германского, что тоже о многом говорит, поскольку именно Германия все последние годы продолжала оставаться выразителем сугубо европейских интересов в наднациональной политике ЕС.

Таким образом, рассмотрев динамику дипломатической деятельности Европейского Союза за 2006—2007 гг., можно подчеркнуть, что позиция ЕС характеризуется готовностью к диалогу, но и постепенным ужесточением позиции, которая подкрепляется все более сильными санкциями против ИРИ. Можно прогнозировать, что последовательное невыполнение Ираном требований уже имеющихся резолюций СБ ООН, так или иначе, ставит вопрос о методах воздействия на него. И чем дольше игнорируются решения Совета Безопасности ООН, тем больше аргументов возникает у сторонников включения в эти решения возможности применения военной силы.

Этот сценарий может быть изменен, если сторонам удастся найти инициативы, которые позволили бы достичь компромиссных договоренностей с Ираном. Пока

что таких инициатив не появилось, во многом, в связи с позицией самого Ирана, ранее отвергнувшего целый ряд подобных предложений.

Анализ ситуации вокруг Ирана показывает, что странам Запада при действующем президенте Ирана М. Ахмадинежаде не удастся дипломатическими средствами склонить Иран к отказу от собственной ядерной программы. А это значит, что ЕС для усиления давления на Иран будет постепенно склоняться к дальнейшему ужесточению позиции Запада, действуя скоординировано с США в данном вопросе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сообщение Еврокомиссии Совету ЕС и Европарламенту: «Отношения между Европейским Союзом и Исламской Республикой Иран», 7 февраля 2001 г. // <http://europa.eu>.
2. ЕС идет на уступки Ирану // <http://9-06.mysob.ru>.
3. Обсуждение «ядерного досье» Ирана в международных организациях // www.mezhdunarodnik.ru.
4. Встреча верховного представителя ЕС по ОВПБ Х. Соланы с секретарем Высшего совета национальной безопасности ИРИ А. Лариджани // <http://politics.line.ru>.
5. Иран объявил о создании новой баллистической ракеты // <http://www.segodnya.ua>.
6. Резолюция №1737, принятая Советом Безопасности ООН на его 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. // <http://www.un.org/russian/document>.
7. Ядерные программы Тегерана вновь обсудят в Совете Безопасности ООН // <http://rg.ru/gazeta>.
8. Китай и ЕС намерены поднять всесторонние отношения стратегического партнерства на новый уровень // <http://russian.cri.cn>.

Понятие терроризма в национальном законодательстве государств Центральной Азии

КАРАТАЕВА Л.Р.

Мало какой теме посвящено столько же внимания, сколько уделяется проблемам международного терроризма и борьбы с ним. Тематика международного терроризма становится доминирующей в дискурсе безопасности после событий 11 сентября 2001 г., однако можно с уверенностью утверждать, что построение системы коллективного противодействия международному терроризму в Центральной Азии начинается на два года раньше — в 1999 г., с подписания в

рамках СНГ ряда договоров, призванных послужить правовой основой единой политики противодействия угрозам терроризма. Так, 4 июня 1999 г. в Минске был подписан Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом.

Сегодня в рамках Центральной Азии создана разветвленная система противодействия международному терроризму. Такая система включает в себя как мероприятия, проводимые в рамках национальных проектов, так и ряд двусторонних договоров и соглашений, а также непосредственно коллективные усилия, осуществляемые в рамках работы таких организаций, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также в рамках деятельности государств — участников СНГ. Рассматривая состав участников антитеррористической деятельности в регионе, можно прийти к выводу о том, что собственной регионально-замкнутой системы противодействия терроризму государства Центральноазиатского региона (ЦАР) не создали, в системе противодействия терроризму участвуют также государства, входящие в состав СНГ, особенно следует выделить роль Российской Федерации, которая осуществляет свое присутствие во всех региональных антитеррористических проектах. Также участником вышеуказанной системы является Китай, в сферу интересов которого, по мнению большинства исследователей, не столько входит противодействие непосредственно международному терроризму, сколько вопросы стабильности по периметру его границ и противодействие сепаратизму.

Тем не менее в рамках коллективных усилий стран — участников СНГ по борьбе с международным терроризмом выделяется и региональный уровень. Так, например, осознание реальной угрозы, исходящей от распространения терроризма и религиозно-политического экстремизма в регионе, привело к заключению руководством Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана 21 апреля 2000 г. Договора о совместных действиях по борьбе с политическим и религиозным экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом и об образовании регионального антитеррористического центра.

В сентябре 2001 г. в связи с резким обострением оперативной обстановки в Центральноазиатском регионе была образована оперативная группа Антитеррористического центра государств — участников СНГ (АТЦ СНГ), дислоцирующаяся в г. Бишкеке, призванная в реальном масштабе времени отслеживать происходящие изменения в оперативной обстановке в регионе и информировать о них как руководство соответствующих государств и органов безопасности, так и руководство межгосударственного АТЦ СНГ.

Анализ документов, регламентирующих деятельность региональных организаций, имеющих антитеррористическую направленность, дает возможность выделить некоторые проблемы, возникающие в рамках осуществления коллективных усилий государств ЦАР по противодействию терроризму.

Во-первых, во всех основополагающих документах терроризм и террористические акты и акции определяются как уголовные деяния, в то время как в выступлениях политических лидеров государств и организаций, а также в научной литературе терроризм определяется как социально-политическое явление, имеющее социальные, религиозные, идеологические и т.д. корни.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., под терроризмом понимают-

ся деяния, указанные в п.п. «а» и «б» и «преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [1]. Аналогичное восприятие терроризма мы видим в п. 1. ст. 4 Минского договора 1999 г.: «При осуществлении сотрудничества в борьбе с актами терроризма, в том числе в вопросах выдачи лиц, их совершивших, Стороны рассматривают соответствующие деяния только как уголовные» [2].

В целом, конечно, можно согласиться с целесообразностью определения терроризма как уголовного деяния, однако такая артикуляция значительно сужает сферу противодействия, и в результате в системе региональной антитеррористической деятельности ведущую роль играют спецслужбы, в то время как взаимодействие структур образования, информации, СМИ и т.п. представлено слабо.

Во-вторых, документы центральноазиатских антитеррористических организаций не дают точного определения таким понятиям, как терроризм, террористический акт, террористическая акция. По всей видимости, предполагается, что эти понятия расшифровываются в текстах национальных законов о борьбе с терроризмом, однако налицо серьезные расхождения в понимании этих понятий на национальном уровне.

Говоря о национальных законодательствах, следует сказать, что наибольшую проблему составляет разница в восприятии и понимании непосредственно самого понятия «терроризм». Автором для проведения сравнительного анализа были выбраны законы о борьбе с терроризмом, принятые в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане.

В редакции Закона Кыргызской Республики «О борьбе с терроризмом» от 3 января 2005 г. терроризм определяется как совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения с целью подрыва или ослабления существующей государственной власти либо устрашения или принуждения государственных органов, международных, коммерческих, общественных и других организаций для совершения или отказа от совершения того или иного действия в интересах террористов или террористических организаций, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [3]. Более развернутое определение терроризму дается в Законе Кыргызской Республики «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г.: «Терроризм — противоправное уголовно наказуемое деяние, совершенное в целях нарушения общественной безопасности, оказания воздействия на принятие органами государственной власти решений, выгодных террористам, и устрашения населения, а также для достижения других политических, идеологических, религиозных целей, путем совершения террористического акта, проявляющееся в виде:

- насилия или угрозы его применения в отношении физических или юридических лиц;
- уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающих опасность гибели людей;
- причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий;

- посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного для прекращения его государственной и политической деятельности либо из мести за такую деятельность;

- нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебное помещение либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений;

- совершения иных деяний, подпадающих под понятие террористических в соответствии с законодательством Кыргызской Республики, а также с международными правовыми актами, направленными на противодействие терроризму» [4].

В Законе Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» терроризм определяется как «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц, принуждение или угроза его применения в отношении юридических лиц, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества или иных материальных объектов физических или юридических лиц, создающие опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно-опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворение их неправомерных имущественных и (или) иных интересов, а также посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля с целью ослабления основ конституционного строя и безопасности государства, а равно с целью прекращения государственной деятельности либо другой политической деятельности или совершаемое как месть за эту деятельность; а также покушение на жизнь, причинение телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти, совершенное в связи с их государственной или общественной деятельностью, с целью дестабилизации обстановки или воздействия на принятие решений государственными органами либо воспрепятствования политической или общественной деятельности; а также нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, или проживающим с ним членом семьи, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если эти действия совершены в целях провокации войны или осложнения международных отношений» [5].

В Законе Республики Узбекистан от 15 декабря 2000 г. говорится, что «терроризм — насилие, угроза его применения или иные преступные деяния, создающие опасность жизни, здоровью личности, уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов и направленные на понуждение государства, международной организации, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения каких-либо действий, осложнение международных отношений, нарушение суверенитета, территориальной целостности, подрыв безопасности государства, провокацию вооруженных конфликтов, устрашение населения, дестабилизацию общественно-политической обстановки, для достижения политических, религиозных, идеологических и

иных целей, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Республики Узбекистан» [6].

В Законе Республики Туркменистан от 2003 г. терроризм определяется как «политика и тактика действий, имеющих целью захват власти и насильственное изменение конституционного строя страны, нарушение общественной безопасности, устрашение населения, создание обстановки хаоса или оказание воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворение их неправомерных имущественных и (или) иных интересов» [7].

В соответствии с казахстанским законодательством 1999 г., терроризм есть «противоправное уголовно наказуемое деяние, совершенное для подрыва безопасности государства, оказания воздействия на принятие государственными органами решений и достижения иных террористических целей путем: уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) стратегических и жизненно важных объектов и коммуникаций государства, системы жизнеобеспечения населения, имущества и других материальных объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного для прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мест за такую деятельность; нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой; насилия или угрозы применения насилия в отношении физических лиц; захвата или удержания лица в качестве заложника; иных деяний, подпадающих под понятие “террористических” в соответствии с Уголовным кодексом Республики Казахстан, а также общепризнанными международными правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом» [8]. В 2002 г. понятие «терроризм» было уточнено: «противоправное уголовно наказуемое деяние или угроза его совершения в отношении физических лиц или организаций в целях подрыва общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранными государствами и международными организациями либо с целью прекращения деятельности государственных либо общественных деятелей или из мести за такую деятельность».

Анализируя тексты законов в части, касающейся определения терроризма, автором были выделены следующие критерии: 1) что из себя представляет; 2) какие цели преследуются. Как видно, восприятие терроризма на национальном уровне государствами Центральной Азии несколько различны: для Казахстана и Кыргызстана терроризм — это в первую очередь «противоправное, уголовно наказуемое деяние», для Узбекистана и Таджикистана — это «насилие или угроза его применения», для Туркменистана терроризм — это в первую очередь «политика и тактика действий».

Следующий момент — это цели, преследуемые террористами. В данном случае, по мнению автора, имеет смысл обратить внимание и на очередность постановки целей. В соответствии в Законом Республики Таджикистан, террористами преследуются следующие цели: 1) нарушение общественной безопасности; 2) устрашение населения; 3) оказание воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам; 4) ослабление основ конституционного строя

и безопасности государства; 5) дестабилизация обстановки или воздействие на принятие решений государственными органами; 6) провокация войны или осложнение международных отношений».

Закон Кыргызской Республики отмечает следующие цели: 1) нарушение общественной безопасности; 2) оказание воздействия на принятие органами государственной власти решений, выгодных террористам; 3) устрашение населения; 4) другие политические, идеологические, религиозные цели; 5) провокация войны или осложнение международных отношений.

Закон Республики Туркменистан выделяет следующие цели террористов: 1) захват власти; 2) насильственное изменение конституционного строя страны; 3) нарушение общественной безопасности; 4) устрашение населения; 5) создание обстановки хаоса; 6) оказание воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам.

В Законе Республики Узбекистан о целях говорится следующее: 1) понуждение государства, международной организации, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения каких-либо действий; 2) осложнение международных отношений; 3) нарушение суверенитета, территориальной целостности; 4) подрыв безопасности государства; 5) провокация вооруженных конфликтов; 6) устрашение населения; 7) дестабилизация общественно-политической обстановки для достижения политических, религиозных, идеологических и иных целей.

Казахстанское законодательство на сегодняшний момент выделяет следующие цели террористов: 1) подрыв общественной безопасности; 2) устрашение населения; 3) оказание воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранными государствами и международными организациями; 4) прекращение деятельности государственных либо общественных деятелей. Однако следует отметить, что выделение именно таких целей и в такой последовательности в Республике Казахстан происходит с 2002 г., а с 1999 по 2002 г. указывались следующие цели: 1) подрыв безопасности государства; 2) оказание воздействия на принятие государственными органами решений и достижения иных террористических целей.

Определение целей, преследуемых террористами, дает возможность выделить объект, чья безопасность угрожает терроризм. Таджикское законодательство в качестве объекта в первую очередь выделяет общество, население, далее государственные органы и международные отношения (схема: общество — государство — международные отношения). В случае законодательства Кыргызстана схема будет та же самая: общество — государство — международные отношения. Туркменское законодательство выстраивает следующую схему: власти — государство — общество. Обратим внимание, что терроризм, с точки зрения Туркменистана, это не «деяние» и не «насилие», а именно политика и тактика захвата власти. Для Узбекистана схема будет выглядеть следующим образом: международные отношения — государство — общество. Текст законодательства Казахстана дает возможность выделить следующую схему: общество — государственные органы — международные отношения.

Таким образом, можно констатировать, что налицо отсутствие унифицированного восприятия государствами Центральной Азии терроризма, его целей и т.д. Очевидно, что такие «разночтения» заметно осложняют антитеррористическую

деятельность и в данном случае совместные механизмы противостояния терроризму, выстраиваемые государствами Центральной Азии, играют большую роль, так как дают возможность обмена информацией, создания единого банка данных, разработки и принятия согласованных мер для предупреждения, выявления и пресечения террористических действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // <http://www.pircenter.org>.
2. Договор о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом // <http://www.infopravo.by.ru>.
3. Закон Кыргызской Республики о борьбе с терроризмом // <http://www.legislationline.org/ru>.
4. Закон Кыргызской Республики о противодействии терроризму // <http://www.legislationline.org/ru>.
5. Закон Республики Таджикистан о борьбе с терроризмом // <http://www.legislationline.org/ru>.
6. Закон Республики Узбекистан о борьбе с терроризмом // <http://www.legislationline.org/ru>.
7. Закон Республики Туркменистан о борьбе с терроризмом // <http://niyazov.sitcity.ru>.
8. Закон Республики Казахстан о борьбе с терроризмом // <http://www.terroristica.info>.

Трансформация миросистемы: анализ общих тенденций

УСТИМЕНКО А.А.

В течение последнего десятилетия глобальные отношения вступили в период активной трансформации, которая, по сути, носит характер ситуативного подстраивания, нежели целенаправленного моделирования. Тем не менее процессы и явления, наблюдавшиеся с 1991 г., с момента окончательного распада биполярной системы, и особенно усилившиеся в течение 2000-х гг., постепенно создают новое видение межгосударственных и межинституциональных связей, которые основываются на объективно новых принципах, точнее говоря, приоритетах их использования, которые классифицируются как Новый мировой порядок.

Интересны в этой связи высказывания И. Валлерстайна: «Современная миросистема как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет. Однако, поскольку результаты кризиса не могут быть определены заранее, мы не знаем, станет ли пришедшая на смену новая система (или системы) лучше или хуже той, в которой мы живем ныне. Но что мы действительно знаем — это то, что переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его

перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик» [1].

Мировой порядок в любой отрезок времени представляет собой нечто отличное от того, что существовало ранее. Мировой порядок — это не застывшая система межгосударственных, межинституциональных и иных отношений, сохраняющихся в течение продолжительного отрезка времени, а лишь набор общих для понимания характеристик и принципов, субъективно определяющих основные черты текущего исторического момента. Поэтому термин «Новый мировой порядок» в определенной степени субъективен так же, как, к примеру, биполярная система, предшествующая ему.

По сути, можно выделить два наиболее важных взаимосвязанных явления, которые отличают Новый мировой порядок: постепенная диффузия элементов вестфальской системы отношений, прежде всего в контексте эрозии абсолютной суверенности государства-нации, в качестве первого и возрождение многополярности как глобального концепта в качестве второго.

Претензия на суверенитет была до недавнего времени главной характеристикой государства-нации. Причем суверенитет, как его определяли, начиная с XVI в., — это требование, порождаемое не столько самим государством, сколько межгосударственной системой, иначе — двуединое требование, направленное как внутрь государства, так и вне его.

Обращенный внутрь государства суверенитет предполагал, что в рамках своих границ (которые, однако, должны быть четко определены и легитимизированы на уровне межгосударственной системы) государство имело право проводить практически любую политику, которую полагало разумной, принимать любые законы, которые считает необходимыми, и при этом никто — ни отдельные индивиды, ни группы, ни внутригосударственные структуры не вправе отказаться от их исполнения. Суверенитет, обращенный вовне, предполагает, что никакое иное государство не имеет права претендовать — ни прямо, ни опосредованно — на полномочия данного государства в пределах собственных границ, поскольку такая попытка означала бы покушение на его суверенитет.

На рубеже XX и XXI столетий стал очевидным ключевой факт: суверенитет отдельных государств несовместим с международной «демократией», предполагающей подчинение в той или иной форме меньшинства большинству. Грубо говоря, на протяжении 1990-х гг. складывались определенные механизмы новой глобальной системы, которая рассматривает именно суверенность государства-нации качественно по-новому. Показательно, что нечто подобное произошло в 1648 г. с окончанием Тридцатилетней войны, когда после Вестфальского мира сложилась современная система европейских государств.

По сути, с 1991 г. начала возникать совершенно новая система, связанная с новой формой государственности или, по крайней мере, государствами, которые ведут себя совершенно иначе, чем раньше. Союзы, сохраняющиеся и в мирное, и в военное время, интервенционизм и вмешательство во внутренние дела друг друга, регулируемая иерархизация в процессе позиционирования государств — все это означает, что на данном этапе государства уже не могут похвастаться былым суверенитетом и независимостью. Сегодняшняя опасная тенденция ведет к тому, что конкретные политические понятия «государство» и «граница»

вытесняются юридически неопределенными, не имеющими опоры ни в одном праве географическими и социально-экономическими терминами.

Речь не идет о свертывании концепта государства-нации как такового, что привело бы к трем гипотетически нереальным в обозримой перспективе сценариям: созданию глобального супрагосударства; воссозданию «имперской системы» с несколькими центрами притяжения, контролирующими «периферию»; или появлению системы, основанной на принципах политического анархизма.

Скорее, следует говорить об избирательности применения принципа суверенности в рамках иерархизированной международной системы, которая подразумевает наличие государств с полной «суверенностью» и акторов-субъектов с ограниченными «правами».

Ключевой постулат современной миросистемы, точнее уже поствестфальской системы, — *избирательная легитимность*, что само по себе предполагает наличие «управляющей надстройки» в лице ведущих государств, санкционирующей легитимность, а также — особой группы «стран-изгоев» с ограниченным суверенитетом, как внешним, так и внутренним. Следует упомянуть и тенденцию к диффузии эффективной власти, проявившуюся, в частности, в феномене «обанкротившихся государств», усилении тенденции интервенционизма и внедрения внешнего управления.

Более того, уже имеются «научные» обоснования постепенного свертывания вестфальской системы. Так, Майкл Гленнон, один из американских идеологов, работающих в этом направлении, полагает, что «создатели истинно нового мирового порядка должны покинуть эти воздушные замки и отказаться от воображаемых истин, выходящих за пределы политики, таких, например, как теория справедливых войн или представление о равенстве суверенных государств. Эти и другие устаревшие догмы покоятся на архаических представлениях об универсальной истине, справедливости и морали... Крайне разрушительной производной естественного права является идея равной суверенности государств... Отношение к государствам как к равным мешает относиться к людям как к равным» [2].

Вестфальская система ставится под сомнение и рядом международных соглашений, в рамках которых значительные объемы государственного суверенитета делегируются либо наднациональным органам, либо тем или иным субъектам в рамках одного и того же государства, к примеру, Маастрихтский договор 1992 г. и первое «сетевое государство» — Европейский Союз. Причем уже высказываются предположения о том, что европейская экономика будет находиться в состоянии «полустагнации» до тех пор, пока Европа не преодолет синдром национального государства.

Показательным фактом, но, к сожалению, редко упоминающимся, являются такие характерные черты современной системы, как гибкость и нестационарность, вызванные перманентной турбулентностью мировой среды и предполагающие весьма специфичный режим «управляемого хаоса». В этих условиях стабильность, в том числе и государственного суверенитета, начинает пониматься не как статичная, а как динамичная категория, определяющее свойство которой — опережение негативного развития событий, их превентивное регулирование.

Так, если проанализировать типологический ряд конфликтов последнего времени, то следует обратить внимание на следующее обстоятельство: практически ни один из них так до конца и не был урегулирован. И, тем не менее, количество подобных ситуаций растет.

Закономерно возникает мысль, а заложена ли вообще в качестве стратегической задачи необходимость разрешения этих конфликтов? Или же имеет место реализация новой логики поддержания стратегической стабильности в желаемом ключе — логики глобального управления как свободы перманентного и произвольного регулирования целевых событий. «В этом случае мы можем оказаться в состоянии, называемом учеными “бифуркацией”, когда миросистема обретет “хаотический” характер, означающий на языке математики, что одновременно существует множество решений, описывающих состояние миросистемы уравнений, а краткосрочные перспективы, как следствие, окажутся принципиально непредсказуемыми. Но именно из такого состояния родится некий новый “порядок”, абсолютно неопределенный (в том смысле, что его пока невозможно предсказать), но зависящий от массы обстоятельств (в том смысле, что даже незначительные воздействия могут иметь кардинальное значение для системы, находящейся в состоянии кризиса)» [3].

Одним из ключевых элементов Нового мирового порядка, связанным в том числе и с понятием суверенности, являются и процессы глобализации, которые имеют три качественно отличных друг от друга, хотя и взаимосвязанных, измерения: политическое, экономическое и культурное.

К сожалению, глобализация в основном рассматривается как однородный процесс, определяемый исключительно экономическими детерминантами, что, в сущности, приводит к обобщенному и неполному восприятию действительности.

Характерно в этой связи, что некоторые эксперты, анализируя глобализационные тенденции, вывели уже принципиально новый уровень глобальной структуры — «Империя» [4], которая, по их мнению, представляет собой не государственно-подобное или институциональное образование, но разновидность сетевой внегосударственной структуры. То есть фактически государство начинает рассматриваться уже не в качестве доминанты международных отношений, а скорее как вырождающийся объект, который подвергается деструктивному воздействию гетерогенных по своей природе глобализационных трендов.

Но именно аспект гетерогенности глобализационных процессов крайне важен для понимания последующих тенденций, так как составляющие глобализации несут разноплоскостной и зачастую противоположный вектор направленности.

Объективно ясно, что мир глобализируется в основном в экономической сфере. Фактически политическая глобализация в упрощенной форме наиболее сильно проявилась в конце XIX-го в., когда несколько существовавших имперских структур создали систему отношений и сфер влияния глобального характера. Политическая глобализация, инициировавшаяся в течение всего XX-го в. в основном как процесс скоординированного принятия решений, постепенно теряет свою интенсивность, более того, наблюдаются противоположные процессы, в том числе дробление ряда «второстепенных» акторов миросистемы на мелкие составляющие, с косвенным или непосредственным участием ведущих государств мира.

Анализируя текущие тенденции, необходимо подчеркнуть важнейший вывод — экономическая составляющая глобализации преднамеренно позиционируется приоритетной, так как она отвечает политическим интересам ведущих акторов миросистемы, которые используют в качестве доминирующей концепции наработки политического реализма. А политический реализм включает в себе необходи-

мость приоритизации национально-государственных интересов, односторонних инструментов их продвижения и протекции.

Рассматривание глобализационных процессов в этом ключе позволяет несколько иначе взглянуть на их предпосылки и дальнейшие тенденции развития, вне идеалистических иллюзий. По сути, глобализация, именно «управляемая» глобализация, представляет собой не что иное, как стремление, *во-первых*, целенаправленно привязать процессы глобального развития к определенному общему знаменателю, обозначить рамки дозволенного поведения для вовлеченных государств; *во-вторых*, снизить потенциал для маневра государствам, которые по тем или иным причинам недовольны существующим положением дел, то есть уменьшить вероятность возникновения масштабных конфликтов, способных стать катализатором системной диффузии.

В связи с этим глобализация с точки зрения ее восприятия на основе западных концептов зачастую представляет собой обновленную версию доктрины «открытых дверей» со всеми вытекающими последствиями. И, прежде всего, невозможность нейтрализации тенденции сокращения разрыва между традиционно наиболее богатыми странами «Севера» — Европы, США, Японии и некоторых других и наиболее бедными государствами, которые используются в качестве «незащищенных» рынков сбыта с целью максимизации капитала.

Что интересно, глобализация зачастую равнозначна идее вестернизации, внедрения единых правил поведения на основе главенства идей либерального капитализма и демократии, которые предоставляют объективные преимущества, именно политические, позволяющие моделировать сам процесс, в основном западным странам. Как следствие, глобализация вызывает и противоположный сдвиг — усиливаются перспективы расслоения мира, автаркичной регионализации его компонентов.

Таким образом, можно отметить системную проблему в существующей миросистеме — отсутствие реальной, образующей Идеи глобального масштаба, идейный вакуум, возникший после биполярности.

Широко распространено мнение, что крах коммунистических режимов в 1991 г. обозначил великий триумф либерализма. В то же время ряд исследователей рассматривают этот момент в качестве очевидного краха либерализма как определяющей геокультуры нынешней миросистемы, который прослеживается вплоть до настоящего времени. «Либерализм, по существу, обещал, что постепенное реформирование сгладит диспропорции, присущие данному миропорядку, и уменьшит остроту поляризации. Иллюзия достижимости этих целей в рамках современной миросистемы являлась, по сути, мощнейшим стабилизирующим фактором, поскольку легитимизировала государства в глазах их населения и в обозримом будущем обещала людям рай на Земле. Крах коммунизма одновременно с упадком национально-освободительных движений в «третьем мире» и кризисом доверия к кейнсианской модели на Западе — все это вместе и одновременно стало отражением массового разочарования в жизненности и реалистичности всех предлагавшихся реформистских программ» [5].

Важно понять, что современная глобальная система отношений, прежде всего на межгосударственном уровне, отличается и наличием сдвигов в рамках выбора между коллективными и унитаристскими инструментами. Этот тезис относится не только к США, которые объективно стремятся к «мессианской» однополярнос-

ти, но и ко всем ведущим акторам миросистемы (ЕС, Россия, Китай, Индия и др.), которые пытаются, так или иначе, усилить сферы влияния (понимая под этим термином не только географические условности), слабо реагирующие на коллективное воздействие. Коллективные механизмы все больше используются только в качестве «фактора торга» или в случае объективного их соответствия процессу продвижения национально-государственных интересов вовлекаемых участников.

По сути, коллективные инструменты взаимодействия, которые усиливались на протяжении XX-го в., в том числе и в контексте разрешения конфликтных моментов, постепенно снова оттесняются традиционными концептами, в рамках которых «силовой», унитаристский аспект играет главенствующую роль. При этом глобальные институты перестают соответствовать своему назначению, когда состав их руководящих структур, принимающих решения, уже не отвечает соотношению сфер влияния в мире, а именно так обстоят дела на данный момент. Об этом наглядно свидетельствует пример Совета Безопасности ООН.

В этой связи актуализируется конфликт интересов между традиционными державами и новыми акторами, претендующими на державный статус, в рамках расширения многополярности. Парадокс Нового мирового порядка заключается в том, что проявляется крайне опасная тенденция «полупризнания» акторов-претендентов (Индии, Китая и др.) со стороны состоявшихся держав, которые пытаются отсрочить придание первым де-факто равного статуса, так как это влечет за собой необходимость, как минимум, предоставления соответствующих привилегий и соответствующее изменение их роли на мировой арене. Хотя, с другой стороны, стоит отметить, что процесс «признания» крайне субъективен — взять, к примеру, собственное позиционирование России в мире в качестве державы и его внешнее восприятие.

Показательно, что на экспертном уровне возможные последствия возникновения «новых» держав прослеживаются достаточно ясно. «Прогнозируемая вероятность появления Китая и Индии, так же как и некоторых других, в качестве новых ведущих глобальных игроков, по аналогии с подъемом единой Германии в XIX-м в. и США в начале XX-го в., трансформирует геополитический ландшафт с такими же драматичными последствиями, как упомянутые на протяжении прошедших двух столетий. Так же как комментаторы относились к 1900-м гг. как к “Американскому веку”, также XXI-й в. может потенциально рассматриваться как период, когда Азия, ведомая Китаем и Индией, идентифицирует его с собой. Конгломерат продолжительного высокого экономического роста, усиливающихся военных способностей и огромного населения станет основой ожидаемого быстрого подъема как политической, так и экономической мощи двух вышеназванных государств» [6].

При этом наблюдается два симптоматических обстоятельства. *Во-первых*, усиление восходящих государств означает еще большее ослабление стран, в особенности переживающих упадок. *Во-вторых*, их стремление минимизировать воздействие особенно одиозных односторонних действий, прежде всего со стороны США.

Проявляются кардинальные изменения в принципах силового соперничества. Кроме более «свободной» практики интервенционизма в отношении ряда «государств-изгоев», количество которых будет расти и в дальнейшем, обозначилась тенденция распространения оружия массового поражения среди ряда акторов миросистемы, в том числе и ревизионистских, факт обладания которым ранее

рассматривался в качестве принципа «избранности» и, что самое главное, являлся основным компонентом структурной стабильности глобальных отношений. Американский политолог Пол Брэкен охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Баллистические ракеты, несущие обычные боеголовки или оружие массового поражения, наряду с другими аналогичными технологиями, сейчас доступны, по крайней мере, десятку азиатских стран — от Израиля до Северной Кореи, и это представляет собой важный сдвиг в мировом балансе сил. Рост азиатской военной мощи возвещает о начале второго ядерного века...» [7].

Как следствие, наблюдается и радикальный отход некоторых ядерных держав от существующих правил игры, более свободное применение, точнее, готовность к использованию, современных военных средств, в том числе в качестве механизмов «силового» влияния. Причем озабоченность вызывает распространение подобного рода тенденции в «альтернативных» державах и так называемых странах «Третьего мира», которые рассматривают военную силу и, прежде всего, обладание ОМП в качестве единственного гаранта собственной стабильности как государства и возможности проецирования своих интересов без рестрикции со стороны ведущих акторов миросистемы, в более широком формате — сохранения возможности развиваться по собственному пути.

Особенностью Нового мирового порядка является отсутствие реального гегемона и формирование многополюсной системы отношений, причем как в общемировом, так и региональных масштабах. Иначе выражаясь, мир расколот на разнородные блоки государств и отдельные страны, «внешнее управление» которыми крайне затруднено и стремится к дальнейшей хаотизации. Именно в этом факте заключается многополярность современного мира.

США можно позиционировать только лишь в качестве условного гегемона, «координирующего» жизнеспособность миросистемы, поскольку его действия лимитируются определенными «флажками», состоящими по большей части из системы договоренностей-уступок с другими ведущими акторами, а также ограниченностью собственной ресурсной базы. США в состоянии разрешать локальные дилеммы, однако на глобальном уровне они серьезно ограничены. Соединенные Штаты на данный момент, оказывая влияние на критически важные аспекты развития глобального порядка, в то же время не способны эффективно и, главным образом, односторонне моделировать весь комплекс процессов, находясь хоть и в расширенных однополярных, но, тем не менее, в объективно ограниченных рамках.

«Другие нации, — размышляет У. Пфафф, — имеют собственные мифы национального происхождения, своей уникальности и судьбы. Американский опыт представляет для других народов некоторый исторический интерес, но особого политического значения он не имеет. Другие общества могут восхищаться Соединенными Штатами, эти общества могут завидовать американцам по-хорошему и по-плохому. В Соединенные Штаты продолжается иммиграция тех, кто жаждет того, что воспринимается как свобода и приобщенность к материальным богатствам. Но огромное большинство человечества индифферентно к американским порывам, если вовсе не враждебно к ним; элита прочих наций мира не готова воспринимать такую иерархию политических обществ и культур, в которой Соединенные Штаты всегда находятся на вершине» [8].

Глобальная стратегия Вашингтона зачастую имеет характер подстраивания под те или иные процессы и носит многоходовой, поэтапный и непредсказуе-

мый характер. Более того, США пытаются поддерживать условия, когда другие ведущие акторы воспринимали бы себя в качестве «ответственного акционера» миросистемы, не стремясь к радикальной ее трансформации. Но способность к неограниченному навязыванию собственных правил поведения — главная характеристика реального гегемона и наличие возможностей по управлению любым актором в условиях складывающейся системы международных отношений фактически недостижимы.

Однако проблема при ближайшем ее рассмотрении оказывается, однако, еще серьезнее — геозкономическому менталитету Запада противопоставлен цивилизационный вызов, и прежде всего со стороны Азии. «Созданному Западом миру брошен вызов... в культурной и в философской сферах. Азия, которая стала утверждаться в экономическом плане в 60-70-х гг., утверждается сейчас также в военном аспекте» [9]. «Ставки могут быть очень высоки, так как история демонстрирует нам, что когда возникающие державы входят в соприкосновение с существующими державами и международной системой в целом, то проявляется высокий риск возникновения политических трений и военной конфликтогенности. В Азии мы наблюдаем появление двух держав, Китая и Индии, и возрождение еще одной — Японии» [10]. При этом, по мнению Томаса Бергмана, «главный источник нестабильности в Азии находится в особенностях продвижения концептов национальной идентичности и интересов со стороны ведущих региональных субъектов», которые позиционируют себя в качестве избранных для великодержавности.

Таким образом, баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций.

Стремление к глобализации по западному образцу и довольно агрессивная политика ряда ведущих акторов миросистемы по утверждению своих позиций в мире и проецированию собственных интересов вызвали и негативную по последствиям ответную реакцию — рост ассиметричных вызовов и угроз. Причем многие рассматривают резкое учащение нетрадиционных явлений, прежде всего политического и религиозного экстремизма и терроризма как инструмент обеспечения «позиций» первого, в качестве одной из главных характеристик существующей миросистемы. Однако экстремизм и терроризм существовали на протяжении всей человеческой истории и подразумевали взгляды, действия, людей, не соответствующих и представляющих опасность доминирующим в конкретный временной период идейным установкам.

Как следствие, процессы начали развиваться по единственно возможному и предсказуемому в реальности пути — стремление ведущего актора миросистемы в лице США обеспечить неоспоримое, хотя и недостижимое доминирование в глобальном масштабе с использованием всех возможных догм, инструментов и механизмов давления, отсрочить вероятность возникновения новых центров силы.

Был выбран неоимперский путь, который, однако, ведет не к абсолютной безопасности, а к актуализации и учащению всего комплекса угроз для актора, стремящегося к гегемонии, другими словами, последний оказывается вовлечен в необходимость разрешения фактически неподъемного комплекса локальных и глобальных проблем. «Чем больше наиболее сильные государства стремятся достичь абсолютной безопасности через кардинальное усиление своей экономической и военной мощи, безнаказанно продвигая пропагандируемые националь-

ные интересы, тем больше нестабильным становится мир и они сами. Доктрина Буша просто неэффективна в ее нынешней форме» [11].

Именно поэтому была объявлена всемирная «война с террором». Афганская и иракская кампании так же, как и югославская ранее, создали огромной важности прецедент: впервые в новейшее время война велась (прямо и открыто) во имя изменения политического режима в суверенных государствах — членах ООН. И тем самым оказалась перевернутой сложившаяся в XX в. система международного права, державшаяся на принципе невмешательства во внутренние дела.

Фактически мы наблюдаем активную реанимацию Вашингтоном и принципов «холодной войны», только осуществляемых под прикрытием иных концептуальных установок и поведенческих матриц, к примеру, в отношении России, Китая (расширение НАТО, создание СОИ ПРО, создание новых альянсов в Восточной Азии и т.п.) и некоторых других государств, которые определенно не вписываются в новый формат однополярного «глобализированного» мира, продвигаемого США.

В свою очередь, акторы, ощущающие подобное давление, предпринимают ответные меры, которые фактически нивелируют активность державы, стремящейся к гегемонии. Причем это проявляется не только в сфере геополитики или военно-политической области, но и в энергетическом, культурном, информационном противостоянии. Особенно активно данный тренд проявляется в сотрудничестве между Россией и Китаем, в том числе в рамках институциональных образований, таких, как ШОС.

Однако стоит отметить, что стремление к многополярности, демонстрируемое указанными акторами, — это вынужденный шаг, который обозначен необходимостью нивелирования существующего или потенциального негативного воздействия со стороны главного соперника — США. Наличие опасности со стороны более мощного соперника вынуждает их несколько иначе рассматривать собственные угрозы друг для друга, обеспечивать менее резкое восприятие своих шагов. Но любое изменение политики Соединенных Штатов, к примеру, отход к доктрине изоляционизма или, тем более, неожиданный упадок как державы, вызовет соответствующий рост напряженности в отношениях между теми государствами, которые декларируют приверженность к многополярности.

Кроме того, многополярность, в традиционном понимании наличия нескольких центров притяжения в мире, гораздо менее стабильна как система по сравнению с би- и одно-полярной, учитывая учащенную вероятность возникновения конфликтов и меньшую возможность достижения стратегических компромиссов.

Таким образом, в данной статье были проанализированы наиболее важные, с точки зрения автора, особенности, тенденции и процессы, объединяемые термином «Новый мировой порядок».

ЛИТЕРАТУРА

1. Wallerstein, I. *The End of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century.* University of Minnesota Press. — Minneapolis, 2003. — P. 26.
2. Гленнон М. Совет Безопасности: в чем причина провала? // *Россия в глобальной политике.* — 2003. — Т. 1. — №3. — С. 118—120.
3. Wallerstein, I. *Op. cit.* P. 75.
4. Hardt, M., and Negri, A. *Empire.* — Harvard University Press, 2000.
5. Wallerstein, I. *Op. cit.* P. 26.

6. *Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project.* — Washington D.C., 2004. — P. 9.
7. Bracken, P. *The Second Nuclear Age // Foreign Affairs.* — 2000 (January-February). — P. 38.
8. Pfaff, W. *The Coming Clash of Europe with America // World Policy Journal.* — 1998/99 (Winter). — P. 6.
9. Bracken, P. *Op. cit.*
10. Armitage, R. *China the Emerging Power // Yomiuri Shimbun.* — 2005, on August, 14th. — P. 3.
11. Van Ness, P. *China's Response to the Bush Doctrine // World Policy Journal.* — 2004/05 (Winter). — P. 40.

Этнический конфликт: теоретические аспекты исследования

АСАНБАЕВ М.Б.

В изучении теории этнического конфликта существуют большие сложности. До недавнего времени теория конфликта оставалась малоизученной категорией анализа в социальной науке. Однако большинство недавних попыток заполнить этот недостаток и развить теорию конфликта в политической науке делается во взаимосвязи с международными отношениями. При этом трудность исследования этнического конфликта заключается в том, что международные отношения как дисциплина, которая непостоянна, довольно уклончива и потому подвержена изменению.

Однако среди подверженных изменению элементов теории этнического конфликта существуют довольно установившиеся определения. Большинство определений включают в данный феномен борьбу, спор, раздор, столкновение интересов и в этом отношении обособляют конфликт от конкуренции. Некоторые определения идут гораздо дальше и склоняются к тому, что этнический конфликт — это не что иное, как попытка достичь цели обобщенными усилиями многих, для которых ее достижение в одиночку не представляется возможным. Наиболее обоснованным в этом отношении выглядит мнение Льюиса Коузера [1], который считает, что «конфликт — это борьба, задача которой заключается в определении общих целей при одновременной нейтрализации, ослаблении и устранении соперников».

По мере приобретения этническим конфликтом мирового значения, углублялась и его теоретическая основа, несмотря на сравнительно медленное начало исследований по теории конфликта.

Текущие теории этнического конфликта являются производными от происходящих процессов, таких, как «модернизация». К примеру, модернизация более четко раскрывает некоторые аспекты этнического конфликта, нежели аспекты других социальных явлений. В этом отношении можно отметить следующие два объяснения возникновения этнического конфликта. Первое — этнический конфликт обусловлен вторжением признаков современности в традиционные сферы жизнедеятельности, когда имеет место сопротивление традиционализма процессу модернизации. Второе — этнический конфликт является следствием, продуктом процесса модернизации.

Этнический конфликт и традиция. Сила этнического общественного статуса на примере тех, кто с успехом использует их, говорит о том, что этнический конфликт далек от анахронизма. Те самые элиты, которых когда-то учили управлять своим народом без использования этнической карты, почему-то оказываются на передовой линии этнического конфликта. Вооруженные этнические политичес-

кие партии часто имеют глубокие корни среди образованных элит, этническое насилие вспыхивает в урбанизированных районах развивающихся стран мира, а армии поделены по этническим признакам, что, в свою очередь, приводило к военным переворотам и массовым убийствам.

С другой стороны, возможно, этнический конфликт — результат устойчивости и живучести традиционных антипатий, которые могут выжить даже в условиях мощнейшего влияния модернизации. Если это так, то можно объяснить силу этнической лояльности и неприязни даже среди современных элит в современных странах. Ведь известно, что некоторые этнические противостояния корнями уходят в древность. Воспоминания об этих этнических конфликтах вековой, порой тысячелетней, давности могут вспыхнуть и в наши дни.

Но как бы там ни было, этнический конфликт — это не результат живучести древних антагонизмов, так как известно, что многие этнические группы образовались сравнительно недавно. Следовательно, между группами, являющимися новообразованными в условиях отсутствия традиционализма, не должно существовать и традиционного соперничества.

Этнический конфликт и модернизация. Более частая и систематически применяемая формулировка возникновения этнического конфликта сводится к тому, что данный феномен является продуктом процесса модернизации. Но тогда как может данная формулировка объяснить существование этнического конфликта в доиндустриальный период? Подобные теории, ограниченные в исторических рамках, не могут претендовать на объективность, так как они не раскрывают все аспекты этнического конфликта, и поэтому можно привести некоторые наиболее фундаментальные аспекты, упущенные в указанной формулировке.

Карл В. Дойтч первым выдвинул предположение, что «социальная мобилизация относится к этническому конфликту. Социальная мобилизация характеризуется как процесс перемены, способствующий переходу от традиционного к современному образу жизни. Сам процесс подразумевает замещение старых паттернов поведения на новые, способствует политизации основных масс населения» [2]. Данный процесс выражается в актуализации СМИ и повышении уровня грамотности населения, изменении места проживания в сторону урбанизации и рода деятельности, особенно по линии от аграрного к не аграрному сектору, а также в других особенностях, которые обрубают концы к «возврату в традиционный образ жизни» [3]. По мнению Дойтча, этнический конфликт является результатом несоответствия между уровнем социальной мобилизации и уровнем социальной адаптации. Соотношение между мобилизованными, но неадаптированными личностями и является «первичным показателем» группового конфликта [4].

Такие предположения впоследствии были теоретически обоснованы. Социальная мобилизация, как в них говорится, усиливает этническую конкуренцию особенно в конкурентоспособном современном обществе, «так как конкурирующее лицо воспринимает перемену как угрозу для своей личной безопасности, поэтому он и ищет защиту в коллективных усилиях трайбализма [5], даже невзирая на преимущества модернизации. Образованные городские элиты организуют коллективную поддержку для улучшения своих позиций в конкурентной среде за право обладания преимуществами модернизации.

Человеческие потребности и ожидания меняются пропорционально степени вовлеченности индивидов в современную экономику и государственное уст-

ройство. Они сначала хотят заполучить, а затем просто требуют большей состоятельности, широкого общественного признания, большей власти и т.п. Люди входят в конфликт не потому, что они отличаются друг от друга, а потому, что они принципиально схожи.

Этнический конфликт и экономические интересы. Экономические интересы все еще могут играть определенную роль в этническом конфликте. При этом экономическая причина возникновения этнической вражды остается слабо выраженным, но довольно устойчивым объяснением в литературе этнического конфликта. И только сравнительно недавно исследование данной тематики достигло определенных результатов.

Приведем несколько доводов, подтверждающих данное предположение. Согласно этому предположению, этнический конфликт — искусственное явление. Как говорил К. Маркс, вера в важность определенных этнических интересов составляет часть идеологии, под маской которой скрываются классовые интересы, а рабочий класс отвлекается от борьбы за свои классовые интересы. Поэтому этнический конфликт и нацелен на «невидимого или виртуального врага», так как поиском внешнего врага внимание трудящегося класса попросту отвлекается от разрешения им своих насущных «реальных проблем» и борьбы с реальным врагом, которым является «правлящий класс».

Вторая версия материалистической теории акцентирует свое внимание не на иррациональном классовом антагонизме, а на довольно рациональной конкуренции рабочего класса. Здесь также можно найти не только манипуляцию, но и очевидные интересы. Работодатели используют труд одной этнической группы для урезания цены труда другой группы. Соответственно, высокооплачиваемые работники, конечно же, боятся наплыва на рынке труда более дешевой рабочей силы, которая может составить им конкуренцию. Если рынок труда состоит из одной этнической группы, то классовый антагонизм приобретает форму этнического антагонизма. В то же самое время главная риторика этнического антагонизма, концентрирующаяся вокруг этнической принадлежности, в данной ситуации, прежде всего, исходит из классового конфликта [6]. Таким образом, этническая принадлежность — это не искусственный уход от экономических интересов, а скорее рефлекторное отражение существования данных интересов.

Третье объяснение этнического конфликта также основано на экономической составляющей. Это трение между представителями этнического меньшинства «среднего класса» и «коренной национальностью». Этнические меньшинства концентрируют в своих руках значительные торговые и коммерческие активы и часто становятся посредником между производителем и потребителем, работодателем и наемным работником, владельцем и арендатором, элитой и простым населением. В итоге меньшинство, занимающееся торговлей, находит себе конкурентов среди других малых этнических групп. Но даже в этой, казалось бы, обыденной ситуации существуют свои нюансы. Конфликт возникает не из-за экономической конкуренции, а скорее из-за наибольшей приспособленности этнических меньшинств кооперировать свои усилия в угоду своей этнической группы, вследствие чего издержки выпадают на долю других этнических групп и коренной национальности. Все это приводит к тому, что коренные народности чувствуют себя обделенными, что только усиливает накал страстей вокруг диаспор и эмигрантов, занимающихся успешной торговлей в их стране.

В целом, говоря о природе этнического конфликта, необходимо заметить, что, в отличие от теории модернизации, теория классового антагонизма может свидетельствовать о многообразии конфликтных мотивов среди различных классов. Фактически эти теории раскрывают в социальных классах различные экономические причины, в совокупности ведущие к этническому насилию. По крайней мере, три уровня конкуренции четко определены по линии: торговец с торговцем, торговец с потребителем и рабочий с рабочим, где самая обычная конкуренция, переходя в плоскость этнических взаимоотношений, приобретает форму этнического противостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Coser, L. *The Functions of Social Conflict*. — Glencoe: Free Press, 1956. — P. 8.
2. Deutsch, K.W. *Social Mobilization and Political Development* // *American Political Science Review*. — №55 (Sept. 1961). — P. 494.
3. Ibid.
4. Deutsch, K.W. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality* // *The American Political Science Review*. — Vol. 48, No. 2 (Jun., 1954). — Pp. 554—556.
5. Melson, R., Wolpe, H. *Modernization and the Politics of Communalism: A Theoretical Perspective* // *The American Political Science Review*. — Vol. 64, No. 4 (Dec., 1970). — P. 1115.
6. Bonacich, E. *A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market* // *American Sociological Review*. — №37 (October, 1972). — P. 553.

Этническая идентификация казахов: теоритическо-методологические аспекты

БИЛЯЛОВА Г.Н.

Современный многообразный полиэтничный и поликонфессиональный мир определяет онтологические и аксиологические параметры этнической и национальной идентичности человека. Поиск национальной идентичности, в том числе и этнокультурной, основывается на познании проблем: «Кто мы?», «Откуда мы?», «Какова наша история?», «Кто наши предки?», «Каковы наши обычаи, традиции, ритуалы?» и т.д. Поэтому современное социальное, гражданское и этническое самоопределение человека — это вопрос самоидентификации личности, выявления социокультурной основы, образа жизни, определение уровня единства или отличия по отношению к другим индивидам. «На протяжении своей жизни человек осуществляет различные аспекты самоидентификации: семейной, по-

ловозрастной, расовой, этнической, социальной, гражданской, профессиональной, конфессиональной и т.д. Эти аспекты самоидентификации позволяют ему ориентироваться в многомерности социальной жизни, иметь в последней опору, ориентиры, основания» [1].

Этническое самосознание, наряду с национальной идентичностью, отражается и идентифицируется этнокультурными артефактами, национальной и этнической историей, формируя национально-культурную идентичность как духовную основу современного бытия, становясь субстанциональной составляющей этничности и духовности казахстанского общества. Этнокультурное переосмысление истории, памяти и идентичности предполагает переоценку исторического и культурного наследия в поисках новых факторов и парадигм этнического «мы». Культурные традиции этноса и его этнические ценности, такие, как традиционная культура жизнеобеспечения, этническая картина мира, этническая мифология, устное народное творчество, народная музыка и т.д., как целостная система отличают этнос один от другого и символизируют его историческое и культурное своеобразие.

Конструирование этнической идентичности на макро- и микроуровнях, особенно, на личностном уровне, имеет свои особенности и причинно обусловлено историческим временем. При социалистическом строе понятие «советский человек» определяло принадлежность к коммунистическому общественному строю и его культуре, где идеологический прессинг, атеистическое мировоззрение и стереотипы, выработанные тонкой обработкой сознания и мышления, привели к растворению национальных культур, забвению народной духовности и свободомыслия.

В дореволюционный период и первые годы Советской власти социокультурная идентификация базировалась на династических, религиозных и региональных отношениях. В книге «В потоке истории» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев отмечает, что «...до середины 1920-х гг. идентификация в Центральной Азии была основана на: 1) религиозной; 2) региональных; 3) племенной принадлежности. На вопрос: «Кто ты?», — отвечали, — «Мусульманин из такого-то района, такого-то племени» [2].

Обязательное знание своего рода, племени, своих предков в семи поколениях — «жеті ата» является для каждого казаха формой и фактором осознания своей идентичности и этнической памяти, социальным механизмом трансляции и трансформации национальных традиций, закреплявших этническую самоидентификацию. «Жеті ата» буквально переводится как «семь дедов», т.е. семь поколений. Традиционное знание «жеті ата» передавалось из поколения в поколение для сохранения генеалогического древа и родовой принадлежности каждого казаха. В этнической памяти сохранялись имена и образы народных героев, акынов, жырау и великих батыров тех или иных родов и племен с разных концов казахской земли, обязательно вспоминали всю его родословную, перечисляя особенности характера и редкостные способности, которые они унаследовали от предков или уникальной местности родного края.

И в настоящее время неофициальной (можно сказать этническо-народной) самоидентификацией казахов являются параметры того, из какого «ты» рода и племени, кто был твоими «жеті ата», какие знаменитые предки, народные герои, именитые люди вышли из твоего рода и племени. Такая самоидентификация существует и среди современных казахов, которые в социальных коммуника-

циях среди друзей и коллег, при знакомстве и, особенно, при сватовстве или на праздниках традиционно спрашивают: «Кто твои предки?»/«Кто твои жеті-ата?». Самый достойный ответ, гордость и уважение вызывает знание своих родовых корней, выдающихся личностей или важных для самого казаха его предков (дедушек и бабушек, которые пользовались авторитетом в своем роде и племени, были аксакалами, биями, батырами). Такое почтение к предкам высоко поднимает самого человека в глазах окружающих.

Традиции казахов, обычаи и обряды родов и племен были святы и обязательны для всех и каждого, их постоянное функционирование и нерушимость означали социальный порядок и глубокое уважение к законам предков, ставших со временем кодексом морально-правовых отношений — «адат». Как проявление исполнения воли предков «адат» констатировал родовую память и отличие казахов от других тюркских племен, т.е. идентифицировал их как этнос.

Самоидентификация казахов, являясь этнической, существенна для индивида, поскольку отражает основания и ориентиры жизни человека, его семьи в социально-культурном пространстве общества. Исторический опыт различных обществ, формаций, цивилизаций доказывает, что именно этнокультурная самобытность народов наиболее устойчива и обладает фундаментальной и функциональной способностью к самоорганизации и саморазвитию. В современном мире индивид избирательно, осознанно или бессознательно овладевает культурными ценностями этноса в силу собственной идентификации, воспитания, образования и социализации.

Этническая самоидентификация характеризуется как рациональными, так и нерациональными свойствами, выражая эмоционально-психологическое слияние индивида с этносом, выражая свою особенность, самоценность и социальную значимость. Однако индивидуальная самоидентификация может отличаться от официального определения национальности человека и наиболее выражается в национальном сознании и культуре.

Этническая культура народов, казахов в том числе, характеризуется как культура людей, связанных общностью происхождения, мировоззренческих ориентиров и этических принципов. Основная черта этнической культуры — «местная ограниченность, жесткая локализация в социальном пространстве. В ней господствует сила традиции раз и навсегда принятых обычаев, передающихся от поколений к поколениям на семейном или соседском уровне. Механизмом культурной коммуникации является здесь непосредственное, никак институционально не закрепленное общение между поколениями живущих рядом людей. Элементы этнической культуры — обряды, обычаи, мифы, поверья, легенды, фольклор — передаются посредством естественных способностей каждого человека — его памяти, устной речи и живого языка, природного музыкального слуха, органической пластики, не требующих никакой специальной подготовки и особых технических средств хранения и запаса. Такая культура не нуждается для своей трансляции и в письменности, является в значительной своей части дописьменной культурой» [3].

Этническая (в том числе и духовная) культура казахов предполагает коммуникацию и способность перенимать или «отдавать» то новое, что соответствует ее потребностям, влияет на выживаемость и сохранность этноса, порой не ограничивая культурные инновационные процессы. Духовная культура этноса отражает

духовное освоение мира этносом, национальное искусство и художественная культура есть составляющие духовной жизни народа, выступая как модель культуры этноса и ее целостности.

В казахской духовной культуре сложилась система ценностного взаимодействия на макро- и микроуровне, где первый характеризуется объективно и первопричинно генетическим, структурным, функциональным и факторным параметрами. В социокультурном развитии и самоидентификации казахского народа как на личностном, так и на целостном уровне определяется: 1) генетическое взаимодействие — представляет общность этнического начала и единого мировоззрения; 2) структурное — образовывается на основе языка, религиозной веры или конфессии, последние формируют более устойчивую взаимосвязь, основой которой является духовность; 3) факторное — представляется ситуативным синтезом объективных социальных обстоятельств; 4) функциональное — определяет временные параметры, выражаясь в рациональности (опыт, знание) и информативности [4].

Диахронная трансляция этнических и культурных ценностей проходит через два уровня (внутренний и внешний), и этнофор является одновременно в двух образах как: 1) представитель человечества и 2) представитель определенного этноса. В таком философском и социологическом понимании индивид не разделяет национальные и человеческие ценности, определяя себя или как космополита, или по национальности, но имея духовной основой личности мировые ценности, или, что происходит достаточно часто в современное время, идентифицируясь по религиозному признаку (я — мусульманин или я — буддист и т.д. и поэтому совершаю тот или иной поступок). Но особенно важным в определении этнического «я» имеет духовная культура, являющаяся эмпирической основой отражения, воплощения и возможностью реализации и практического осуществления общечеловеческих ценностей в тех или иных исторических эпохах.

В структуре философско-культурологического познания (от эмпирических фактов до концептуальных теорий) историзм и универсализм выполняют методологическую роль, объединяющую всю систему философских принципов, выявляя закономерности и преемственность в духовном развитии человечества, формирования общественного сознания казахского этноса, его идеологии, культуры и мировоззрения.

Есть две крайности, связанные с нарушением этнической самоидентификации этнического через духовную культуру народа, неотъемлемой частью которой является религия: 1) проявление национального нигилизма, и тогда этнофор как индивид становится националистом; 2) процесс модернизации, выражающийся в сглаживании противоречий в этническом сознании и в менталитете проявляется эклектическая сущность, что отражается в образе жизни и культурных типах поведения. Следовательно, философское и историческое познание самоидентификации казахского этноса имеет еще большие перспективы в изучении сложных вопросов отношения, связи, взаимодействия с религиозным и духовным комплексом культуры как целостной структуры, функционирующей системы в историческом процессе.

Впервые в философии вопросы идентичности на научном уровне стали разрабатывать Джордж Мид и Чарльз Кули, использовавшие понятие «самость». «Полемизуя с бихевиористскими теориями личности, Мид показывает, что

личностная целостность, «самость» не есть а priori человеческого поведения, а складывается из свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия («социальной интеракции»).

Идентичность — изначально социальное образование; индивид видит (а значит, и формирует) себя таким, каким его видят другие. Кули в этой связи выдвигает концепт «зеркальной самости». «Я-идентичность» и «Другой» неотделимы друг от друга. Мид различает две составляющие «самости» — первая есть результат интернализации социальных ролей и ожиданий, вторая — активная инстанция, благодаря которой индивид может не только идентифицироваться с интернализированными ролями, но и дистанцироваться от них» [5].

Джордж Мид и Чарльз Кули стали основанием символического интеракционизма, где «я-идентичность» рассматривается и как результат социальной интеграции. Идентичность имеет индивидуально-психологический и социокультурный уровень. Роберт Мертон ввел в социологию понятие «референтная группа», в которой идентичность индивида складывается в результате его самоотнесения с коллективом, являющимся для данного индивида значимым. Это имеет огромное значение при выявлении взаимодействия религиозного и этнического в социуме.

Философско-социологическое понимание индивидуальной (личностная, персональная) идентичности разработано в теории Эриксона «как переживание индивидом себя как целого и как непрерывное и внутреннее равенство с собой». Социальная идентичность в личностном аспекте есть особое измерение индивида, которое есть «социальное я, но нельзя отождествлять ее с коллективной идентичностью, так как она представляет другой уровень... Политическое измерение национальной идентичности — самосознание граждан общества — вытесняется культурным, языковым, религиозным и т.д.» [6].

В определенных условиях общественное сознание и реализующие его институты приобретают относительную самостоятельность. Философско-культурологическая реконструкция прошлого и изучаемой исторической эпохи, их анализ неразрывно диалектически взаимосвязаны с научным пониманием логики мирового исторического процесса, тем самым устанавливается: 1) историческая роль, значение и влияние религии на развитие общества; 2) целостное видение религии как исторической реальности с новыми качественными характеристиками и своеобразием, т.е. уникальностью. Социальное познание культуры как развивающейся системы включает в себя его временную характеристику через связь прошлого, настоящего и будущего, выявляя особенности социально-исторического времени, отражающие последовательность и длительность событий, выступает в виде внешнего и внутреннего времени, измеряемого, соответственно, внешней и внутренней хронологиями. Для социальной истории внешним временем является физическое время, хронологически измеряемое годами, столетиями и т.д.

Этническая самоидентификация казахов предполагает определение структуры и типологической характеристики этнического образа. В отношении национальной специфики казахской культуры конфессионализм менталитета приобретает типичную этнодифференцирующую и этноидентифицирующую как мировоззренческую, так и социальную значимость. Идеально (или универсально) — типичный образ этноса есть важный индикатор этноса самобытности народа и является моделью «личностного образца». Уникально-особенный образ идентификации,

наряду с другими факторами, включает религиозный образ (святые, мудрецы, отшельники и т.д.) Национальные религии определяются только одним этносом, что также имеет свою особенность во взаимодействии религиозного и этнического, характеризуя культуру этноса и его традиционное мышление.

Этническая идентификация казахского народа имеет и такие критерии традиционности поведения, мышления, когда, будучи представителем этноса, необходимо строго выполнять и подчиняться ритуалам, обычаям как части духовной культуры, которые освящались в течение долгого исторического времени, сохранив сакральность и сегодня. Существуют психологические запреты на непосредственное и внесимволическое познание явлений абсолютности и бесконечности, включенные в культурный потенциал индивидуального и коллективного мировосприятия, когда религиозное сознание формулирует табу в догматах вероучения и культа, таинства личностного общения с Богом в его непостижимой ипостаси.

«Мифологический способ ценностно-смысловой самоидентификации личности основан на единстве формальной ценностной структуры самоотношения и отношения к другим. Жизнь в мифически-структурированном единстве с человеческой общностью, «мы» — семьей, родом, нацией, эпохой — есть жизнь, где ценностная позиция возможного другого утверждена во мне самом, организует мои чувства, мысли, поступки. Это жизнь, когда ценностно-смысловая определенность рода дана в индивиде и противостоять ей в самом себе он не в состоянии, поскольку вне рода — сородичей, соплеменников, духов — самости индивидов не существует» [7].

Первый уровень идеально-универсального типичного образа также включает момент религиозного, когда этническое, сохраняясь в индивидуальном плане, растворяется в коллективном, так как в мировоззренческом аспекте определение «верующий» соотносит их именно к этой группе. Этническая идентичность включает личностный образец в ее этническом понимании, охватывающем нормативные принципы образа человека для данной этнической культуры, образ, ярко характеризующий и концентрирующий в персонифицированном виде главные особенности этноса и его иерархию ценностей. Представленные образы, признанные народом или отдельным родом, племенем, могут быть различными для различных в этнической общности групп. В духовной культуре казахского народа такими личностными образцами являлись мудрецы (учителя — Аль-Фараби, акакалы — Толе-би, Айтеке-би, Казыбек-би, хаким Абай), пророки и праведники (Арыстан-баба, Ходжа Ахмед Яссави), правители (Карахан, Аблай-хан), батыры-герои (Райымбек-батыр, Богенбай-батыр, Кабанбай-батыр и др.).

Особенным является то, что в традиционных культурах этносов мира создан личностный образец человека, и чаще всего это был человек верующий, святой (или святая), воплощающий нравственные основы этноса, систему его духовных ценностей и праведный образ жизни, следование которым составляет пример, типичный способ и иерархию факторов этнической идентификации и национального самосознания, включающего комплекс мировоззренческих систем этноса с гносеологических, онтологических, аскиологических позиций, национальные образы, традиционную и духовную культуру, язык и историческое прошлое.

Этническая культура казахов исторична и имеет особое проявление в самоопределении как целого народа, так и представителей в различные исторические эпохи. Например, в начале XX в. духовные стремления выдающихся патриотов казахского народа А. Байтурсынова, А. Букейхана, Б. Каратаева и М. Тынышбаева

выразились в исполнении памяти-долга перед казахским народом. Сохраняя его самоидентичность и не позволяя забыть историю и культуру казахского народа, была образована мусульманская фракция в Российской Думе. В 1905—1907 гг. созывались 1—2 съезды мусульман России, образовалось общество мусульманской партии. Лидеры казахского национального движения во главе с А. Байтурсыновым, А. Букейханом, Б. Каратаевым и М. Тынышбаевым попытались направить движение общественного сознания казахов на борьбу за либеральные реформы. Данный исторический факт свидетельствует, что, идентифицируя себя мусульманами, депутаты-казахи 1-й Государственной Думы России в начале XX в. защищали этнические интересы своего народа, сохраняя его этническую целостность и территорию. Казахской интеллигенцией создавались монографии по истории и культуре казахского народа, начался выпуск журнала «Абай», посвященного Абаю Кунанбаеву, что показывает их высокий патриотизм как представителей казахского этноса, осмысливающих прошлое и передающих культуру народа, его историю, ее знание и память как самое драгоценное наследие.

Казахские духовные обычи и ценности, отражая традиционную картину мира и определяя идентичность этнофоров, уходят в архаическое прошлое, и их аксиологическое значение двойко проявляется в окружающем мире — как в искусственном, созданным человеком, так и в естественном — природном, воплощаясь в смыслах, образах, моделях этнического поведения, где семиотическими объектами являются не только язык, миф, ритуал, орнамент, но и жизненно утилитарные предметы, системы права, родословная (шежире и тамги) и т.д., которые как знаки и символы объединены в целостную социокультурную общность, образуя национальную модель. Духовная культура казахов по сравнению с другими этносами мира характеризуется параметрами созерцательности, всеобъемлемости, символичности и сакральности в этнической специфике мировосприятия и мирообъяснения, навечно зафиксированных в текстах, вероучениях и культовой практике.

Историческая роль священных книг (Веды, Трипитаки, Библия, Коран и мн. др.) в религиозном и светском мире как культурных памятников неопределима и бесценна, так как идеи и мысли, заповеди и морально-этические примеры, дух и возвышенность их передавались из поколения в поколение, сохраняя и призывая к гуманизму, достойной жизни, добру и милосердию, в них воплощена мировая память и мировая история. В этническом самосознании именно ценности жизни, созданные мировыми и другими религиями, получили всеобщее признание. Религиозная принадлежность к той или иной конфессии как фактор этнической идентификации имеет традиционный аспект, хотя в современный период развития общества они могут не совпадать. Принятое (а порой само собой разумеющееся) мнение об этничности, которой должна соответствовать та или иная религия: казах — значит, мусульманин, русский — значит, христианин, кореец — значит, исповедует только свою веру, неверно в современное время. Иногда конфессиональная харизма представляется как обязанность, если ты по кровнородственному фактору принадлежишь к казахам, то должен быть мусульманином или будешь морально осужден и прозван неблаговерным, но это ложное с точки зрения гражданственности и свободы совести требование к этнической идентичности. Принятие той или иной религиозной веры есть личный выбор и является одним из традиционных механизмов социализации, но не единственным решающим фактором этнической идентификации.

Осознание исламской идентичности как традиций и обычаев предков, тотемная ипостась батыра придают его действиям значение вечной значительности ритуала как этнической самооценности и бытийно-онтологической вечности. Казахская фольклорная традиция создала миф о Коркыте — божественном покровителе баксы, кюйши, жырау, учителя и сочинителя. Предания и легенды о Коркыте, о создании им кюев в казахской культуре стали важнейшим жанром, конденсирующим основополагающие экзистенциальные проблемы, ответы на которые стали жизненным образцом для будущих поколений. В социальной и этнической истории казахского народа сохранено множество преданий о смелости народных мудрецов, странствующих проповедников, певцов-музыкантов, бесстрашно говорящих правду сильным мира сего и таким образом влияющих на изменения в обществе.

Интегрирование социальных идей, нравственных норм и образа казаха и казашки в нормативную систему, включение в иерархию ценностей морали и в прагматику социумных структур исполнителями — акынами, жырау, кюйши — остаются принципиально важными и хранятся в духовной культуре и этнической памяти народа как богатейшие опыт и знание. Это еще и классические импровизированные сочинения Асан-кайгы и Казтуган-жырау (XV в.), Доспамбет-жырау (XVI в.), Жиёмбет-жырау (XVII в.) и мн. др. Глубина познания этнической культуры народа, современное понимание их мудрых размышлений классифицируются как высокий уровень принадлежности к своему этносу, т.е. являются своеобразным фактором этнической идентификации, выраженной в общении. В казахской культуре жырау становятся личностными образцами сакральной, социальной и «нравственной харизмы, персонификациями общенациональных, внесловных и внеплановых духовно-нравственных начал жизнепонимания, эгалитарной и гомогенной социально-этнической общности «мы». Так же, как шаман или пророк, жырау занимает безстатусный статус, внешний по отношению к секулярной социальной структуре, что дает ему право критиковать всех структурно связанных лиц с точки зрения нравственного порядка, обязательного для всех, а также посредничать между всеми сегментами или компонентами структурной системы» [8].

Проблема традиционных духовно-нравственных ценностей в процессах современных трансформаций национального самосознания стала одной из главных в социально-политической философии, представляя разработки концепций национально-государственной идеологии, опирающейся на такие понятия, как «духовно-нравственное возрождение народа», «национальное самосознание», «национальная идея», «национально-культурная самобытность», «национальный характер», как на решающие факторы национальной идентификации и интеграции. Понятие «народный дух» в истории философии было введено в систему социально-философских категорий философией истории Гердера, развито в учении Гегеля, который понимал «дух народа» как нравственное субстанциональное начало национально государственных общностей, бессознательно импульсирующее процесс их становления, а национальное самосознание как рефлексивное проявление своей «скрытой сущности», признавая началом этногенеза духовно-идеальные детерминанты, обладающие характером субстанциональности структуры, включающей переход от обычаев и традиций как от первичной нравственности к морали как субъективно-идеальной сфере должного, от нее к нравственности

как единству стихийно-народного и сознательно-государственного начал, субъективного и объективного, личного и общественного.

Особенности этнического самосознания и идентичности казахов охватывают методологические и интегральные проблемы, которые, в свою очередь, включают этническую идентичность в единстве ее социально-исторических, геополитических, религиозных, идеологических, культурных, хозяйственно-экономических, социально-психологических, экзистенциально-личностных, нравственных и идейно-философских аспектов. Конструктивная и практически действенная национальная идея содержит в себе не столько социально-психологическую феноменологию «национального характера», сколько рефлексию духовно-нравственных начал и своеобразия форм интеграции индивидов в общество. Национальная идея как объединяющий элемент социальной мозаики синтезирует традиционные этносоциальные стереотипы поведения и архетипы коллективной ментальности — синтез отличительных признаков национального самосознания — в таком национальном смыслообразе, который одновременно является программой социального, политического и экономического развития, его общей ориентации, ценностей и целей.

Религиозный фактор в современный период приобретает социальное значение, что отражено в исследовании, отмечающем, что «около 90% казахского населения считают себя мусульманами... Вместе с тем распространено мнение, что исламская религия не проникла глубоко в казахский дух и философию. Поэтому казахскую культуру и образ жизни в целом отличает синкретизм различных культурных традиций. Неоднозначны мнения в отношении того, что считать «истинно» казахским духовным и религиозным наследием. Так, одни исследователи считают, что доисламские пласты казахской культурной идентичности следует отбросить: языческое тенгрианство — пройденный этап, его основные возможности исчерпаны. В то же время другая часть интеллектуалов придерживается иного мнения, утверждая, что не ислам «...являлся и является стержнем духовной жизни и культуры казахского этноса, а гораздо более древнее традиционное мировоззрение казахов, генезис которого восходит к доисламским верованиям, мифологии, эпосу». Именно поэтому менталитет казахов, менее других тюркских народов испытавших влияние ислама, значительно отличается от менталитета, к примеру, узбеков. Утверждается, что обращение к исламу не должно быть схоластичным, оттесняя в сторону традиционные казахскую культуру, мировоззрение. Таким образом, налицо различие в подходах к казахской религиозной идентичности, к роли и месту ислама, что свидетельствует о неоднородности современного казахского общества» [9].

Концепция об объединяющей силе и роли ислама для казахского этноса как главного фактора формирования, на наш взгляд, преувеличивает роль ислама, но в механизме социально-мировоззренческо-психологического плана ислам имел и имеет самодостаточные социальные позиции. В разных обществах интегрирующее значение определяется конкретной исторической ситуацией. В консолидации казахского этноса все религии, распространявшиеся на территории Казахстана, занимали свою определенную нишу в соответствии с общественно-индивидуальными потребностями этноса, но самое важное то, что религия, являясь частью духовной культуры в мировой и национальной истории, определяла менталитет этноса и частично или полностью (в революционное время) идентифицировала личность.

Мировая религия ислам, с которым чаще всего исторически идентифицируют представителей казахского этноса, по мнению А.К. Султангалиевой, исследовавшей проблему «ислам и казахская идентичность», «не был для казахов формой социальной организации, а являлся одним из элементов коллективной идентификации, включающей родовую, племен этническую принадлежность. В то же время попытки определенной части казахского общества абсолютизировать роль ислама в казахской истории и культуре не столько обусловлены исторически, сколько являются естественным отражением современного этапа мифологизации истории в целях строительства и укрепления национального государства. Обращение к исламу определенной части общества актуально для нее, прежде всего, в плане возрождения казахского национального бытия, что предполагает в первую очередь возрождение казахского языка, нравственных ценностей. Ислам для нее важен не столько как мировоззренческая система, сколько как часть исторической памяти нации, что в целом естественно для современного этапа этнического самосознания казахского общества. Не случайно, например, название одного из первых казахских историко-литературных и этнографических изданий «Ислам шапагаты» (Милосердие ислама). Его цель — не религиозное просвещение само по себе, а знакомство с историей народов Казахстана и Центральной Азии, с их преданиями, литературным наследием, обычаями и традициями. Хотя для казахского общества характерно отождествление этнического и религиозного начал, в то же время ислам не был основой построения его социальной структуры» [10].

Философское осмысление данного вывода приводит к умозаключениям, что в религии, в том числе и исламской, общечеловеческие основы жизни закреплены в культурном наследии этносов, аксиологическое значение которого заключается в его сохранении.

Уровень соотношения этнического и религиозного, в частности исламского, начал имеет неоднозначную оценку, так как, с одной стороны, ислам идентифицируется с казахской этничностью через параметры казахской культуры, но, с другой стороны, свою этническую идентичность определяют религии правом личного выбора, т.е. свободой совести и религиозной свободой. «Ислам рассматривается подавляющим большинством опрошенных (83%) как необходимая часть казахской культуры, а значит, этничности. Примечательно, что это понимается, прежде всего, как нравственно-гуманистическое содержание ислама как религии, а затем уже как его связь с казахской этничностью. В то же время определенный процент (12,7%) считает, что роль ислама в национальной культуре незначительна и древнетюркские верования оказали большее влияние, чем собственно ислам, как более позднее явление. При этом приведенные варианты ответов о казахском исламе совпадают с распространенным стереотипом о слабом проникновении ислама в казахском обществе, его синкретизме с более древними, языческими верованиями. Кроме того, интересен тезис о том, что культура необязательно связана с религией» [11].

Данный тезис подтверждает методологически верное утверждение профессора О.А. Сегизбаева, отмечающего, что «идеи, вокруг которых происходил процесс объединения казахов в единую народность, а затем и в нацию, возникли и утверждались вне традиции ислама. Уже в дискурсивном акынотворчестве жырау периода ранних казахских ханств Асана-кайгы, Казтугана, Досмамбета

позднее Бухара-жырау (конец XIV — начало XVIII в.) достаточно четко выделена проблема человека, его отношения к окружающей действительности, к предметному миру природы, к земле, воде, небу как непрменном условии людского бытия, к скоту как основному источнику существования человека. С течением времени эта проблема стала традиционной. В произведениях акынов XV—XIX вв. эта проблема приобрела черты серьезного философского осмысления, а в философских текстах казахских мыслителей второй половины XIX в. Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, А. Кунанбаева, Ш. Кудайбердиева, положивших начало новой традиции, основанной на синтезе духовной культуры казахов с идеями западных и российских просветителей, она уже становится поистине глубоким философским учением, рассматривающим не только проблемы человека, но и связанных с ним вопросов общества, философии, истории, морали, религии и т.д.» [12], соединяя, таким образом, общечеловеческие и этнические социокультурные ценности общества, передаваемые в народе как идентификационные параметры.

Исторической особенностью казахского народа является его родовое и жузовое разделение. Ислам не устранил родовые различия, поскольку родовая принадлежность для казахов есть более доминирующий этнодифференцирующий фактор, чем религиозный, так как отличает их от немусульманских народов. Таким образом, ислам для казахского общества так же, как и родовая идентификация, язык, территория, является составной частью казахской идентичности, но самым определяющим самоидентификацию является индивидуальное самочувствие человека, его мышления и ментальности, включающей также этническое искусство.

В искусстве казахов отражается модель социума, природы, космоса, земного и небесного мира, жилища-юрты как мировоззренческий, а следовательно, и религиозный идентификационный символ через функционирование этнознаковых систем, формирующих психологически эмоциональный образ жизни и поведения индивида, его мировосприятие и миропонимание как представителя этноса в пространственной и временной коммуникации. К. Леви-Строс отмечал, что социокультурный мир в целом взаимосвязанных систем (язык, искусство, наука, религия) выражает бытие этноса.

В традиционной духовной культуре казахского народа представлены формы и типы историко-культурной информации через вербально художественно-образные средства, идентифицируя его и его этнофоров. Идентифицирующая роль этнически родного языка является одним из важных конструирующих признаков как этнической общности, так и самого индивида или коллектива. Социальная значимость языка неоспорима, но в рассматриваемом нами аспекте он дифференцирует народы или объединяет их, при этом сохраняя мировую этническую и культурную многоликость, являясь важнейшим критерием менталитета. В этническом менталитете казахов конструируются как идентификационные критерии как рационализированные формы общественного сознания (религия, искусство, наука, право и т.д.), так и бессознательное (эмоциональность, алогичность, символизм), несущие с собой информационные культурно-исторические коды, отраженные в трех измерениях: 1) традиционные этнические параметры общности, 2) природно-географические условия, 3) объективные условия жизнедеятельности.

На индивидуальном и коллективном уровне этническая идентификация казахов определяется через осознание значимости и знания генетически родного языка, хотя этот критерий вызывает проблематичное решение, когда родители — представители разных национальностей, тем более тогда, когда язык не является средством, полностью или частично, обеспечивающим современную коммуникацию в обществе. Религиозная, как и этническая, идентификация на индивидуальном уровне отличается приоритетами критериев идентичности, которые различаются в зависимости от конкретных обстоятельств (социальное происхождение, вероисповедование, образование, возраст, регион проживания и т.д.), может быть выше, чем родовая или гражданская идентификация или, наоборот, родовая идентификация доминирует над религиозной. Влияние других религий на формирование казахской идентичности в определенной степени будет влиять, отражая современный этап формирования казахской нации, но осознание исламской идентичности как части этнической является характерной чертой казахов, однако степень и глубина осознания будет индивидуальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдельдинов Л.А. К вопросу об этнической самоидентификации личности // Саясат. — 1998. — №8. — С. 41—46. (С. 41).
2. Назарбаев Н.А. В потоке истории. — Алматы: Атамұра, 1999. — 296 с. (С. 257—258).
3. Межуев В.М. Культурология и философия культуры. Культурология сегодня: основы, проблемы, перспективы. — М., 1993. — С. 192.
4. Общечеловеческие и национальные ценности в изменяющемся обществе. — Алматы: Ақыл кітабы, 1997. — 220 с. (С. 172—176).
5. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. — 1998. — №2. — С. 43—53. (С. 44).
6. Там же. С. 52.
7. Общечеловеческие и национальные ценности в изменяющемся обществе... С. 64—65.
8. Танирбергенова Г.Т. Нравственная и этносоциальная самоидентификация личности // Евразийское сообщество. — 1998. — №3. — С. 72—97 (С. 77).
9. Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. — Алматы, 1988. — 188 с. (С. 78—79).
10. Там же. С. 76—77.
11. Там же. С. 121.
12. Сегизбаев О.А. Философские традиции и их роль в духовной жизни общества // Мысль. — 1998. — №8. — С. 3—6 (С. 5).

Динамика социального развития молодежи в современном Казахстане

ЕШПАНОВА Д.Д., АЙТБАЙ К.О., АЙДАРБЕКОВ З.С.

Один из парадоксов молодежного сознания и поведения связан со спецификой социализации. Рассмотрение этой проблемы показывает, что социализация, то есть включение личности в систему общественных отношений и самостоятельное воспроизводство индивидом этих отношений, в современном обществе значительно осложнилась. Сегодня происходит переход от советской модели социализации (единообразной по нормативности, с равными стартовыми возможностями и гарантиями, обеспечивающей предсказуемость жизненного пути) к складывающейся вариативной, стратифицированной модели. Целью социализации становится формирование социально активного, ответственного гражданина, способного творчески перерабатывать социальный опыт и не только адаптироваться к действительности, но и изменять эту действительность [1].

Происходящие в казахстанском обществе сдвиги находят отражение в усложнении процессов социализации, противоречивых тенденциях в сознании и поведении молодежи. С одной стороны, у молодежи доминирует стремление к богатству, а с другой — она ощущает невозможность его достижения легальными способами и через традиционную трудовую деятельность.

В этих условиях становление молодежной субъектности связано с большой долей риска. Именно эта социально-демографическая группа больше всего полагается на волю случая, рискуя оказаться без желаемой работы, образования, не создать семью, не выдержать жесткую конкуренцию и т.д.

Жизненные цели молодежи и планируемые средства их достижения являются важным фактором ее социальной активности, и в то же время важным индикатором фундаментальных перемен, происходящих в казахстанском обществе. Критериями ее социального развития являются приобретение и изменение собственного социального статуса, формирование гражданской идентичности в процессе достижения социальной зрелости и социальной субъектности.

Собственно молодежь является проблемной группой и в силу естественно возникающей селекции в ходе модернизации общества. Это положение практически невозможно смягчить никакими мерами социальной политики или методами стимулирования занятости. Современное общество все более раскалывается на «ядро», состоящее из способных и желающих упорно трудиться, квалифицированных, гибких и хорошо функционирующих обладателей относительно надежных рабочих мест и заработков, и на возрастающую «периферию» — исключенных и деклассированных. М. Вебер назвал этот раскол «социальным замыканием». К сожалению, немалую часть периферии составляет молодежь.

Экономически активная молодежь составляет 28,9% от общей численности занятого населения. Занятая молодежь — 52,1% от экономически активной молодежи. Какова же доля работающих в официальном секторе экономики молодежи?

Занятая молодежь по видам экономической деятельности
Городское и сельское население

	Оба пола		Доля молодежи в общей численности занятого населения в соответствующем виде экономической деятельности
	Человек	%	
Всего	1 205 839	100	28,9
в том числе по секторам и видам экономической деятельности:			
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	356 757	29,6	32,0
Сельское и лесное хозяйство	354 451	29,4	32,0
Рыбное хозяйство	2306	0,2	35,1
Промышленность и строительство	189 471	15,7	22,6
Горнодобывающая промышленность	41 164	3,4	23,5
Обрабатывающая промышленность	85 784	7,1	23,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	32 797	2,7	21,9
Строительство	29 726	2,5	21,0
Услуги	659 052	54,7	29,6
Торговля; ремонт автомобилей и изделий домашнего пользования	145 946	12,1	32,4
Гостиницы и рестораны	19 534	1,6	36,4
Транспорт и связь	78 420	6,5	21,7
Финансовая деятельность	13 012	1,1	31,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и услуги предприятиям	20 780	1,7	21,5
Государственное управление	142 452	11,8	44,0
Образование	130 966	10,91	27,1
Здравоохранение и социальные услуги	69 275	5,75	25,2
Прочие коммунальные, социальные и персональные услуги	36 202	3,0	27,9
Услуги по ведению домашнего хозяйства	2215	0,2	29,3
Деятельность экстерриториальных организаций	250	0,0	32,9

Источник. Агентство РК по статистике.

Распределение молодежи по отраслям экономики свидетельствует о том, что наиболее представлены молодежным возрастом отрасли: сфера услуг (гостиницы, рестораны), финансовая сфера, рыболовство, рыбоводство, государственное управление, здравоохранение и социальные услуги.

Необходимо отметить, что стабильный рост числа молодежи происходит в отраслях сравнительно новых: информационно-вычислительное обслуживание, операции с недвижимостью, общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка.

К числу позитивных изменений в социальной структуре молодежи как социального ресурса следует отнести появление новых групп: предпринимателей, банкиров, коммерсантов. Молодежь составляет важнейший источник формирования новых структур и слоев негосударственного сектора экономики. Все в большей степени экономическая активность молодежи реализуется в сфере новых экономических отношений — в торговле, посредничестве, бытовых услугах, в сфере государственной службы.

Исследования отмечают среди молодежи рост рыночных стандартов поведения (экономическая свобода действий, предприимчивость, гибкость, способность к риску). У молодежи в меньшей степени развит страх перед завтрашним днем, на высоком месте находится мечта достойной жизни, желание подняться выше среднего уровня. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов как российских исследователей, так и казахстанских. На первое место вышли такие ценности, как **свобода, материальное благополучие** [2].

Эта часть молодежи перспективу своего социального становления, своего социального самочувствия связывает с решением проблем профессионального выбора, возможностью самореализации в выбранной сфере трудовой деятельности, обретением желаемого социально-профессионального статуса. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что молодежь в качестве приоритетных целей выбирает достижение деловой карьеры (23,1%), получение образования (21,9%) и материальное благосостояние [3].

Однако, несмотря на существенные позитивные сферы, есть серьезные проблемы, которые приобрели особую актуальность на пороге века в связи с процессами глобализации. Остро стоит вопрос о профессионализме будущих специалистов, о том, чтобы качество и уровень современной их подготовки отвечали реалиям сегодняшнего дня, мировым стандартам. Но продолжает оставаться невысокой устойчивостью профессиональных интересов молодых людей.

Необходимо ставить вопрос о влиянии общего уровня культуры на качество выпускаемых специалистов. Между этими двумя категориями есть связь, наличие которой ставит перед страной и обществом задачу укрепления и возрождения культуры народа. Зачастую многие выпускники педагогических вузов бывают неграмотными, а будущие инженеры на производстве теряются и не могут решить простые технические и технологические задачи, а медики затрудняются поставить правильный диагноз. Эти моменты вызваны отсутствием связи в цепочке учеба-производство. Специалисты вообще готовятся абстрактным образом. А между тем двигателем наличия специальностей должны являться собственные ноу-хау. То есть под существующие высоко технологические разработки должны готовиться соответствующие специалисты.

Так, низкая конкурентоспособность отечественных нефтесервисных компаний обусловлена технической и технологической отсталостью предприятий, и, как следствие, превалирует низкий уровень оплаты работ, выполняемых казахстанскими сервисниками при одновременном доминировании иностранных компаний, прежде всего, в сегментах сложных высокодоходных работ.

Серьезную проблему представляет собой кадровое обеспечение базовых предприятий. Действующие специалисты устроены и успешно работают, а выпускники вузов отличаются крайне слабым уровнем подготовки. Таково единодушное мнение отраслевых экспертов, нефтяников, буровиков, геологов, газовиков, отраслевых ученых. Аналогичная ситуация и в металлургической отрасли республики: технологическое отставание, недостаточный приток молодых кадров, угроза потери наработанных знаний и технологического опыта [4].

В Докладе по национальной политике в области высшего образования отмечается, что примечательным является сохранение высокого спроса на экономистов и юристов, несмотря на огромный выпуск специалистов по данным направлениям. Это является свидетельством несоответствия выпускников вузов требованиям

работодателей — уровень их квалификации зачастую недостаточен для приема на работу [5].

Слабостью казахстанских специалистов в сфере экономики и права является некомплектность их подготовки, выражающаяся во взаимном незнании экономических предметов юристами и юридических наук — экономистами. Это результат наследия прошлого, когда социалистическая система хозяйства развивалась без частнособственнических рамок, а потому экономисты не нуждались в юридических знаниях, с другой стороны, юристы-хозяйственники трудились в абстрактных экономических средах, а потому не нуждались в знании экономики. Эти же причины лежат в основе выпускников — специалистов широкого профиля и отсутствия специалистов специализированного узкого профиля. Таким образом, совершенствование системы подготовки кадров лежит в сфере укрепления частнособственнических институтов и параллельно этому модернизации специальностей в соответствии с требованиями сегодняшнего дня.

Знания и навыки выпускников мало соответствуют запросам работодателей, в связи с чем рынок труда испытывает дефицит в рабочей силе высокой квалификации на фоне значительных объемов выпуска из вузов.

По информации Министерства образования и науки Республики Казахстан, на внутреннем рынке труда ощущается дефицит специалистов, знающих международные нормы и стандарты, иностранные языки, имеющие опыт работы за рубежом и в международных компаниях.

Отсутствие тесной интеграции науки и образования — одно из самых серьезных препятствий формирования профессионального облика молодого специалиста как в базовых отраслях, так и в высоких технологиях.

Так, эксперты считают, что без формирования научной базы полноценное развитие нефтегазового комплекса и сервисной составляющей невозможно. Уровень практической подготовки студентов в казахстанских вузах очень низкий. Это следствие отсутствия в институтах производственной практики студентов, а также нежелание многих сервисных компаний принимать их на производственную практику из-за недостатка рабочих мест или интенсивной работы в период июля — августа. К тому же в стране практически не действует среднеспециальное образование по подготовке квалифицированных рабочих. Господство остаточного принципа финансирования по отношению к образованию свело на нет всякие возможности создать действенный рынок в ракурсе качественно нового подхода к его нуждам и потребностям. Учебный процесс страдает от недостатка оборудования, компьютерной техники, материалов, что ставит учащихся и студентов в положение, когда они не могут выступать полноценными участниками на рынке труда. Молодых специалистов после института приходится доучивать. Как считают эксперты, для обеспечения нефтесервисной отрасли инженерными кадрами необходимо студентов, финансируемых иностранными компаниями в рамках контрактных обязательств, обучать не в отечественных, а в зарубежных институтах с обязательным предоставлением рабочего места по их завершении [6].

Препятствием к развитию конкурентно прозрачного рынка и экономики страны в целом является коррупция. В системе образования (при поступлении в вузы, во время сдачи экзаменов на сессии) коррупция привлекает большое внимание общественности. Так, Министерством образования и науки Республики Казахстан был предпринят ряд инициатив в плане повышения качества обучения и усиления

борьбы с коррупцией в вузах. К примеру, студенческое движение «Сессия без взяток», независимая оценка качества обучения в вузах, деятельность комитетов по делам молодежи имели некоторый резонанс в обществе. Грубые нарушения прав студентов получают значительную огласку благодаря деятельности средств массовой информации.

Коррупция как нерыночный подход клонирует непрофессионалов, оказывает негативное воздействие на сознание и поведение молодых. Так, исследователи отмечают, что для современных студентов значение таких качеств, как честность и порядочность, не имеет должного значения. Из десяти предложенных альтернатив, необходимых для успеха в жизни у студентов, альтернатива «соблюдение законов» по степени значимости занимает шестое место, а «умение их обходить» — пятое [7].

Эффективность системы образования во многом зависит от того, какие цели ставят перед собой участники этого процесса, и в первую очередь учащиеся и студенты, что они хотят реализовать в своей жизни с помощью образования. В этой связи очень важно установить зависимость между социальной и профессиональной ориентацией. Социальная ориентация — это проекция и определение человеком своего места в обществе, выбор желаемого социального положения и путей его достижения. Профессиональная ориентация есть осознание того «набора» профессий, которые предлагает в данный момент общество и выбор наиболее привлекательной из них. Социальная ориентация взаимодействует с профессиональной, поскольку социальное положение человека в обществе определено характером и содержанием его труда [8].

Социологические исследования позволили установить, что выбор вида профессионального образования лишь частично обусловлен выбором будущей профессии — в большей мере, чем профессией, люди выбирают свое будущее социальное положение. Социальная ориентация образования еще больше усилилась в период рыночных преобразований — стремительно возросло число желающих получить финансовое, юридическое, экономическое образование в силу того, что именно эти виды образования дают возможность занять лидирующее, престижное, обеспеченное положение в обществе.

Мотивом получения высшего образования стало приобретение диплома вуза, а не овладение знаниями. Нельзя утверждать, что выпускники вузов обладают более слабыми знаниями, чем люди, не имеющие высшего образования. Вместе с тем, по утверждению многих студентов, вуз дает не столько профессиональные знания и навыки, сколько развитие социальных навыков. Абитуриенты вузов не ориентированы на потребности рынка труда. Воспринимая информацию о рынке труда лишь частично, они делают выбор в пользу традиционно популярных, но не соответствующих перспективным тенденциям развития рынка труда направлениям подготовки. Возможность найти работу по специальности в таких случаях является достаточно низкой для выпускника вуза. Сегодня выпускнику вуза, несомненно, легче устроиться на работу потому, что молодой возраст и наличие диплома дают преимущество в конкурсе при приеме на работу. Однако устроиться на работу, соответствующую направлению подготовки, могут немногие. Переподготовка же кадров является достаточно дорогим удовольствием, особенно в сфере малого и среднего бизнеса [9].

Современная молодежь перспективу своего социального становления и самочувствия связывает с решением проблем профессионального выбора, возмож-

ностью самореализации в избранной сфере трудовой деятельности, обретением желаемого социально-профессионального статуса.

Результаты проведенного опроса показали, что в оценке избранной профессии, места учебы или работы у молодежи наметились инструментализация и рационализация мотивационных установок, во многом определяющие их социальное поведение.

Для многих выбор учебы связан со стремлением получить желаемую профессию — 43,6%, для 27% респондентов — это желание получить высшее образование, для 17,1% респондентов — это реализация советов родителей.

Молодежь также ценит высшее образование и в качестве средства получения хорошей профессии, достижения высокого социального статуса, высокого уровня культуры.

Подобный тип мотивации позволяет быстрее и рациональнее достигнуть успеха в условиях рынка. Вместе с тем мотивации такого рода не могут негативно не сказываться на качестве учебы: погоня за дипломом заграждает ценность постижения подлинных высот образования.

Собственно появление инструментального типа мотивации означает, на наш взгляд, то, что у молодого поколения не сформировалась внутренняя потребность совершенствовать свой образовательный, культурный уровень, и поэтому для поддержания потребности в самообразовании нужны мощные внешние стимулы. Особенности нынешней мотивации к обучению объясняются тем, что большинство выбрали вуз не по своему внутреннему желанию, а также тем, что общество и государство не имеют возможности создания условий для самореализации и становления социальной субъективности молодежи. Еще одной причиной является психологическая неподготовленность молодежи к переходу в систему новых экономических отношений, в которой работник выступает как товар и должен иметь соответствующие характеристики [10].

Социологические исследования, проведенные в Казахстане, также говорят о ценности образования в инструментальном плане. Были выявлены следующие тенденции в ценностной мотивации получения образования:

1. Содержательная мотивация — значимость содержания профессии, ее творческий и интеллектуальный характер, возможность и гарантии самореализации. По числу ответов удельный вес данной мотивации составил 52,96%.

2. Утилитарная, инструментальная или статусная функция будущей специальности — внешние атрибуты профессии, прежде всего, мотивы карьеры, продвижения, достижение определенного положения, то есть статусные мотивы — 87,23%.

3. Мотивы социальной значимости будущей профессии — 33,34 %.

Таким образом, инструментальная или статусная функция будущей специальности — внешние атрибуты профессии являются наиболее значимыми факторами для современной молодежи.

По данным других исследователей, в молодежной среде доминируют четыре цели: материальное благополучие, карьера, образование и профессиональное знание дела. Приоритетными целями жизни для юношей являются материальное благополучие (27,3%) и карьера (19,9%), для девушек (женщин) — материальное благополучие (26,9%) и получение образования (18%) [11].

Сегодня молодежь из разных социальных слоев имеет неодинаковые шансы уже на этапе жизненного старта. Если для молодого казахстанца из высокообеспе-

ченной семьи возможен выбор учебы и работы за рубежом, для выходца из семьи среднего достатка возможен выбор учебы или работы, то молодому человеку из малообеспеченной семьи не приходится выбирать.

Будучи самой мобильной среди населения возрастной группой, молодежь испытывает серьезные затруднения при передвижении по социальной лестнице. Высокодоходные и низкодоходные социальные группы оказались как бы в двух непересекающихся социальных пространствах. Причем восходящее движение, будь то карьерный рост, профессиональное совершенствование или личностное саморазвитие, возможно лишь в пространстве обеспеченных, тогда как в пространстве бедных шансы для социальной мобильности резко снижены. Для того чтобы вырваться в пространство социальной мобильности, у низкодоходной части населения не хватает материальных возможностей. В этом смысле хорошим выходом из тупика является наличие развитой системы кредитования населения, в том числе молодежи.

Особую озабоченность при анализе современных процессов социализации и проблем включенности молодежи в жизнь динамичного общества вызывает отсутствие механизмов адаптации к рыночным отношениям, особенно *сельской молодежи*. Эта часть молодежи меньше всего включена сегодня в общественные отношения, что ведет к ее маргинализации, криминализации, аполитичности. Она менее всех адаптирована к рыночным отношениям, урбанизированной среде, обладает низким уровнем образования, квалификации, у нее отсутствуют связи в новой социальной микросреде, но существует необходимость в постоянном (пусть даже нелегальном) источнике дохода для оплаты расходов за дорогостоящую аренду жилья, продукты питания, обучение.

Внутренняя миграция во многом является следствием трудности трудоустройства. Увеличение динамики внутренней миграции способствовало расширению явлений маргинализации и криминализации среди молодежи из села.

Основным субъектом миграционного процесса в Казахстане является молодежь. Ведущим направлением миграционных потоков стало движение из села в город. Согласно данным, предоставленным Агентством РК по статистике, общая численность молодежи, проживающей в городе, составила 27,9%, а доля сельской молодежи составила 29,8%. При этом свидетельством миграции сельской молодежи в город является то, что в возрастной структуре сельской молодежи наблюдалось некоторое снижение доли граждан в возрасте 25—29 лет и увеличение данной возрастной группы в среде городской молодежи. По тем же официальным данным, за последние десять лет в показателях внутривнутриреспубликанской миграции населения произошли большие изменения.

Исследования показывают, что среди молодежи, живущей на селе, желание переехать в город выражено далеко неоднозначно. В той или иной мере желание переехать в город выразили 48,1% респондентов, а против смены места жительства высказались 41% селян. В числе причин миграции из села были названы такие факторы, как перераспределение собственности на селе, ухудшение экономического состояния населения, трудности трудоустройства (35,8%), усиление разрыва между условиями жизни на селе и в городе (51,6%), низкое качество школьного образования и медицинского обслуживания (14%), отсутствие условий для проведения досуга (36%). Решение этого круга проблем составляет *мотивационное ядро в миграционных установках сельской молодежи*.

В возрастном срезе миграционные установки распределились следующим образом. Молодые люди в возрасте от 14—18 лет гораздо чаще выражают желание переехать в город (39,4%). Среди молодых людей старше 19 лет основным мотивом миграции в город является возможность найти работу. Большой уровень брачности на селе среди молодых в некоторой мере снижает у них подверженность к смене места жительства [12].

В процессе урбанизации молодежь должна пройти определенную ступень адаптации к новым условиям, сменить образ жизни, потерять связи с выработанными в аулах ценностями и строить в своем сознании новую систему жизненных ценностей и ориентиров. Изменение социального статуса дестабилизирует психологию молодого человека. В результате происходит размывание традиционных нравственных норм, мировоззренческой установки, мотивов поведения. В процессе перехода от одного социокультурного уклада (традиционного) к другому (который можно определить как городской или индустриально-урбанистический) культурное наследие, веками составляющее едва ли не самое ценное достижение народа, подвергается сомнению. В городе происходит вытеснение групповых источников в пользу индивидуально массовых, на передний план ставится необходимость самостоятельного выбора ценностей, ориентирующих его сознание и поведение. Последствия этого процесса амбивалентны.

На рынке труда в получении квалификации они объективно не могут составить конкуренцию городским сверстникам и в основном приобретают специальности, которые в обществе не представляют большой ценности и малооплачиваемы. К этому следует отнести и бытовую неустроенность, жизнь, в лучшем случае, в общежитиях, а то и просто бездомных. Все это тормозит процесс их социализации, они в массе не посещают культурные центры большого города, создают землячества и в общем остаются для города чужими. В этом состоянии они могут прожить долгие годы, и это приводит ко многим негативным последствиям.

Углубление процесса реформ ставит проблему формирования новой культуры в человеке, который был бы ориентирован на производство продукции на мировом уровне. Однако реальность такова, что растут темпы маргинализации масс, ведущие к атмосфере массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения.

Эти кризисные явления находят отражение в сознании людей, в нормах и моделях поведения, в ориентации на те или иные виды деятельности. Доступ к жизненным благам и ценностям становится избирательным, усиливается процесс формирования социального неравенства между различными общностями, в том числе между сельскими и городскими жителями.

Неразвитость экономической и социальной сфер села по сравнению с городскими, ущемленное положение сельских жителей в обществе создают индивидов с бедными, ограниченными потребностями, отчужденных как от результатов своего труда, так и создаваемых общественных благ. В условиях все усиливающейся дифференциации общества сельчане все больше становятся объективно ограниченными.

И поселенческий фактор, и разделение труда — это социальные детерминанты, но они принимают этническую окраску, так как сельское население в основном казахское.

Занимаемые социальные позиции порождают определенное поведение: поведение ущемленной части населения, которая против модернизации общества, так как не вписывается в нее, а отсюда недоверчивость и неуверенность.

Распределение социального статуса личности в обществе в процессе конкуренции должно происходить таким образом, чтобы существовали положительные стимулы для выполнения своих функций и обязанностей. В противном случае последует отклоняющееся поведение, что является симптомом противоречия между общественными нормами и средствами их реализации. А в случае ослабления институциональных способов деятельности масс общество становится нестабильным и в нем развиваются явления, которые Дюркгейм называл как «аномия» (безнормность), аморальность, нежелание участвовать в созидательном труде, увеличение криминогенности и т.д., что свидетельствует о нестабильности общества.

В ситуации аномии человек, никуда не уезжая, чувствует себя в родном обществе полностью дезориентированным, чужаком, маргиналом. Симптомами аномии являются неуверенность в завтрашнем дне, социальный страх, одиночество, беспокойство и высокая внушаемость. Аномия сопровождается также чувством униженности — как личностной, так и национальной. Ведь новая система ценностей, предлагаемая элитой обществу, как бы показывает ему его «несовременность», отсталость. В связи с этим встает вопрос, возможно ли реальное развитие общества, когда его члены чувствуют себя униженными, несоответствующими времени, с ущербной идентичностью, а социальные условия препятствуют раскрытию их творческого потенциала.

По мнению В.М. Межуева, с таким сознанием вообще нельзя развиваться. Развитие есть удел уважающего себя человека, а ответом на национальное унижение может быть только ненависть к тем, кто тебя унижает и кого тебе ставят в пример. Убедите человека в том, что он — варвар, он и будет вести себя соответственно. В итоге мы получим не развитие, а произвол сверху и хаос внизу [13].

Таким образом, низкий уровень социальных ожиданий молодежи отражает процесс углубления социальных противоречий в современном обществе, когда декларируемые обществом возможности на деле оказываются соизмеримыми с возможностями родителей. Молодежь в своих жизненных установках все больше делится на оптимистов, пессимистов и неуверенных ни в чем людей. В условиях переходного общества для молодых людей усиливается риск нереализованных возможностей и социального исключения.

К основным принципам образовательной политики Республики Казахстан относятся: равенство прав всех граждан Казахстана на образование; доступность образования всех уровней; светский характер образования; стимулирование образованности и разнообразие организации образования; демократический характер управления образованием; расширение академических организаций образования; гуманистический и развивающий характер образования; интеграция образования, науки и производства; профессиональная ориентация обучающихся; информатизация образования.

Поэтому важным направлением образовательной политики является обеспечение доступности образования. С этой целью государство усиливает внимание к обеспечению единства требований к экзаменационным материалам и критериям оценки знаний абитуриентов — через введение Единого Национального Тести-

рования (ЕНТ); предоставлению равных возможностей в доступе к высшему профессиональному образованию для всех слоев населения; установлению в достаточной мере объективной прозрачности всего экзаменационного процесса; осуществлению отбора наиболее подготовленной молодежи для дальнейшего обучения. Введение системы государственного кредитования (частичного, полного), грантов направлено на поддержание доступности образования для молодежи.

В постсоветский период общая численность казахстанских студентов продолжала повышаться за счет роста доли студентов, обучающихся на платной основе, в то же время контингент студентов, обучающихся за счет средств республиканского бюджета, также стал увеличиваться.

Вместе с тем высшее образование остается для многих недоступным. Введение платного образования и сокращение финансирования сферы образования ведут к тому, что образование становится привилегией для избранных.

Так, возможности продолжения образования после окончания средней школы положительно оценили всего 21,5% респондентов из низкодоходных семей (26,9% и 16,3% соответственно в городе и селе).

Возможность поступления в вузы доступна лишь 27,9% сельчан. Среди причин нежелания продолжить образование опрошенные чаще всего отмечают отсутствие денег для платного обучения — 85,3%, а затем отсутствие нужных связей для получения бесплатного образования — 10,6% и необходимость работать из-за отсутствия средств в семье — 10%.

По данным социологических исследований Агентства РК по статистике, число детей из низкодоходных семей, окончивших или завершающих образование в средней школе, не имеющих возможности продолжить образование в средней школе по причине того, что:

- нет денег на платное образование, составляло в городе 75,1%, на селе — 76,3%;
- недостаточно качественный уровень обучения в доступных для опрашиваемых учебных заведениях, в городе — 0,2%, на селе — 0,7%;
- недостаточное базовое образование, в городе — 5,8%, на селе — 3,7%;
- нет нужных связей для получения бесплатного образования, в городе — 8,3%, на селе — 3%;
- плохое здоровье, в городе — 1,4%, на селе — 0,8%;
- нет желания, в городе — 1,8%, на селе — 2,4%;
- семейные обстоятельства, в городе — 3%, на селе — 4,4%;
- должны работать, чтобы содержать себя, в городе — 4,1%, на селе — 6,35 [14].

Для многих способных молодых людей возможность получения высшего образования ограничивается недостатком мест в общежитиях, удорожанием жилья, повышением стоимости проезда, что не позволяет им особенно отдалиться от дома, в то время как элитные формы образования сосредоточены в крупных городах. Возможный конфликт в сфере образования может быть в перспективе связан с неравенством стартовых потенциалов молодежи из городской и сельской местности.

Несмотря на развитие демократических принципов открытого доступа к высшему образованию, результаты образования все в большей степени становятся зависимыми от социально-экономических условий. Дети из семей с высоким

и средними доходами, имеющие возможность оплатить частное репетиторство, обычно лучше подготовлены к ЕНТ и комплексному тестированию, открывающим им доступ к государственным грантам, чем дети из малообеспеченных слоев населения.

Из соотношения размера номинальной заработной платы и прожиточного минимума работающее население Республики Казахстан можно разделить на несколько доходных групп: низкооплачиваемая группа (44%), среднеоплачиваемая (43—46%) и высокооплачиваемая (10—13%). Как показывают данные, низкооплачиваемая категория населения составляет почти половину. И если учесть, что почти 86% студентов обучаются в вузах за счет собственных средств, то для этой категории населения доступ к высшему образованию и результатам образования может быть затруднен [15].

Следует отметить, что одновременно произошло значительное сокращение численности школ профессионального образования. В течение ряда лет выпуск квалифицированных рабочих снизился в несколько раз, только в последние годы ситуация начала выпрямляться. Растущая сфера обслуживания требует специальной подготовки работников.

Если в вузах в последние годы намечилось увеличение численности выпускников, то численность таковых в профессиональных школах стабильно и динамично уменьшается. В данном случае во многом сказывается ситуация закрытия и остановки промышленных предприятий, которые в свое время были обязаны проявлять заботу о воспроизводстве необходимых кадров. Сегодня эта проблема легла на плечи родителей, которые стремятся обеспечить детям получение среднего специального образования, пригодного для будущих предприятий истроек. Подобная картина наблюдается при решении проблемы переподготовки кадров. Теперь не государство, а родители переподготовку молодежи рассматривают как личную проблему. Курсы переподготовки также требуют материальных средств, что не входит в задачи государства. А между тем эти материальные средства, по существу, есть не финансовые затраты, а инвестиции в человеческий капитал.

Остается проблема воспроизводства интеллектуального потенциала в региональном измерении. Региональный аспект конфликта в сфере образования сегодня отражает не только традиционное неравенство возможностей жизненного самоопределения молодежи между селом и городом, но и между крупными и небольшими, территориально удаленными городами. В них проживает большинство молодежи. Введение платы за обучение делает его недоступным для многих. Даже при сохранении частично оплачиваемой формы обучения, многие не уверены в гарантированном заработке после получения диплома.

Результатом усилий на государственном, частном и общественном уровне явились отдельные прорывы в образовательном поле. В качестве примера можно привести успешность выпуска специалистов из ряда элитных вузов, таких, как Алматинский институт энергетике и связи, Академия транспорта и коммуникаций и др. Успех этих вузов объясняется тем, что они, с одной стороны, связаны с современными информационно-коммуникационными технологиями, а с другой стороны, готовят специалистов для монопольных отраслей, где конкуренция практически отсутствует.

Ровно полвека назад с космодрома Байконур был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. А в 1961 г., 12 апреля, впервые в истории полет

в космос совершил человек. С этого времени началась эра покорения космоса человечеством. И если на заре космонавтики полеты в космос и развитие космических технологий преследовали сугубо военные, идеологические и научные цели, то на сегодняшний день — это еще и высококонкурентная отрасль мировой экономики, имеющая огромное практическое и экономическое значение.

Телевидение, связь, Интернет, системы навигации и предупреждение природных и техногенных чрезвычайных ситуаций, строительство и сельское хозяйство, геологоразведка и промышленный лов рыбы — эти и многие другие отрасли человеческой деятельности неразрывно связаны с использованием космических технологий.

Но вместе тем в Казахстане никогда не было прикладной космонавтики, нет инженерных и конструкторских отраслевых школ, соответственно, и специалистов этих направлений. Сегодня Казахстан получил уникальный шанс стать полноценной космической державой. Но все усилия будут напрасными без формирования собственной профессиональной кадровой политики специалистов — от высококвалифицированных рабочих до астрофизиков и космонавтов. Фактически речь идет о формировании высококонкурентных профессий и в целом об имидже страны, что станет возможным, если в этом будут заинтересованы и государство, и общество, и, особенно, сама молодежь.

Трансформация казахстанского общества в постсоветский период по-новому выявила проблемы социального развития молодежи. Не могли не сказаться общие и для всего социума, и для молодежи причины. Социальная, политическая, хозяйственная, культурная неустойчивость общества породила массу социальных противоречий и парадоксов. Сказывается быстрый рост социального расслоения, дифференциация и маргинализация общества. Особенно значимой выступает ломка традиционных форм социализации и межпоколенческой преемственности, социальной мобильности, путей и способов профессионального самоопределения и роста. Разорванность общественного бытия молодежи в конечном счете и порождает парадоксальность ее сознания и поведения [16].

Актуализировалась проблема соотношения единства и разнообразия, целостности и дифференциации молодежи. Сегодня дифференцирующие факторы среди молодежи проявляются более весомо и зримо, чем интегрирующие, и, прежде всего, такие, как социальное происхождение, доход как самого молодого человека, так и его родителей, образование, социальные притязания и ценностные ориентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социс. — 1998. — №3. — С. 97.
2. Маратова С.Ш. Ценностные ориентации молодежи // Саясат. — 2003. — №4. — С. 31—32.
3. Зайниева Л., Калетаев Д., Шойкин Г. Молодежь Казахстана в условиях демократизации общественных и экономических отношений. — Астана, 2004.
4. Смайлов Е. Лабиринты нефтесервиса // National Business. — 2007, апрель — май. — №4 (42). — С. 48—50; Алдияров С. Нефтесервис — государство: поддержать. Нельзя потерять // National Business. — 2007. — №5. — С. 45.
5. Доклад по национальной политике в области внешнего образования Республики Казахстан, представленный Всемирным банком. — 2006. — С. 19.
6. Смайлов Е., Хасенов С. Факты, факты — воздух инвестора // Курсивъ. — 2006, 6 апрель. — №13.

7. Доклад по национальной политике в области внешнего образования Республики Казахстан... С. 38.
8. Тощенко Ж.Т. Социология. — М., 2005. — С. 438.
9. Доклад по национальной политике в области внешнего образования Республики Казахстан... С. 19.
10. Ешпанова Д.Д., Нысанбаев А.Н. Социальный портрет молодежи в современном Казахстане // Социс. — 2004. — №12. — С. 94.
11. Курмангалиева К.Г., Жакенова К. Глобализация и проблемы регулирования образования в Казахстане. В сб. Казахстан в эпоху глобализации. — Алматы, 2004; Социальный портрет молодежи Центральной Азии в аспекте обеспечения государственной и региональной безопасности. Молодежь Казахстана. — Алматы, 2002.
12. Есжанова К.Б. Особенности сельско-городской миграции казахстанской молодежи. — Астана, 2003. — С. 84—85; Абилов Р. Правила миграционного движения // National Business. — 2007. — №6. — С. 12—13.
13. Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. — 2000. — №3 (17). — С. 102—115.
14. Молодежь Казахстана: некоторые статистические и социологические характеристики // Молодежь Казахстана. Государственная молодежная политика. — Алматы, 2003.
15. Доклад по национальной политике в области внешнего образования Республики Казахстан... С. 14.
16. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. — 2006. — №6. — С. 27.

Характер и параметры исходных альтернатив политического реформаторства в Казахстане

РАХИМЖАНОВ А.М.

Одним из параметров исходных альтернатив политического реформирования в Казахстане стало разделение партийно-государственной власти. Воплощение в государственно-правовой практике принципа разделения властей является необходимой предпосылкой формирования демократического, правового, социального и светского государства, реализации идей верховенства права и закона, гарантирования прав и свобод личности.

Отсчет начала политического реформаторства, на наш взгляд, можно начать с середины 1980-х гг., когда стала осуществляться демократизация политической системы СССР, нашедшая законодательное выражение на рубеже 1980—1990-х гг. Событием, положившим начало реформированию политической системы СССР, стала ликвидация властной монополии КПСС, закрепленной в статье 6 Конституции СССР и КазССР: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза». В Казахской ССР первые попытки разделения партийной и государственной власти на конституционном уровне были предприняты в сентябре 1989 г., после внесения изменений в избирательную систему, согласно которым четвертая часть народных депутатов КазССР стала избираться от общественных организаций — Компартии Казахстана, профсоюзов, кооперативных организаций, ЛКСМ Казахстана и др. объединений, зарегистрированных в установленном законом порядке и имеющих республиканские органы. При этом выборы стали проводиться на съездах, конференциях либо пленумах республиканских органов соответствующих общественных объединений [1].

Положительными сторонами нововведения были отказ от функционального поглощения Компартией государства и привлечение общественных организаций к избирательному процессу. Законодательно властная монополия КПСС в Казахстане была ликвидирована решением Съезда народных депутатов СССР об отмене статьи 6 Конституции СССР и введении поста Президента СССР. Аналогичные процессы развернулись и в Казахской ССР. В апреле 1990 г. были внесены соответствующие изменения в Основной закон республики, уравнившие Компартию с другими общественными объединениями и указавшие конкретную форму их политического участия: «Статья 6. Коммунистическая партия Казахстана, профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения в Казахской ССР через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и других формах участвуют в выработке политики республики, в управлении государственными и общественными делами» [2].

С ослабления реальных позиций Компартии и появления «неформальных» общественных объединений начался процесс реформирования политической системы. Во-первых, были установлены правовые рамки функционирования общественных объединений, которые должны были действовать в соответствии с Конституцией и законами Казахской ССР: «Не допускаются создание и деятельность партий, организаций и движений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя и целостности республики как суверенного социалистического государства, подрыв ее безопасности, разжигание социальной, национальной и религиозной розни». Во-вторых, были сняты прежние идеологические ограничения: если старая редакция статьи 49 давала право гражданам на объединение в общественные организации только в соответствии с целями коммунистического строительства, то в новой редакции подобная норма отсутствовала [3].

Руководство Казахстана приняло в 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете, которая затем была закреплена в Конституционном законе «О государственной независимости Республики Казахстан» (1991 г.). Эти два документа определили понимание места и роли Казахстана как независимого демократического и правового государства, равного и полноправного субъекта международного сообщества.

Огромное значение Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР в политико-правовой истории независимого государства определяется следующими положениями:

- впервые на самом высшем государственном уровне Верховный Совет Казахской ССР, «выражая волю народа Казахстана», официально провозгласил всему мировому сообществу, что «государственная власть Казахской ССР обладает верховенством, самостоятельностью, полнотой внутри Республики...», что «Казахская ССР самостоятельно решает все вопросы, связанные с политическим, экономическим, социальным и национально-культурным строительством в Республике, ее административно-территориальным устройством, определяет структуру и компетенцию органов государственной власти и управления, а также символы Республики» [4].

Декларация впервые закрепила, что республика принимает меры по охране, защите и укреплению национальной государственности и что возрождение и развитие самобытной культуры, традиций, языка и укрепление национального достоинства казахской нации и других национальностей, проживающих в Казахстане, является одной из важнейших задач государственности Казахской ССР.

Началом обретения независимости Казахстаном послужил распад Советского Союза. Официальным документом, провозгласившим государственную независимость, был Конституционный закон о государственной независимости, принятый 16 декабря 1991 г. Верховным Советом Республики Казахстан. В нем говорилось о том, что Республика Казахстан как независимое государство имеет свою территорию и обладает на ней всей полнотой власти. Обретение независимости Республики Казахстан — важная точка отсчета времени новой эпохи, судьбоносный поворот в общественно-индивидуальной ориентации и потому самое значительное историческое событие для казахстанцев в XX в. Именно обретение независимости послужило отправной точкой для процесса политического реформирования в Казахстане.

Следующим важным моментом в жизни независимого Казахстана стала первая Конституция республики, принятая 28 января 1993 г. Конституция явилась

исторически-правовым актом, представляющим собой конституционные основы независимости государства. Во введении (преамбуле) Конституции говорилось, что Казахстан является частью мирового сообщества, а также и, как форма государственности самоопределившейся казахской нации, обеспечивает равные права всем своим гражданам. Принятие 28 января 1993 г. первой Конституции суверенного Казахстана явилось базой для широкомасштабного продвижения процесса демократизации на правовой основе. В Основном законе страны были закреплены фундаментальные права и свободы человека, определены основы государственного строительства — народовластие, унитарность, территориальная неделимость и целостность, разделение властей на три ветви: законодательную, тогда Верховный Совет, исполнительную — Кабинет Министров и судебную — Конституционный, Верховный и Высший Арбитражный суды. Государственным языком объявлялся казахский язык.

Пройдя всенародное обсуждение, первая Конституция независимого Казахстана достаточно успешно исполняла роль законодательной основы для продвижения реформ во всех сферах общественной жизни.

Конституция Республики Казахстан 1995 г. установила весьма тесное взаимодействие ветвей власти. При этом их разделение гарантировалось не только четким разграничением полномочий и недопустимостью вмешательства в компетенцию друг друга (см. ст.ст. 53—57 и ч. 3, ст. 61 п. IV «Парламент»; ст. 66 п. V «Правительство»; ст.ст. 75—78 п. VII «Суды и правосудие»), но также и специальными конституционными гарантиями. Тем самым были созданы новые политико-правовые гарантии и возможности для политического реформаторства.

Характер политического реформаторства и параметры его исходных альтернатив во многом определяет реформирование экономического базиса общества. Как показывают результаты исследования Всемирного банка, существует тесная связь между различными типами политических систем и альтернативными путями экономической реформы. При этом следует иметь в виду, что корреляция между политическими режимами и различными путями экономической реформы не обязательно предполагает причинно-следственную связь. Могут иметь место и иные факторы, такие, как историческое и культурное наследие, структуры экономики и даже географическое положение, которые влияют как на выбор политического режима, так и на путь экономической реформы. Все эти факторы в значительной мере скоррелированы, что не позволяет четко выявить причинно-следственные связи эмпирическим путем. Однако значительные совпадения в процессе перехода в странах со схожими политическими системами говорят о том, что политические институты влияют на выбор конкретной экономической реформы. Правда, необходимо различать при этом конкурентные, концентрированные и неконкурентные политические системы.

По итогам исследования среди самых передовых экономических реформаторов оказались конкурентоспособные демократические системы, проводящие политику содействия развитию мелких и средних предприятий и сохранения жестких бюджетных ограничений в отношении как новых, так и старых предприятий. Концентрированные политические системы с большей степенью вероятности могут сохранять режим частичных реформ, способный обеспечивать защиту старых предприятий и создавать барьеры для доступа к рынку новых участников. И все же в этих странах сочетание элементов либерализации, приватизации,

мягких бюджетных ограничений и слабого верховенства права побуждает даже новые предприятия к стремлению получать незаработанные доходы и подрывать установленные правила, а не развивать продуктивное предпринимательство.

Неконкурентные политические системы более склонны отказываться от ключевых элементов перехода к рынку, они делают упор на сохранении большей преемственности в отношении структур и практики предыдущей командной системы экономики. Хотя эти режимы защищают государственные предприятия и ограничивают деятельность новых, отсутствие сколь-нибудь значительной либерализации или приватизации помешало появлению отмеченных типов получения незаработанных доходов и подрыва установленных правил, характерных для концентрированных политических режимов, что позволило избежать резкого сокращения экономической деятельности, характерного для других склонных к реформе стран [5].

«Опыт показывает, — отмечает М. Шайхутдинов, — что мировая экономическая система, ориентированная только на рынок при отсутствии других регулирующих механизмов, не может обеспечить гармоничное развитие в глобальном масштабе» [6]. В этой связи регулятивные функции государства в экономической сфере не только не утрачиваются вместе с утверждением глобальных рыночных сетей, но по некоторым параметрам даже усиливаются.

Процессы реформирования экономики в Казахстане за 16 лет независимости прошли сложный путь, ведь постсоветская экономика характеризовалась весьма слабыми традициями и отсутствием элементов рыночного хозяйства в дореформенный период. Собственно, противоречивый характер имеют сами по себе тенденции переходных периодов, когда на смену устаревшим тоталитарным структурам и отношениям приходят ростки новых экономических отношений. В этих условиях меняется общественное сознание, появляются новые социальные слои и институты, новые механизмы регулирования разногласий и конфликтов экономических интересов. С другой стороны, обостряются трудности управления системой социально-экономических субъектов, появляются ценностные ориентации деструктивного плана, продолжаются процессы разрушения многих жизненно важных хозяйственных внешних связей, продолжается экономический спад и понижение жизненного уровня населения. Все это нашло свое отображение в динамизме первых лет посттоталитарного существования нового независимого государства.

В целом в постсоветский период государство в Казахстане остается важнейшим компонентом экономической системы. Его роль в 1991—1997 гг. сводилась к проведению приватизации и созданию институциональной среды, которая должна благоприятствовать рыночным отношениям, избегая при этом эффектов «шоковой терапии» для населения. В этот период были приняты базовые законы, предусматривавшие введение частной собственности на землю, приватизацию в целом около 60% предприятий в различных отраслях национального хозяйства, проведена денежная реформа, принят Гражданский кодекс, созданы таможенные и фискальные службы.

Переход Казахстана от социалистической системы к рыночной (и многоукладной) экономике вызвал серьезные изменения в социальной структуре, которые имеют долговременные последствия. По данным переписи 1999 г., в сельском хозяйстве были заняты 21,9% трудоспособного населения, в промышленности и строительстве — 18,3% трудоспособного населения, в сфере услуг — 59,8%

трудоспособного населения. В 2004 г. это соотношение несколько изменилось. По данным Агентства РК по статистике, в 2004 г. в сельском хозяйстве были заняты 32% населения, в промышленности и строительстве — 18%, в сфере услуг — 50% населения. По данным Всемирного банка, в Казахстане в 2002 г. насчитывалось 2,6% безработных от общей численности трудоспособного населения. В то же время число официально зарегистрированных безработных в 2004 г. составило 1,5% трудоспособного населения.

Республика в составе бывшего СССР относилась к разряду дотационных, что обуславливало постоянный дефицит государственного бюджета и глубокую товарно-денежную несбалансированность. Длительное развитие производственного потенциала Казахстана в качестве сырьевой и зерновой базы народнохозяйственного комплекса бывшего СССР привело к глубоким структурным диспропорциям, отсутствию самостоятельно организованного внутреннего рынка страны. Высокая концентрация производства, превалирование крупных и особо крупных предприятий явились результатом господствовавшей в то время приверженности к масштабному строительству, «гигантомании». Несмотря на объективные и субъективные трудности и недостатки, рыночные реформы в Казахстане идут и по ним имеются позитивные результаты по ряду направлений. С 1996—1997 гг. наблюдаются признаки макроэкономической стабилизации, в страну привлекаются иностранные инвестиции.

К результатам длительного пребывания в рамках тоталитарного режима следует отнести и отсутствие в Казахстане демократических норм и традиций, а насаждение господствовавшей идеологией антирыночного менталитета привело к почти полному исчезновению предпринимательских традиций и духа у населения. Тем не менее, по мнению М. Татимова, «молодой состав населения республики, особенно самих казахов, средний возраст которых всего 25—27 лет, даст возможность для быстрого восприятия новых рыночных отношений и внедрения новой производственной технологии» [7].

Чтобы внедряемые в общество демократические институты и процедуры функционировали эффективно и стабильно, необходимы не только предпосылки социально-экономического и социокультурного характера, но и совместные усилия государственных органов управления и гражданского общества (находящегося в стадии становления) по формированию у населения соответствующей политической культуры, которой отводится основная роль в преобразовании интереса в ту или иную форму общественного поведения. Некоторые сложности в процессах политического реформирования объясняются недостаточной сформированностью, специфичностью политической, демократической культуры. На это обратил внимание Президент страны Н. Назарбаев: «Основная масса казахского населения характеризуется в целом однотипностью политической культуры, в особенности признанием общих социально-политических норм и ценностей, представлений о власти, путях ее достижения и использования» [8].

Политическая культура посредством передачи идей, традиций, стиля поведения, ценностных образов способствует сплочению, консолидации общества. Это позволяет политической культуре реализовать огромный диапазон нормативных, идеологических, мобилизационных и иных функциональных действий. В качестве составных элементов политическая культура включает в себя сформировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические представления, политиче-

ческие ценности, политические установки, политическое поведение, политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами, а также ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших правил игры. Н. Назарбаев пишет: «...история становления нашей и вообще любой государственной независимости — это не только история общественно-политического переустройства. Это в немалой степени история личностного роста каждого из нас. Это история психологического переосмысления жизненных ценностей и даже самого смысла жизни. Это история возвращения народов и каждого из нас в лоно мировой цивилизации» [9].

Таким образом, характер исходных альтернатив политического реформирования и становление определенного типа государственности являются также формированием определенного типа политического сознания его граждан и выражаются в определенных формах политического самоопределения личности и социальных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция (Основной закон) Казахской Советской Социалистической Республики от 20 апреля 1978 г. Ст. 6 // Казахстан: этапы государственности. Конституционные акты. Сост. Ж.Н. Баишев. Официальное издание. — Алматы, 1997. — С. 294—295; Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Казахской ССР. Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 22 сентября 1989 г. П. 2. Ст. 84 // Казахстан: этапы государственности. — С. 337—338.
2. Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Казахской ССР. Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 24 апреля 1990 г. П.л. 1. Ст. 6 // Казахстан: этапы государственности. — С. 354.
3. Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Казахской ССР. Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 24 апреля 1990 г. П.л. 1. Ст. 7, 494. Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. — Алма-Ата, 1990. — №44. — С. 408.
5. Переходный период: анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Исследование Всемирного банка / Пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2002. — 296 с.
6. Шайхутдинов М. Глобализация и национальное государство: проблемы и противоречия // Казахстанская правда. — 2005, 28 января.
7. Татимов М. Демографическая политика в процессе становления суверенитета молодого государства — Республики Казахстан // Эволюция государственности Казахстана (Материалы международной конференции, Алматы, 3—5 апреля 1996 г.). — Алматы, 1996. — С. 412.
8. Назарбаев Н.А. На пороге XXI в. — Алматы: Өнер, 1996. — С. 125—126, 153, 154.
9. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. — Алматы: Атамұра, 2003. — С. 221.

Российско-казахстанские торгово-экономические отношения: современное состояние и перспективы развития

ЧУФРИН Г.И.

I. Общая характеристика

Развитие российско-казахстанских отношений является одним из наиболее удачных примеров межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве. Это сотрудничество основывается на прочной правовой базе, состоящей из почти 300 двусторонних договоров и соглашений. Особое место по своей значимости и по влиянию на весь комплекс отношений между Россией и Казахстаном среди этих документов занимают Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1992 г. и Декларация о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI-е столетие, от 6 июля 1998 г.

Помимо этих основополагающих политических документов, призванных определять и регулировать фундаментальные принципы двусторонних отношений на стратегическую перспективу, Россия и Казахстан заключили и по мере необходимости периодически обновляют или дополняют новыми договорами, соглашениями и протоколами пакеты межправительственных документов по политическим, экономическим, культурным и иным вопросам, представляющим взаимный интерес.

Россия и Казахстан одновременно являются членами основных политических, военно-политических и экономических организаций, созданных и получивших развитие на постсоветском пространстве — от СНГ до ЕврАзЭС и от ОДКБ до ШОС, — занимая в них активную позицию и стремясь координировать в рамках этих организаций свою деятельность.

Наконец, Россия и Казахстан осуществляют интенсивные и регулярные контакты между высшими должностными лицами обоих государств — президентами, членами правительств и руководителями государственных ведомств, а также на межпарламентском и региональных уровнях, между представителями деловых кругов и т.д.

Все это, несомненно, благотворно влияет не только на развитие взаимовыгодных политических и деловых связей между Россией и Казахстаном, но и на поддержание общей атмосферы дружеского сотрудничества по самому широкому спектру двусторонних отношений.

Следует особо подчеркнуть, что развитию и укреплению этих позитивных тенденций способствует понимание в политических и деловых кругах как Казахстана, так и России того, что долговременные национальные интересы обеих стран объективно требуют развития и углубления всесторонних взаимных связей в качестве взаимовыгодных, дружеских и союзнических. Напротив, замедление в поступательном развитии (а тем более охлаждение в российско-казахстанских связях) объективно не выгодно ни России, ни Казахстану, ибо чревато нанесением серьезного ущерба их национальным интересам и, как следствие, ослаблением их позиций в международных политических и экономических отношениях.

Осознание этих закономерностей и положительное их восприятие в обеих странах создают прочную основу двусторонних отношений и позволяют с достаточной степенью уверенности прогнозировать сохранение их позитивного характера при всех возможных колебаниях в политической конъюнктуре, в том числе связанных с приходом к власти в результате парламентских и президентских выборов новых политических лидеров как в России, так и в Казахстане.

Наконец, в целом положительная динамика российско-казахстанских отношений получила в последние годы ряд дополнительных импульсов в виде совместных политических заявлений руководителей наших стран, а также целой серии соглашений политического, экономического и юридически-правового характера по наиболее важным вопросам двустороннего и международного характера.

К числу таких значимых событий в двусторонних отношениях России и Казахстана следует отнести встречу на высшем уровне, состоявшуюся в Астане в начале мая 2007 г. На ней президенты России и Казахстана, В. Путин и Н. Назарбаев, утвердили план совместных действий двух стран на 2007—2008 гг. по дальнейшему продолжению и углублению сотрудничества в области региональной безопасности, двустороннего военно-политического и военно-технического сотрудничества [1].

Особое внимание в ходе встречи было уделено развитию торгово-экономического сотрудничества, которое, в свою очередь, включало в качестве важнейших направлений:

- приграничное сотрудничество;
- сотрудничество в топливно-энергетической сфере;
- развитие производственно-кооперационных связей посредством создания совместных финансово-промышленных групп;
- сотрудничество в освоении природных богатств Каспийского моря;
- научно-исследовательское сотрудничество в атомной сфере;
- сотрудничество в области исследования и освоения в мирных целях космического пространства и в использовании комплекса «Байконур».

В настоящее время в Казахстане действует более 90 государственных программ, направленных на развитие экономики. Практически во всех программах присутствует сотрудничество с Россией. В шести важнейших государственных программах — Развитие космической деятельности в Республике Казахстан на 2005—2007 гг., Программа освоения казахстанского сектора Каспийского моря, Программа развития отрасли телекоммуникаций Республики Казахстан на 2006—2008 гг., Развитие атомной энергетики в Республике Казахстан на 2004—2008 гг., Программа развития нефтехимической промышленности Республики Казахстан на 2004—2010 гг., Программа развития электроэнергетики

до 2030 г. — предусмотрены мероприятия, к реализации которых привлекаются российские компании и организации, а также действующие и вновь создаваемые совместные предприятия.

II. Торговля

Переходя к анализу двустороннего экономического сотрудничества по отдельным направлениям, следует отметить, что *Казахстан входит в десятку основных торговых партнеров России*, причем его удельный вес во внешнеторговом обороте России со странами СНГ колеблется в пределах 20%. В свою очередь, Россия остается важнейшим внешнеторговым партнером Казахстана, причем ее доля в казахстанском экспорте ежегодно составляет порядка 20%, а в казахстанском импорте — свыше 40% на протяжении уже ряда лет. Во внешнеторговом обороте России со странами Центральной Азии Казахстан устойчиво занимает первое место, причем объемы взаимного товарооборота между нашими странами за последние несколько лет существенно увеличились.

Так, в 2006 г., по данным российской таможенной статистики, они достигли \$12,8 млрд, увеличившись за последнее пятилетие в три раза. Рост двусторонней торговли продолжился и в 2007 г., причем, по имеющимся прогнозам, в годовом выражении рост взаимного товарооборота может составить порядка 40%.

В структуре российского экспорта минеральная продукция занимает 27%, машины, оборудование и транспортные средства — 27%, металлы и изделия из них — 16%, химическая продукция — более 10%, продовольственные товары — около 8%. В структуре импорта из Казахстана в Россию основную долю занимает минеральная продукция — 49,5%, продукция химической промышленности — около 20%.

Важной особенностью российско-казахстанской торговли является то, что примерно 70% всего товарооборота обеспечивается за счет приграничной торговли и межрегионального сотрудничества. Между российскими регионами и областями Казахстана заключено более 250-ти соглашений о развитии торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, по вопросам использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности на сопредельных территориях, развития сотрудничества в области охраны окружающей среды, а также предупреждения катастроф и стихийных бедствий и ликвидации их последствий.

Особое значение имеет приграничное сотрудничество двух стран. Приграничная территория двух стран охватывает с российской стороны десять областей, а также Алтайский край и три республики (Дагестан, Калмыкия, Алтай), а с казахстанской стороны — семь областей. Наиболее активно развивают торгово-экономические отношения с приграничными регионами Казахстана Челябинская, Оренбургская, Тюменская, Новосибирская и Омская области, а также Алтайский край. Следует особо отметить, что между приграничными соседями России и Казахстана заключены и реализуются прямые, то есть без участия республиканского руководства, договоры и соглашения по разным вопросам. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что России и Казахстану удалось не только не допустить разрыва торгово-экономических связей, сложившихся между сопредельными регионами в советский период, но и способствовать их успешному развитию в принципиально новых условиях межгосударственных отношений.

Развитию горизонтальных связей между сопредельными областями и регионами способствует проведение выставок-ярмарок товаропроизводителей сопредельных территорий. В целом уровень приграничных и региональных связей определяется не только объемами товарооборота, но и процессами взаимной интеграции, происходящими в экономике обеих стран. Об этом говорилось, в частности, на прошедшем в начале октября 2007 г. в Новосибирске Форуме приграничных регионов России и Казахстана, в работе которого приняли участие президенты В. Путин и Н. Назарбаев. Вслед за завершением Форума на очередном заседании российско-казахстанской межправительственной комиссии стороны утвердили план мероприятий по дальнейшему развитию и углублению приграничного сотрудничества на 2008—2011 гг.

Вместе с тем в российско-казахстанских торговых связях сохраняется еще ряд нерешенных вопросов, которые тормозят их развитие. Их урегулированию и повышению эффективности деловых отношений могли бы способствовать упрощение взаимных таможенных, транспортных и ветеринарных процедур на общей границе и создание Таможенного союза.

Об этом, хотя и в более широком страновом контексте, шла речь на состоявшемся в октябре 2007 г. в Душанбе саммите ЕврАзЭС. Результатом завершившихся переговоров стали важные межправительственные договоренности о продолжении и углублении многостороннего хозяйственного сотрудничества, в том числе и во взаимной торговле. При этом участники встречи уделили особое внимание ускорению формирования Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, придя к согласию, что он должен начать функционировать уже в 2010 г. На первых порах, исходя из уровня своего экономического развития и готовности к открытию границ для беспощинного импорта из других стран — членов Таможенного союза, его участниками выразили намерение стать Россия и Казахстан, а также Беларусь [2]. Впрочем, было заявлено, что создаваемый Таможенный союз ЕврАзЭС носит открытый характер и в последующем (по мере готовности) к нему могут присоединиться и остальные члены сообщества.

Главы трех государств-учредителей подписали документы о создании единой таможенной территории и комиссии Таможенного союза, а также протокол о порядке вступления в силу международных договоров, формирующих его договорно-правовую базу. По всей видимости, практическое формирование этой договорно-правовой базы и, особенно, выработка конкретных механизмов ее реализации потребуют от участников немалых усилий и готовности к компромиссам. Однако взаимная либерализация режима торговли является настоятельной необходимостью для России, Казахстана и Беларуси, неоднократно заявлявших о своей заинтересованности в ускорении интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Поэтому таможенное объединение между ними в согласованные сроки должно продемонстрировать их реальную готовность и способность к осуществлению конкретных шагов на этом пути.

III. Нефть и нефтепроводы

Роль нефти в экономике Казахстана исключительно велика. Ее доказанные запасы в стране составляют 5,6 млрд т, причем более 70% этих запасов приходится на казахстанский сектор Каспийского моря. Быстрыми темпами растет добыча

нефти, основная часть которой идет на экспорт. К 2015 г. Казахстан, по имеющимся прогнозам, будет добывать примерно 150 млн т нефти, что выдвинет его в число крупнейших нефтедобывающих стран мира. Из этого количества около 90%, или 135 млн т, планируется направлять на экспорт. Столь оптимистические прогнозы основываются на существующих оценках запасов углеводородного сырья в стране, включая еще не разведанные.

Так, например, первый вице-президент Национальной инженерной академии Казахстана Надир Надиров утверждает, что «62% территории Казахстана является нефтегазоносной, но из нее, на сегодня, разведана примерно только одна треть». К тому же, продолжает Надиров, на сегодняшний день в Казахстане научились извлекать примерно половину геологических запасов, и внедрение новейших технологий значительно расширит объемы нефтедобычи [3].

Взаимодействие между Казахстаном и Россией по добыче, транспортировке и переработке нефти относится, несомненно, к числу особо важных направлений их двустороннего сотрудничества. По оценке Президента Казахстана Н. Назарбаева, данной им в интервью агентству «Новости» 8 июня 2007 г., оно «носит стратегический характер, а взаимные обязательства являются масштабными и долгосрочными» [4]. Президент Казахстана подчеркнул при этом, что Казахстан и Россия в двустороннем формате решили проблему разделения шельфа Каспийского моря, договорились совместно вести разведку и добычу на его трех крупных месторождениях.

Упомянутое Н. Назарбаевым решение проблемы спорных участков шельфа Каспийского моря было завершено в начале 2007 г., когда Госдума РФ ратифицировала изменения к протоколу по соглашению между Россией и Казахстаном о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование. Изменения к протоколу предусматривают возможность освоения структуры «Центральная» и месторождения «Хвалыньское», расположенных в северной части Каспийского моря и находящихся под юрисдикцией России, на условиях раздела продукции без проведения конкурсов или аукционов.

Соглашение о разграничении дна северной части Каспия определяет общие принципы российско-казахстанского сотрудничества в области освоения углеводородных ресурсов Каспия. Документом предусматривается, что разграничение морского дна в целях недропользования осуществляется по модифицированной срединной линии, координаты и схема отображения которой закреплены в отдельном протоколе от 13 мая 2002 г. В соответствии с этим протоколом, который является приложением к соглашению, России переданы права на разработку месторождения «Хвалыньское» и структуры «Центральная», а Казахстану — месторождения «Курмангазы». По условиям соглашения, освоение углеводородных ресурсов этих месторождений будет осуществляться совместно.

В частности, добычу нефти на месторождении «Курмангазы», запасы которого оцениваются в 1 млрд т, будет осуществлять совместное российско-казахстанское предприятие, в котором каждой из сторон будет принадлежать по 50%. По аналогичной схеме стороны будут работать и на двух других каспийских месторождениях — «Хвалыньском» и «Центральном».

Казахстан заявляет о своей «абсолютной приверженности» тому, чтобы большая часть углеводородов, добываемых в республике, шла на экспорт по территории

России. Действительно, согласно официальным данным, в 2006 г. через Россию было экспортировано более 80% нефти, вывезенной из страны. Объясняется эта позиция в том числе тем, что российское направление транспортировки нефти в западном направлении является единственным реально работающим в широком масштабе и не имеющим политических рисков для Казахстана.

При этом экспорт через территорию России осуществляется с использованием нефтепровода «Тенгиз — Новороссийск», принадлежащего Каспийскому трубопроводному консорциуму (КТК), и нефтепровода еще советской постройки «Атырау — Самара». Наряду с упомянутыми нефтепроводами, поставки нефти по этому направлению обеспечиваются также по железной дороге через российскую территорию в порты Балтийского моря. И, наконец, реализуется комбинированный маршрут — от казахстанского порта Актау до российского порта Махачкала и далее по нефтепроводу «Махачкала — Новороссийск (или Туапсе)».

Вместе с тем возможности дальнейшего увеличения прокачки нефти через КТК стали во все большей степени ограничиваться тем, что достигла критических показателей пропускная способность турецких проливов Босфор и Дарданеллы, через которые проходят нефтеналивные суда. Для решения этой проблемы существенное значение приобрело подписание межправительственного соглашения между Россией, Грецией и Болгарией в марте 2007 г. о прокладке нефтепровода между Болгарией и Грецией «Бургас — Александруполис». Его строительство должно начаться в конце 2008 г. после того, как достигнутое соглашение будет ратифицировано парламентами трех стран. Прокладка этого нефтепровода общей протяженностью 285 км в последующие два-три года позволит существенно облегчить положение с экспортом нефти, поступающей на терминал в Новороссийске, главным образом через нефтепровод КТК, на европейский и мировой рынки в обход Босфора и Дарданелл. Стоимость проекта оценивается примерно в \$900 млн. Пропускная способность трубы — 35 млн т нефти в год, с возможностью увеличения до 50 млн т в год.

Комментируя это соглашение и оценивая его влияние на интересы Казахстана, Н. Назарбаев подчеркнул, что оно должно быть увязано с расширением мощности КТК — от 23 до 40 млн т ежегодно. По его мнению, «как раз эта добавка в 17 млн т (казахстанской нефти) могла бы пойти на “Бургас — Александруполис”» [5]. В целях увеличения мощности КТК Казахстан намерен построить десять новых перекачивающих станций, увеличить объемы существующих нефтеналивных резервуаров и соорудить третье выносное причальное устройство в районе Новороссийска.

Для того, однако, чтобы обеспечить расширение объемов прокачки казахстанской нефти через нефтепровод КТК, по мнению руководства российской компании «Транснефть», которой были переданы в управление все 24% принадлежащих России акций КТК, необходимо сначала совместно с казахстанскими партнерами, которым принадлежит 19% акций консорциума, решить ныне существующую проблему убыточности КТК. Только в 2006 г. он принес убытков на \$229 млн, которые надо прибавить к \$5 млрд убытков за предыдущие годы его эксплуатации, причем нынешние затраты на транспортировку 1 т казахстанской нефти по трубе КТК на \$70 выше по сравнению с нефтепроводом «Атырау — Самара» [6]. Для решения этой проблемы предлагается не только погасить накопившуюся задолженность КТК перед Россией, но и одновременно повысить тарифы на

прокачку нефти, против чего, однако, упорно возражают западные акционеры консорциума [7].

Другим направлением экспорта казахстанской нефти, в соответствии с официально заявляемым Астаной принципом многовекторности маршрутов экспорта, является доставка ее танкерами через акваторию Каспийского моря до Азербайджана, а далее — на мировой рынок через трубопровод «Баку — Тбилиси — Джейхан» (БТД), введенный в эксплуатацию в 2006 г. Следует подчеркнуть при этом, что без закачки в БТД нефти из Казахстана этот трубопровод с проектной пропускной мощностью в 50 млн т в год был бы просто нерентабелен, поскольку лишь азербайджанской нефти для заполнения нефтепровода недостаточно. В 2007 г. Казахстан намерен перевезти через Каспийское море около 7 млн т нефти, но уже в 2010 г. — более 13 млн т. В дальнейшем, в соответствии со взятыми обязательствами при присоединении к БТД, Казахстан намерен довести транспортировку танкерами нефти в Азербайджан до 25 млн т в год [8].

Тем не менее рост объемов транспортировки казахстанской нефти танкерами будет стремительно увеличивать шансы экологической катастрофы на Каспии. В не меньшей степени возможность масштабной экологической катастрофы возникла бы и в случае прокладки транскаспийских трубопроводов в сейсмически опасной зоне, в которой находится Каспий. Актуальность этой аргументации была, кстати, признана всеми пятью прибрежными каспийскими государствами, которые в ноябре 2003 г. заключили Конвенцию по охране окружающей среды на Каспийском море. О необходимости соблюдения разумного баланса между развитием производства нефти и газа и укреплением экосистемы Каспия говорилось и в выступлениях участников Второго Каспийского саммита, прошедшего в октябре 2007 г. в Тегеране, и в совместной декларации, принятой по его итогам [9].

С этим, однако, категорически не согласны Соединенные Штаты, оказывающие поддержку как политическую, так и финансовую планам строительства транскаспийских трубопроводов в соответствии с преследуемой ими стратегической целью диверсификации путей доставки каспийской нефти на европейский и мировой рынки в обход России. Одним из последних шагов, предпринятых госдепартаментом США в этом направлении, стало выделение гранта в размере \$1,7 млн на разработку технико-экономического обоснования двух проектов: нефтепровода по дну Каспийского моря для подключения нефти из Казахстана к трубопроводу «Баку — Тбилиси — Джейхан» и транскаспийского газопровода, по которому газ из Центральной Азии мог бы поступать в Европу, минуя Россию. Соглашение по этому вопросу было подписано между США и Азербайджаном в Баку в середине августа 2007 г. [10].

В России в целом с пониманием относятся к заинтересованности Казахстана в установлении многовекторности экспортных маршрутов энергоносителей и готовы к достаточно гибкому сотрудничеству с ним по этому вопросу, если, разумеется, такое сотрудничество отвечает и российским национальным интересам. Поэтому, наряду с принятием в последнее время конкретных мер по увеличению экспортных возможностей на западном направлении в результате строительства нефтепровода «Бургас — Александруполис» и параллельном увеличении мощности КТК, активно рассматриваются возможности сотрудничества с Казахстаном в эксплуатации недавно построенного им нефтепровода «Атасу — Алашанькоу», ориентированного на восточное направление. При сдаче его в эксплуатацию в

2005 г. мощность нефтепровода была определена в 10 млн т, а к 2011 г. она может быть расширена до 20 млн т.

Как представляется, эксплуатация этого нефтепровода, по которому нефть будет доставляться в Китай, отвечает интересам не только Казахстана, но и России, которая могла бы осуществлять экспорт нефти в Китай через этот трубопровод со своих западносибирских месторождений. О реальности этих планов свидетельствует достигнутая в конце ноября 2007 г. договоренность между Россией и Казахстаном о том, что, начиная с 2008 г., впервые будет осуществлен транзит российской нефти через территорию Казахстана в Китай в объеме до 5 млн т [11]. Реализация экспорта российской нефти в Китай по этой схеме может стать реальным вкладом в создание единой энергетической системы ШОС, отвечающей стратегическим интересам экономического развития участников этой организации.

Одной из серьезных проблем, связанных с экспортом углеводородов Казахстаном на мировой рынок, является то, что они продаются в основном в сыром виде. На правительственном уровне необходимость развития глубокой переработки нефти и газа и создания для этих целей нефтехимических производств обсуждается давно, однако, как признают в Казахстане, объем переработки углеводородного сырья по нефтехимическому циклу по-прежнему незначителен [12]. Более того, расчеты на то, что западные, в частности американские, инвесторы проявят содействие в решении этой проблемы, оказались несостоятельными. Делавшиеся ими обещания о строительстве крупного завода по производству сжиженного газа и развитии нефтехимических производств так и остались обещаниями.

В этих условиях весьма важным является укрепление сотрудничества между Россией и Казахстаном по созданию совместных нефтехимических предприятий. Одним из таких соглашений, достигнутых в 2007 г., явилось решение правительства Омской области и банка «ТуранАлем» (Казахстан) о создании совместного предприятия по производству этилбензола-стирола. В Атырауской области Казахстана намечается создание еще одного совместного нефтехимического комплекса по производству полиэтилена и полипропилена. Реализация продукции предприятий нефтехимии может быть не только осуществлена на рынках третьих стран, но в значительной степени в самих Казахстане и России. Соответственно, увеличение, причем существенное, масштабов российско-казахстанского сотрудничества в нефтепереработке и нефтехимии явно отвечает интересам обеих сторон и требует самого пристального к себе внимания официальных и деловых кругов обеих стран.

IV. Газ и газопроводы

Сотрудничество по природному газу является еще одним чрезвычайно важным направлением российско-казахстанского взаимодействия в энергетической сфере. При этом Казахстан выступает не только в качестве производителя и экспортера собственных ресурсов природного газа, но и как страна — транзитер газа из Туркменистана и Узбекистана. Разведанные запасы природного газа в Казахстане составляют около 2 трлн м³. Прогнозные ресурсы природного газа с учетом шельфа Каспийского моря оцениваются в 8,3 трлн м³. В последние годы добыча газа в Казахстане составляет порядка 12 млрд м³, внутреннее потребление —

около 5 м³ в год. В соответствии с программой развития газовой отрасли Казахстана к 2020 г. планируется наращивание добычи газа до 40 млрд м³ в год с возможным увеличением экспортных поставок.

Россия и Казахстан успешно сотрудничают на двусторонней основе по широкому кругу вопросов — от совместной добычи природного газа на территории Казахстана до последующей его реализации на внешних рынках. В рамках этого сотрудничества, осуществляемого между ОАО «Газпром» и хозяйствующими субъектами Казахстана, оказываются услуги по транзиту казахстанского газа через территорию Российской Федерации потребителям государств СНГ; осуществляется поставка российского природного газа потребителям Кустанайской области Казахстана; организуется транзит среднеазиатского газа по территории Казахстана в соответствии с заключенными долгосрочными соглашениями.

В развитие этого взаимодействия, как об этом было заявлено по итогам переговоров премьер-министров России и Казахстана, состоявшихся в Москве в июне 2007 г. [13], ОАО «Газпром» и казахстанская компания «КазМунайГаз» подписали ряд важных документов, которые лягут в основу долгосрочного сотрудничества в ряде крупных инвестиционных проектов. В частности, речь идет о соглашении о принципах партнерства на Оренбургском ГПЗ и о поставках газа с Карачаганакского месторождения в Казахстане. Важную роль в выполнении этого соглашения должно сыграть созданное еще в июне 2002 г. совместное предприятие «КазРосГаз», которое тоже является участником данного проекта с задачами закупки и маркетинга природного газа, переработки газа на ГПЗ России и других видов деятельности.

Создаваемое компаниями «Газпром» и «КазМунайГаз» предприятие на базе перерабатывающих мощностей Оренбургского ГПЗ будет оказывать услуги по переработке углеводородного сырья на условиях процессинга. Создание предприятия на базе Оренбургского ГПЗ и увеличение объемов переработки газа Карачаганакского ГКМ должны обеспечить полную загрузку всех действующих и вновь вводимых модернизированных мощностей ГРЗ на длительную перспективу. Максимальный объем переработки (30,6 млрд м³, в том числе 15 млрд м³ газа Карачаганакского ГКМ) планируется достигнуть в 2012 г.

Наряду с этими договоренностями, важным событием поистине стратегического характера стало соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода и развитии газотранспортных мощностей в Центральной Азии, которое было достигнуто в мае 2007 г. в ходе визита президента России В. Путина в Казахстан и Туркменистан. Согласно условиям трехстороннего соглашения, подписанного главами России, Казахстана и Туркменистана (к которому затем присоединился и Узбекистан), было принято решение начать строительство Прикаспийского газопровода во второй половине 2008 г. Уже на первом этапе его пропускная способность составит 10 млрд м³ газа, а в дальнейшем может быть увеличена до 30 млрд м³ в год. Одновременно Россия взяла на себя обязательство осуществить модернизацию и расширение до 12 млрд м³ газопровода «Средняя Азия — Центр».

Важнейшим итогом этого соглашения должны стать обеспечение надежного маршрута доставки центральноазиатских газовых ресурсов на европейский и мировой рынки и развитие газотранспортных мощностей в самой Центральной Азии, что, как представляется, отвечает коренным интересам участников созданного

консорциума. Кроме того, закладываются основы создания единой энергосистемы между Россией, Казахстаном и Туркменистаном. Комментируя подписание соглашения по Прикаспийскому газопроводу, казахстанские эксперты обращали внимание также на то, что этот трубопровод пройдет по территории Казахстана, Туркменистана и России, что само по себе привлекательно, ибо газопровод столкнется с минимальными рисками как политического, организационного, так и технического характера, ибо контролировать его состояние намного легче, чем под водой. К тому же «в конфигурации Прикаспийского газопровода нет страны (в случае с Транскаспийским проектом — Грузии), которая бы не являлась страной — производителем энергоресурсов. Выгоды Грузии от трубопровода могут лежать не только в плоскости экономической выгоды, но и в плоскости политической конъюнктуры. Данное обстоятельство, принимая во внимание сильную зависимость Грузии от американской внешнеполитической доктрины, нельзя назвать стабилизирующим фактором. Отсюда вытекает, что страны бывшего Союза — Казахстан, Россия и Туркменистан — могут эффективнее, а главное с выгодой для себя выстроить стратегию продаж углеводородов, чем конгломерат стран, которые могут оказаться в зоне Транскаспийского проекта» [14].

С началом реализации соглашения по строительству Прикаспийского газопровода, по всей видимости, еще более неясными становятся перспективы прокладки в обход России транскаспийского газопровода «Набукко», создание которого активно лоббируется США и Евросоюзом. Такой газопровод замыслился как важное звено международной трубопроводной системы, частью которой является уже начавший функционировать в июле 2007 г. газопровод «Баку — Тбилиси — Эрзрум (Турция)». Предполагалось, что в результате осуществления этих планов газ из Центральной Азии (в первую очередь из Туркменистана, а также из Казахстана и, возможно, из Узбекистана) мог бы начать поступать, минуя Россию, через газопроводную систему Турции в Европу уже в 2012 г.

Однако после заключения соглашения о Прикаспийском газопроводу, а также в связи с последовавшим за этим подписанием в июле 2007 г. 30-летнего контракта между Туркменистаном и Китаем на ежегодные поставки последнему 30 млрд м³ газа, начиная с 2009 г., с последующим увеличением таких поставок до 60 млрд м³, возникли серьезные сомнения в достаточности ресурсной базы Туркменистана (как крупнейшего производителя газа в Центральной Азии) для обеспечения, наряду с уже взятыми обязательствами, еще и потребностей газопровода «Набукко». Иными словами, хотя возможность строительства этого транскаспийского газопровода сохраняется, однако ее реализация явно откладывается, поскольку потребуются дополнительное изучение наличия необходимых для этого газовых ресурсов, главным образом, в Туркменистане. К тому же прокладка транскаспийского трубопровода связана с правовым статусом Каспийского моря и потребует согласия всех прикаспийских государств, включая Россию и Иран, на его строительство.

V. Атомная энергетика

Взаимодействие в атомной энергетике является еще одним весьма важным и достаточно перспективным направлением сотрудничества Казахстана и России. Казахстан занимает второе место в мире по разведанным запасам урана (порядка

около 5 м³ в год. В соответствии с программой развития газовой отрасли Казахстана к 2020 г. планируется наращивание добычи газа до 40 млрд м³ в год с возможным увеличением экспортных поставок.

Россия и Казахстан успешно сотрудничают на двусторонней основе по широкому кругу вопросов — от совместной добычи природного газа на территории Казахстана до последующей его реализации на внешних рынках. В рамках этого сотрудничества, осуществляемого между ОАО «Газпром» и хозяйствующими субъектами Казахстана, оказываются услуги по транзиту казахстанского газа через территорию Российской Федерации потребителям государств СНГ; осуществляется поставка российского природного газа потребителям Кустанайской области Казахстана; организуется транзит среднеазиатского газа по территории Казахстана в соответствии с заключенными долгосрочными соглашениями.

В развитие этого взаимодействия, как об этом было заявлено по итогам переговоров премьер-министров России и Казахстана, состоявшихся в Москве в июне 2007 г. [13], ОАО «Газпром» и казахстанская компания «КазМунайГаз» подписали ряд важных документов, которые лягут в основу долгосрочного сотрудничества в ряде крупных инвестиционных проектов. В частности, речь идет о соглашении о принципах партнерства на Оренбургском ГПЗ и о поставках газа с Карачаганакского месторождения в Казахстане. Важную роль в выполнении этого соглашения должно сыграть созданное еще в июне 2002 г. совместное предприятие «КазРосГаз», которое тоже является участником данного проекта с задачами закупки и маркетинга природного газа, переработки газа на ГПЗ России и других видов деятельности.

Создаваемое компаниями «Газпром» и «КазМунайГаз» предприятие на базе перерабатывающих мощностей Оренбургского ГПЗ будет оказывать услуги по переработке углеводородного сырья на условиях процессинга. Создание предприятия на базе Оренбургского ГПЗ и увеличение объемов переработки газа Карачаганакского ГКМ должны обеспечить полную загрузку всех действующих и вновь вводимых модернизированных мощностей ГРЗ на длительную перспективу. Максимальный объем переработки (30,6 млрд м³, в том числе 15 млрд м³ газа Карачаганакского ГКМ) планируется достигнуть в 2012 г.

Наряду с этими договоренностями, важным событием поистине стратегического характера стало соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода и развитии газотранспортных мощностей в Центральной Азии, которое было достигнуто в мае 2007 г. в ходе визита президента России В. Путина в Казахстан и Туркменистан. Согласно условиям трехстороннего соглашения, подписанного главами России, Казахстана и Туркменистана (к которому затем присоединился и Узбекистан), было принято решение начать строительство Прикаспийского газопровода во второй половине 2008 г. Уже на первом этапе его пропускная способность составит 10 млрд м³ газа, а в дальнейшем может быть увеличена до 30 млрд м³ в год. Одновременно Россия взяла на себя обязательство осуществить модернизацию и расширение до 12 млрд м³ газопровода «Средняя Азия — Центр».

Важнейшим итогом этого соглашения должны стать обеспечение надежного маршрута доставки центральноазиатских газовых ресурсов на европейский и мировой рынки и развитие газотранспортных мощностей в самой Центральной Азии, что, как представляется, отвечает коренным интересам участников созданного

консорциума. Кроме того, закладываются основы создания единой энергосистемы между Россией, Казахстаном и Туркменистаном. Комментируя подписание соглашения по Прикаспийскому газопроводу, казахстанские эксперты обращали внимание также на то, что этот трубопровод пройдет по территории Казахстана, Туркменистана и России, что само по себе привлекательно, ибо газопровод столкнется с минимальными рисками как политического, организационного, так и технического характера, ибо контролировать его состояние намного легче, чем под водой. К тому же «в конфигурации Прикаспийского газопровода нет страны (в случае с Транскаспийским проектом — Грузии), которая бы не являлась страной — производителем энергоресурсов. Выгоды Грузии от трубопровода могут лежать не только в плоскости экономической выгоды, но и в плоскости политической конъюнктуры. Данное обстоятельство, принимая во внимание сильную зависимость Грузии от американской внешнеполитической доктрины, нельзя назвать стабилизирующим фактором. Отсюда вытекает, что страны бывшего Союза — Казахстан, Россия и Туркменистан — могут эффективнее, а главное с выгодой для себя выстроить стратегию продаж углеводородов, чем конгломерат стран, которые могут оказаться в зоне Транскаспийского проекта» [14].

С началом реализации соглашения по строительству Прикаспийского газопровода, по всей видимости, еще более неясными становятся перспективы прокладки в обход России транскаспийского газопровода «Набукко», создание которого активно лоббируется США и Евросоюзом. Такой газопровод замышлялся как важное звено международной трубопроводной системы, частью которой является уже начавший функционировать в июле 2007 г. газопровод «Баку — Тбилиси — Эрзрум (Турция)». Предполагалось, что в результате осуществления этих планов газ из Центральной Азии (в первую очередь из Туркменистана, а также из Казахстана и, возможно, из Узбекистана) мог бы начать поступать, минуя Россию, через газопроводную систему Турции в Европу уже в 2012 г.

Однако после заключения соглашения о Прикаспийском газопровode, а также в связи с последовавшим за этим подписанием в июле 2007 г. 30-летнего контракта между Туркменистаном и Китаем на ежегодные поставки последнему 30 млрд м³ газа, начиная с 2009 г., с последующим увеличением таких поставок до 60 млрд м³, возникли серьезные сомнения в достаточности ресурсной базы Туркменистана (как крупнейшего производителя газа в Центральной Азии) для обеспечения, наряду с уже взятыми обязательствами, еще и потребностей газопровода «Набукко». Иными словами, хотя возможность строительства этого транскаспийского газопровода сохраняется, однако ее реализация явно откладывается, поскольку потребуются дополнительное изучение наличия необходимых для этого газовых ресурсов, главным образом, в Туркменистане. К тому же прокладка транскаспийского трубопровода связана с правовым статусом Каспийского моря и потребует согласия всех прикаспийских государств, включая Россию и Иран, на его строительство.

V. Атомная энергетика

Взаимодействие в атомной энергетике является еще одним весьма важным и достаточно перспективным направлением сотрудничества Казахстана и России. Казахстан занимает второе место в мире по разведанным запасам урана (порядка

600 тыс. т). Что же касается прогнозных запасов, то, по имеющимся оценкам, на его долю приходится около 25% мировых запасов урана. По добыче урановой руды Казахстан занимает в настоящее время третье место в мире (в 2005 г. — около 4,5 тыс. т в пересчете на металл), а к 2010 г. планирует увеличить производство урана до 15 тыс. т и инвестировать в отрасль более \$600 млн. Россия, на территории которой также разведаны одни из крупнейших в мире запасов урана, занимает первое место в мире по конверсии в сфере обогащения урана. Интеграция двух стран в атомной энергетике позволила бы не только успешно решать текущие и перспективные задачи обеспечения национальных потребностей в атомной энергии, но и усилить позиции обоих государств на мировом рынке.

В конце 2006 г. Федеральное агентство по атомной энергии России подписало со своими партнерами из Казахстана ряд документов, направленных на дальнейшее углубление сотрудничества, включая совместный доклад «О комплексной программе казахстанско-российского сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях», адресованный президентам России и Казахстана. В течение того же года Россия и Казахстан создали три крупных совместных предприятия в атомной сфере. В их числе совместный проект по добыче урана на месторождении «Заречное» в Отрарском районе Южно-Казахстанской области. Доля в нем ЗАО «Казатомпром» (Казахстан) составляет 45%; удельный вес российских компаний: ТВЭЛ — 20%, Техснабэкспорт — 15%, Атомредметзолото — 10%. Остальные 10% принадлежат АО «Кара-Балтийский горно-рудный комбинат» (КГРК) (Кыргызстан). В соответствии с контрактом, заключенным летом 2006 г. на сумму более \$1 млрд, данное предприятие будет поставлять уран в Россию до 2022 г. [15]. Другое совместное российско-казахстанское предприятие по добыче урана будет разрабатывать на территории Казахстана месторождение «Буденовское». Предполагается, что ежегодный объем добычи урана составит здесь порядка 4 тыс. т. Наконец, была создана также совместная казахстанско-российская компания «Атомные станции», которая должна заниматься разработкой проектной и технической документации атомных электробоков, поставками оборудования и выполнением строительно-монтажных и пусконаладочных работ на площадках сооружения атомных электростанций (АЭС) малой и средней мощности. Предполагается, в частности, построить при российском научно-техническом содействии АЭС в г. Актау (Казахстан), с установкой на ней реактора третьего поколения ВБРР-300.

По мнению президента России В. Путина, высказанному им по итогам переговоров с Н. Назарбаевым в марте 2007 г. в Москве, российско-казахстанское «сотрудничество в атомной энергетике выходит на качественно новые рубежи». Свидетельством этому явилось согласие обеих сторон на участие в совместном освоении урановых месторождений Казахстана, а также в совместном обогащении и производстве ядерного топлива [16]. Целью такого партнерства в области ядерного топливного цикла должно стать обеспечение лидирующего положения России и Казахстана на мировом рынке ядерного топлива.

В развитие этих решений на российско-казахстанском саммите в Астане в мае 2007 г. было отмечено, что обеими сторонами последовательно реализуются ранее достигнутые договоренности по вопросам сотрудничества в области мирного использования атомной энергии. Президент России В. Путин отметил при этом важность подписанного на саммите соглашения между правительствами России

и Казахстана об учреждении совместного ядерного центра в г. Ангарске по обогащению урана. Этот центр будет создан на производственной базе Ангарского электролизного химического комбината и должен начать функционировать в 2013 г. «Считаем, что это первый документ в реализации нашей инициативы создания глобальной инфраструктуры атомной энергетики, — подчеркнул В. Путин, — это вопрос важный — очень перспективное направление экономики; уверен, что оно пойдет на пользу экономике и Казахстана, и России» [17].

В августе 2007 г. Банк развития РФ и Банк развития Казахстана заключили соглашение о сотрудничестве по оказанию содействия комплексному развитию атомной промышленности и энергетики двух стран посредством участия в финансировании проектов, связанных с производством наукоемких и высокотехнологичных производств радиоизотопов, радиофармпрепаратов, других продуктов атомной промышленности на базе предприятий России и Казахстана. Банки будут участвовать в финансировании проектов по созданию альтернативных источников энергии, в том числе атомных электростанций малой мощности, реализация которых в первую очередь возможна на базе имеющихся мощностей в г. Курчатове Восточно-Казахстанской области [18].

Непосредственно вопросами реализации достигнутых договоренностей и активизации новых форм и методов сотрудничества с Казахстаном в атомной энергетике с российской стороны будет заниматься созданный в июле 2007 г. Атомэнергопром, объединяющий всю технологическую цепочку — от добычи и обогащения урана, производства топлива до строительства АЭС, эксплуатации и вывода их из работы. Серьезную конкуренцию ему на казахстанском рынке может составить, однако, американская компания «Вестингауз», о покупке 10% которой власти Казахстана ведут переговоры. Целью этой сделки должно стать приобретение у американцев альтернативных технологий, используя которые, судя по сообщениям, поступившим в печать, Казахстан намерен к 2014 г. полностью прекратить поставки на внешний рынок природного урана, заменив его экспортом готового продукта с высокой добавленной стоимостью — тепловыделяющих сборок, собранных по западным стандартам [19].

VI. Транспорт

Транспорт относится к числу тех отраслей экономики, где сотрудничество между Россией и Казахстаном развивается достаточно активно. Являясь одним из приоритетных направлений экономического взаимодействия наших стран, сотрудничество в сфере транспортных перевозок требует согласованной политики по вовлечению новых инвестиций в развитие транспортных коммуникаций, формированию и развитию транспортных коридоров, созданию совместных предприятий для обслуживания конкретных маршрутов по перевозке пассажиров и грузов, разработке нормативно-правовых актов, регулирующих мультимодальные перевозки грузов и общие принципы формирования и применения транспортных тарифов по отдельным видам транспорта, а также регламентирующих безопасность на транспорте, сохранность перевозимых грузов и защиту окружающей среды.

Одним из примеров такого сотрудничества стала ратификация Президентом Казахстана в мае 2007 г. российско-казахстанского соглашения, подписанного

в августе 2006 г. в Сочи, о порядке уплаты провозных пошлин и оформления перевозок грузов по участкам железных дорог Казахстана, расположенным на территории России, и по участкам железных дорог России, расположенным на территории Казахстана [20]. Целью этого соглашения является упрощение порядка уплаты провозных платежей и оформления грузов по тем участкам железных дорог России и Казахстана, которые расположены на территории сопредельных государств.

Важным событием в российско-казахстанском сотрудничестве по транспортным вопросам стало соглашение, достигнутое между АО «Казына» (Казахстан) и Банком развития России, о совместном участии в создании транзитного коридора «Западная Европа — Западный Китай». В июне 2007 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме они подписали протокол о намерении учредить в ближайшее время равными долями совместный фонд с общей капитализацией \$1 млрд.

Средства этого фонда будут направлены на финансирование проектов, которые в целом будут способствовать интеграции экономик России и Казахстана. Одним из таких крупных проектов станет создание транспортно-логистической сети по транзитному коридору «Западная Европа — Западный Китай», в рамках которого планируется построить 14 логистических центров на территории России и 6 центров — на территории Казахстана [21]. Трасса будущего коридора длиной более 5 тыс. км свяжет западные районы Китая, Казахстан и Россию, пройдя по территории нашей страны через транспортные узлы на Урале, в Москве и Санкт-Петербурге, и завершится на территории Финляндии.

Создание высокоэффективной сети транспортно-логистических центров станет важным направлением реализации транспортной стратегии России и Казахстана, направленной на развитие международных транзитных операций и вовлечение в проект грузоотправителей Китая, стран Восточной Азии и Европы. В частности, по оценкам министерства транспорта и коммуникаций Казахстана, к 2015 г. планируется увеличить объем транзита грузов и пассажиров через Казахстан в 3,4 раза, а доходы от транзита в 3 раза [22]. По свидетельству министра транспорта России И. Левитина, достигнута договоренность между странами, по которым пройдет этот транспортный коридор, о введении единой сквозной тарифной ставки, что должно сделать транзит грузов по новому маршруту более привлекательным по сравнению с морскими перевозками. О дальнейших возможностях развития высоко прибыльных транзитных операций свидетельствует то, что ежегодный товарооборот между Европой и Азией составляет порядка \$700 млрд, а доходы от транзита по этому направлению могут достигать \$40—50 млрд в год.

Важную роль в укреплении транспортного сотрудничества России с Казахстаном (а также с другими центральноазиатскими республиками) может сыграть строительство второй линии Волго-Донского канала. В ходе навигации 2006 г. через шлюзы, находящиеся под управлением Волго-Донского государственного бассейнового управления водных путей и судоходства, было перевалено 13,4 млн т грузов. По оценкам министерства транспорта России, в результате строительства еще одной линии шлюзов, а именно эти гидротехнические сооружения определяют пропускную способность канала в целом, можно было бы увеличить ее до 30—35 млн т в год. В случае реализации этих планов, по мнению президента России В. Путина, качественно изменится геополитическое положение прикас-

пийских государств, дав им выход в Черное и Средиземное моря и далее в Мировой океан. «А для России, — добавил В. Путин, — это может стать еще одним крупнейшим экономически выгодным инфраструктурным проектом» [23].

Перспективы расширения пропускной способности Волго-Донского канала стали предметом обсуждения на встречах в марте 2007 г. президентов В. Путина и Н. Назарбаева, а в апреле 2007 г. — министров транспорта двух стран И. Левитина и С. Ахметова. По свидетельству вице-министра транспорта и коммуникаций Казахстана А. Бектурова, заинтересованность в этом проекте со стороны Казахстана может возрасти в связи с ожидаемым значительным увеличением экспорта нефти из Кашагана, крупнейшего казахстанского месторождения на Северном Каспии [24].

Изучая возможности расширения действующего Волго-Донского канала, казахстанская сторона рассматривает также альтернативные варианты транспортного сотрудничества с Россией.

В ходе XI Петербургского экономического форума (июнь 2007 г.) Казахстан выступил с предложением соединить Каспийское и Черное моря новым транспортным каналом «Евразия» с тем, чтобы в том числе резко сократить по времени и удешевить доставку среднеазиатских энергоресурсов на мировой рынок. Строительство канала, который предлагается проложить по маршруту «Каспий — реки Кума, Восточный Маныч, Западный Маныч — Азовское море», оценивается в \$6 млрд. Его пропускная способность могла бы втрое превысить вторую линию Волго-Донского канала, а время прохождения грузов между Европой и Азией при этом сократилось бы с 1,5—2 месяцев до 10 дней [25].

Это предложение могло бы заинтересовать Россию, по территории которой предлагается проложить канал «Евразия», ибо, во-первых, существенно осложнило бы реализацию поддерживаемой Западом политики доставки среднеазиатских энергоресурсов в Европу в обход России и, во-вторых, гарантировало бы ей постоянный источник таможенных и транзитных платежей. Однако главным препятствием к строительству этого канала могут стать экологические проблемы, побудившие отказаться от реализации проекта канала еще в советское время. Поэтому расширение пропускной способности именно Волго-Донского канала является, видимо, оптимальным вариантом.

Впрочем, в целях максимально объективной оценки предлагаемых проектов в начале августа 2007 г. в Москве состоялось заседание совета Евразийского банка развития (ЕАБР), в работе которого приняли участие министр промышленности и энергетики РФ В. Христенко (председатель совета) и министр индустрии и торговли Казахстана Г. Оразбаков. Совет одобрил выделение банком средств на проведение сравнительной оценки технико-экономических характеристик проектов строительства нового судоходного канала между Каспийским морем и Азово-Черноморским бассейном.

VII. Заключение

Анализируя современное состояние двустороннего торгово-экономического сотрудничества между Россией и Казахстаном, необходимо подчеркнуть, что оно развивается на протяжении всего постсоветского периода в позитивном ключе, поступательно и без каких-либо серьезных осложнений. Это подтверж-

дает и вышеприведенный анализ основных событий в торгово-экономических связях России и Казахстана в последнее время, причем отношения между ними в хозяйственной сфере не только продолжали в целом развиваться уверенно и стабильно, но и, несмотря на возникавшие отдельные спорные вопросы, имели явную тенденцию к расширению и укреплению. Не смогла помешать развитию позитивного и поступательного характера российско-казахстанских отношений и заметно обострившаяся конкуренция в Казахстане со стороны третьих стран.

Хотя основные направления российско-казахстанского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества сложились уже на предыдущих этапах, в последние годы не только получили дальнейшее развитие их количественные характеристики (рост размеров взаимного товарооборота, создание новых совместных предприятий, рост размеров взаимных инвестиций и т.д.), но и происходило качественное совершенствование взаимных хозяйственных связей. Последняя тенденция характеризовалась, в частности, усилением интеграционной ориентированности между экономиками России и Казахстана, в том числе под влиянием укрепления межрегиональных и приграничных торгово-экономических связей, а также в связи с переходом на новый качественный уровень сотрудничества в атомной сфере и благодаря углублению сотрудничества по транспорту. Несомненно, особое место в развитии этих позитивных тенденций и появлении новых качественных сдвигов сыграло заметное укрепление межгосударственных отношений в нефтегазовой сфере, как на двусторонней основе, так и в рамках многостороннего сотрудничества в Центральной Азии.

Укрепление российско-казахстанского сотрудничества оказывает весьма благоприятное влияние на общее состояние региональных хозяйственных связей в Центральной Азии, позитивно воздействуя на их содержание и динамику развития. Усиление и совершенствование взаимодействия России и Казахстана на двусторонней основе по торгово-экономическим и инвестиционным вопросам служат также важным импульсом к активизации экономического сотрудничества в рамках ЕврАзЭС и ШОС, и в первую очередь в сферах энергетики и транспорта. Этим общим целям служат как межгосударственные соглашения, создающие нормативно-правовую основу не только двустороннего, но и (за счет присоединения к ним других стран) более широкого межгосударственного сотрудничества, так и совместные компании и объединения, в создании которых Россия и Казахстан играют ключевую роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kazakhstan Today. — Astana, 2007, 10 мая.
2. <http://www.kremlin.ru>. — 2007, 25 октября.
3. <http://www.regnum.ru>. — 2007, 17 мая.
4. <http://www.rian.ru>. — 2007, 8 июня.
5. Kazakhstan Today. — Astana, 2007, 10 мая.
6. Время новостей. — М., 2007, 11 мая.
7. Коммерсантъ. — М., 2007, 27 февраля.
8. <http://www.gazeta.kz>. — 2007, 5 марта.
9. <http://www.kremlin.ru>. — 2007; <http://www.mfa.kz>.
10. Коммерсантъ. — М., 2007, 21 августа.
11. Независимая газета. — 2007, 27 ноября.
12. <http://www.gazeta.kz>. — 2007, 20 марта.

13. <http://www.gazetasng.ru>. — 2007, 5 июня.
14. <http://www.gazeta.kz>. — 2007, 14 мая.
15. Куртов А. Мировые запасы урана и урановый компонент в сотрудничестве России и Казахстана // Аналитические записки. — М., 2007, июнь. — С. 128.
16. <http://www.president.kremlin.ru>. — 2007, 20 марта.
17. Kazakhstan Today. — Astana, 2007, 10 мая.
18. Там же. 2007, 16 августа.
19. Независимая газета. — 2007, 10 июля.
20. Kazakhstan Today. — Astana, 2007, 8 мая.
21. Там же. 2007, 14 июня.
22. Там же. 2007, 2 мая.
23. Время новостей. — М., 2007, 27 апреля. — №75.
24. Казахстанская правда. — 2007, 4 мая.
25. Независимая газета. — 2007, 14 июня.

Рецензия

Токаев К.К. Свет и тень. — Астана, 2007. — 576 с.

ЛАУМУЛИН М.Т.

К-Ж. Токаевым — известным казахстанским дипломатом и политическим деятелем, человеком, долгие годы возглавлявшим внешнеполитическое ведомство Казахстана, написана новая книга, о которой в настоящее время много говорят в Казахстане. И дело не только в личности автора. Это бывший министр иностранных дел, бывший Премьер-министр РК, а ныне — спикер Сената Парламента Республики Казахстан Касым-Жомарт Кемелевич Токаев. Его последняя книга носит название «Свет и тень». Касым-Жомарт Кемелевич выступает как автор этой книги, прежде всего, в качестве дипломата и использует свой колоссальный опыт, накопленный во время работы в МИД СССР и РК.

Данное издание является логическим и тематическим продолжением предыдущей книги К. Токаева «Преодоление». Как и предыдущая работа, «Свет и тень» построена как мемуарное издание. И, тем не менее, это самостоятельное издание, построенное на несколько иных принципах. Книга «Свет и тень» — повествование об истории становления и развития суверенного Казахстана. В качестве министра иностранных дел автор участвовал во многих переговорах Президента страны с главами зарубежных государств, о чем он и попытался рассказать в книге. Это было сложное время, сопровождаемое бур-

ными перипетиями в международной ситуации. Таким образом, произведение посвящено истории становления, развития и укрепления внешнеполитического курса страны. В своей книге автор рассказывает о многих ранее неизвестных фактах. Прежде всего, этим и интересна данная работа. В ней использованы уникальные мемуарные материалы и рабочие записи, которые автор накопил за годы работы в Министерстве иностранных дел страны. К сожалению, многие материалы не попали в книгу скорее не из-за ограничения по объему, а потому, что некоторые из них еще рано публиковать. То есть они несут печать грифа «секретно». Наверное, это были бы самые любопытные страницы книги.

В этой связи хочется вернуться к личности автора. К. Токаев в начале 1990-х гг. запомнился нам, молодым дипломатам — сотрудникам вновь образованного Министерства иностранных дел уже независимого Казахстана, мягким и интеллигентным человеком. Тогда он занимал должность заместителя министра. Уже через пару лет он сам возглавил МИД РК. Токаев выгодно выделялся среди других «московских казахов». Так мы называли тех дипломатов, выходцев из МИД СССР (и некоторых других союзных специфических структур). Как правило, они уезжали учиться в Москву сразу из дома, Алма-Ату прак-

тически не знали и были здесь чужие. К. Токаев был коренным и настоящим алмаатинцем во всех смыслах — по внешности, воспитанию и по духу. К тому же он вырос в писательской семье. По-видимому, его литературный талант имеет в том числе и наследственные корни. В общем, он завоевал симпатии всех сотрудников своей природной вежливостью и истинной интеллигентностью (хотя и мог устроить разнос не хуже любого другого зама «с погонами»). Но вернемся к книге.

Концептуально она построена вокруг пяти основных сюжетов, выделенных в отдельные главы. Но внутри каждая глава распадается на множество подсюжетов, ярких набросков-воспоминаний, которые как золотые россыпи разбросаны по всей книге. Это сюжеты, например, о том, как Джордж Буш-старший колесил по Китаю на велосипеде, почему Цзян Цзэминь заинтересовался Чечней и зачем Билл Клинтон пудрил лицо. Можно предположить, что именно благодаря таким ярким фрагментам эта книга приобретает свою неповторимую ценность. Напомним, что автор — очевидец и свидетель событий, которые он описывает. Первая глава посвящена инаугурации Президента Назарбаева в 2005 г. Но это только повод для автора, чтобы рассказать о сложных перипетиях внешней политики Казахстана. Неподдельный интерес вызывает вторая глава, посвященная трем крупным политикам современности — бывшему генсеку ООН Кофи Аннуну, Цзян Цзэминю и Борису Ельцину. Нас по вполне понятным причинам интересуют китайский лидер и первый российский президент, оказавшие столь большое влияние на недавнюю историю Казахстана.

Цзян Цзэминь предстает на страницах книги как мудрый и иронично-тонкий человек. Чего стоит его фраза, которую запомнил и сохранил для

потомков автор книги, фраза о том, что «тот ничего не нашел у Маркса и Ленина по вопросу о чеченцах». Любопытно, что Цзян Цзэминь оценил знание китайского литературного языка Токаевым лучше, чем свое (китайский лидер говорит с шанхайским акцентом).

Борис Николаевич запомнился Токаеву как противоречивая личность, но иначе и быть не могло. Токаев называет Ельцина «мятежным и харизматичным», и лучшей характеристики трудно найти. Все, о чем рассказывает Токаев в воспоминаниях о Ельцине, вполне коррелируется со сложившимися у нас представлениями о Борисе Николаевиче как о непредсказуемом и неординарном человеке. Во второй части главы Ельцин предстает в воспоминаниях Токаева уставшим и грустным человеком. Это был уже другой Ельцин. На страницах книги мелькает также злой гений российского президента — Березовский. Казахский дипломат резюмирует в отношении Ельцина: тот был русским патриотом и одновременно интернационалистом, и за это качество достоин уважения.

Итак, как мы видим, в книге содержатся интереснейшие наблюдения о встречах, переговорах и контактах на высшем уровне. Здесь использованы уникальные материалы и сведения, не публиковавшиеся ранее и приоткрывающие завесу тайны над многими нюансами важных процессов и событий. На страницах книги фигурируют десятки исторических персонажей и действующих политиков, которым автор дает емкие и точные характеристики. Уже поэтому следует прочесть эту книгу, написанную живым и сочным языком, но при этом языком дипломата.

Напомним, книга «Свет и тень» — шестое по счету издание К. Токаева, и надеемся, что далеко не последнее.

И далее — почему у книги такое название? Вот как объясняет это сам

автор. Вся наша жизнь, по сути, — это свет и тень. Неизменными ее спутниками стали правда и кривда, ибо с хорошим всегда соседствует плохое. Так и для дипломатической деятельности

характерны компромиссы, которые, по существу, сочетают давление и уступки, демарши и переговоры. Поэтому книга и получила такое, несколько неожиданное, название.

Русский мир в Центральной Азии: Сб. ст. и мат. Вып. 1-Б.: ОФ Александра Князева, Центральноазиатский институт русской диаспоры, 2007. — 82 с.

КАРСАКОВ И.Б.

Общественный фонд Александра Князева, Центральноазиатский институт русской диаспоры опубликовали сборник «Русский мир в Центральной Азии», который является первым выпуском целой серии изданий в рамках проекта «Россия и русские в Центральной Азии».

В сборник включены материалы о положении русских в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане после распада Союза в условиях строительства новых национальных государств в Центральной Азии. Особняком стоят статьи о проблемах этносоциальных отношений в Восточном Казахстане в 1990-е гг. и роли русского языка в сфере высшего образования Республики Казахстан.

Так, узбекский политолог Е. Абдуллаев вводит в оборот термин «белых рабов», под которым в Узбекистане еще в советское время воспринимали людей, занятых в промышленном производстве или физическим трудом. В глазах автохтонного населения рабочие или представители других профессий — сантехники, уборщицы и т.д., даже имея более высокий доход, чем дехкане, все же занимали в представлении об «уважаемости» работы более низкую

степень. Это было связано с тем, что физический труд, не связанный с сельским хозяйством и владением землей в доиндустриальную эпоху, был уделом рабов и эти представления сохранялись у коренного населения в советское время, хотя колхозники подвергались даже более кабальной эксплуатации, чем рабочие на промышленном предприятии.

Таким образом, вопрос о престижности или непрестижности профессии был дополнительным стимулом для повышения своего статуса нетитульным населением через получение высшего образования. Соответственно, русские в Узбекистане имели более высокий образовательный уровень, ориентировались на «западные» стандарты и ценности, демонстрировали значительно больший индивидуализм, настрой на социальную конкуренцию и критицизм, чем большинство автохтонного населения (С. 19).

Следовательно, русские пережили два «слома» идентичности в Узбекистане, что затрудняет анализ русского в категориях единого «этноса» или «субэтноса». До установления Советской власти в Туркестане идентификационными критериями русских были:

православие, компактное проживание в «европейских» кварталах старых городов или новых поселений, совершенно отличные от принятых у местного населения одежда, быт, нормы поведения и т.д. При этом язык не играл той важной идентифицирующей роли, которую он станет играть позже. Среди самих русских отсутствовала единая языковая норма. Представители высшего класса изъяснялись по-французски, а сельские переселенцы говорили на разных говорах и диалектах.

Первый «слом» идентичности произошел при Советской власти, которая провела национально-государственное размежевание народов Средней Азии и Казахстана и начала национально-государственное строительство национальных республик. В результате на первый план выдвинулись такие признаки идентификации русских, как лояльность КПСС и коммунистической идеологии и владение русским языком и невладение узбекским. В результате многие украинцы, белорусы, еврей-ашкенази, потомки от межнациональных браков стали русскими.

Узбеки, таджики, каракалпаки, хотя и подверглись частичной «русификации», давая своим детям русские имена, все же предпочитали пользоваться «преимуществами» коренной национальности. При этом тюрко-персидское двуязычие в городах Мавераннахра не было маркером идентичности для автохтонного населения, нередко принадлежность к той или иной национальности определяли родители или среда проживания — например, махалы.

Последний «слом» русской идентичности в Узбекистане произошел в начале 1990-х гг. Лояльность партии, государству, коммунистической идеологии канула в лету, а евреи, украинцы, белорусы и метисы перестали принимать «русскую» национальность. Из-за

массового выезда и сокращения ареала проживания русские все больше становятся классическим национальным меньшинством в Узбекистане, хотя узбекские власти не рассматривают русских национальным меньшинством.

Совершенно другая ситуация складывается вокруг российской диаспоры в Таджикистане, которую описывает заместитель директора Института истории, археологии и этнографии Академии наук РТ доктор исторических наук В.В. Дубовицкий. Исторически сложилось так, что в этой среднеазиатской республике проживало наименьшее количество русских, как в советский, так и досоветский период. В отличие от Узбекистана или Кыргызстана, а тем более Казахстана, в Таджикистане фактически не было крестьянства русского происхождения. До Октябрьской революции русские в основном были представлены в промышленности, связанной с разработкой угольных месторождений и железных руд, а также служащими Среднеазиатской и Закаспийской железных дорог. В досоветский период на территории современного Таджикистана проживало 2,86% православных, а с учетом российских магометан — татар, башкир, марийцев — 3,7%, что было значительно ниже общетуркестанского показателя православных (С. 56).

В советское время, несмотря на приток российских этносов в Таджикистан, связанный с развитием промышленности, здравоохранения и социальной сферы, численность русских в 1979 г. составила 10,4%, а в 1989 г. — 3,7% населения республики. При этом автор объединяет русских, татар, башкир в единый российский этнос, чего не делают исследователи Кыргызстана, Узбекистана и Казахстана. Это объясняется малочисленностью «русскоязычных» в Таджикистане, выезд которых из республики начался в 1988—1991 гг.,

а массовый исход пришелся на годы гражданской войны.

Несмотря на образование различных организаций (Русская община Таджикистана, Союз славянских организаций, Совет российских соотечественников в Таджикистане и др.), 90% репатриантов выбрало «самовыезд», не получив поддержку ни со стороны России, ни со стороны национально-культурных организаций, имеющих тесные связи с посольством РФ в Таджикистане.

Соответственно, автор приходит к выводу, что русские в Таджикистане от своего присутствия в республике оставят лишь след в исторической памяти. Максимум, что может обеспечить российская диаспора, так это включенность Таджикистана в российское гуманитарное пространство.

Принципиально другая картина складывается в соседнем Кыргызстане, где доля русских, хотя и сократилась, но не так стремительно и значительно, как в Узбекистане и Таджикистане. Автор отмечает, что по последней советской переписи населения в Кыргызстане в 1989 г. численность русских составляла 21,5%, в Таджикистане — 7,8%, в Туркменистане — 9,5% и в Узбекистане — 8,4%. Через десять лет, в 1999 г., численность русских в Кыргызстане сократилась до 12,5%. При этом кыргызский эксперт считает, что за периодом массовой миграции, в 1998 г., наступает фаза стабилизации и начинается «обратный процесс», когда русские мигранты, не адаптированные к иной общественной среде, возвращаются в республику (С. 45).

В советский период русские Узбекистана и Кыргызстана демонстрировали достаточно высокий уровень образования. Это во многом было связано с ситуацией жестокой конкуренции, востребованности на рынке труда высококвалифицированных

специалистов и проживания в инонациональной культурной среде. Уже в конце 1980-х гг. автор отмечает снижение образовательного уровня у русских, проживающих в Кыргызстане. Поразительно, что в Узбекистане эти процессы отмечаются в начале 1990-х гг. Это связано со снижением качества и престижа образования, оттоком квалифицированных преподавательских кадров в другие секторы экономики или выездом за рубеж. И самое главное — хорошее образование перестает быть гарантией или предпосылкой получения престижной или хотя бы адекватно оплачиваемой работы. В то же время растет армия дипломированных специалистов, занятых «черной» работой, что резко снижает престижность высшего образования.

Вторая волна миграционных настроений среди русских в Кыргызстане поднялась после «цветной» революции и неконституционной смены власти и последовавшего экономического кризиса. В результате по миграционным настроениям в Центральной Азии Кыргызстан вышел на второе место после Таджикистана.

Принципиально другие вопросы подняты в работах, посвященных Казахстану. В сборнике представлены два исследования — казахстанского ученого, доктора филологических наук О.Б. Алтынбековой «Русский язык в сфере высшего образования Республики Казахстан» и российского эксперта Ю.Н. Гужвенко «Проблемы в сфере этносоциальных отношений в Восточном Казахстане в 1990-е гг.».

Восточный Казахстан, образованный из Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей представляет собой один из сложных регионов республики. После объединения двух областей в 1997 г. и упразднения Семипалатинской области был достигнут этнический

паритет в регионе между русскими и казахами. В советское время Север, Центр и Восток считались наиболее урбанизированными регионами республики. Здесь располагались крупнейшие добывающие и обрабатывающие промышленные предприятия, ориентированные преимущественно на союзный рынок и слабо связанные с местными потребителями. На промышленных предприятиях было занято преимущественно русскоязычное население, а в сельском хозяйстве — казахское, слабо связанное с индустриальными гигантами региона.

Приток казахов в города было вызвано стремлением родителей поднять статус своих детей и предоставить возможность получения образования. Город предоставлял широкие возможности для экономической и профессиональной мобильности и повышения социального статуса. Более того, в 1990-е гг. расширилась возможность получения образования на казахском языке. Следует не соглашаться с российским экспертом, что «главным условием обучения в вузах Восточно-Казахстанской области было знание государственного языка. Еще в советское время во всех вузах Казахстана существовали русские и казахские отделения, на которые поступать могли все абитуриенты, а так как большинство русскоязычных абитуриентов не владели казахским языком, то казахские отделения состояли исключительно из студентов-казахов. Русские отделения традиционно были смешанными. Число поступающих в вузы казахов было больше, чем русских, соответственно, суммарная численность студентов-казахов была больше, чем студентов-русских. Данная ситуация мало изменилась и после обретения независимости. Так, большинство русских, проживающих в Восточном Казахстане, не стремятся

изучать государственный язык, так как имеют возможность получить образование на русском языке.

На наш взгляд, недоминирование русских или оппозиционные настроения казачества, близость российской границы, возможность получения высшего образования в вузах Сибири и сильное культурное влияние России не способствуют формированию мотивации к изучению государственного языка. Например, на Украине, где русскоязычное население преобладает над украинским, все же более благоприятные условия для овладения нетитульными национальностями государственным языком. Именно более жесткие условия этнической конкуренции на рынке труда заставляют молодое поколение задуматься о своем будущем и изучать государственный язык.

Хотя руководство Казахстана стимулирует изучение государственного языка, поощряет представителей нетитульных этносов за свободное владение казахским языком и его применение в профессиональной деятельности, до двуязычия русскоязычного населения Казахстана еще очень далеко, в то время как большинство казахов уже де-факто являются двуязычными. Соответственно, вызывают сомнения утверждения российских экспертов о языковом национализме в Казахстане, например, что только титульный этнос получил существенные преимущества при продвижении по карьерной лестнице из-за особых требований к знанию казахского языка (С. 69).

Несмотря на проводимую политику по возрождению казахского языка и увеличению доли студентов, обучающихся на казахском языке с 13,65% в 1990/1991 учебном году до 43,95% в 2006/2007 учебном году, значительная часть молодежи, в том числе титульной нации, предпочитает русский язык в ка-

честве языка обучения. Таким образом, несмотря на значительные изменения в этническом составе постсоветского Казахстана и произошедшие миграционные процессы, русский язык по-прежнему сохраняет доминирующие

позиции, что полностью опровергает сомнительные тезисы отдельных российских исследователей «о полном вытеснении» русского языка из всех сфер общественной, политической и экономической жизни Казахстана.

Summary

Foreign policy priorities of the Republic of Kazakhstan in the light of the President's Address

Sheryazdanova K.B. — Senior research fellow of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

Annual state-of-the-nation address of the President of the Republic of Kazakhstan is a new reference point of following cycle of further development of our country on the path of deepening of carried out political, social and economic reforms, approval of role and place of Kazakhstan in the world community, increases of its international image and positive authority. The present address on its own way "Growth of welfare of Kazakhstan's citizens is the primary goal of state policy" is a direct address with specific political, socio-economic, humanitarian, defensive and foreign policy goals to all state legislative and executive branches of authority.

Priorities of foreign policy strategy of Kazakhstan, marked in the Address of the President of Kazakhstan, on immediate prospects proceed from national interests of our state following its traditional way of fastening as an important player on Central Asian "chessboard", where there is a change of epoch, where geopolitical situation is changeable and continuous process of designation of priorities and positions of the countries goes, not touching other players' interests and preparing the strong base for strengthening Kazakhstan in political, economic and other spheres of multisided life as Central Asian region as well as peace in a whole.

SCO and security problems in Central Asia: implications for Kazakhstan

Sitenko V.N. — Senior research fellow of foreign policy research department of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan

In today's dynamically developing world, the special urgency is got with the issues related to maintaining stability and security. Alongside with traditional military threats, the increasing danger to mankind is represented so-called "new threats and challenges" such as international terrorism, extremism, organized crime, illicit drug trafficking, illegal migration, etc. Each state more or less is facing

with these threats at present. However, specificity of the situation in the fact that this phenomenon is observed in conditions of globalization as "internationalization of conflict potential". In this situation, maintaining security even at the national level is impossible without association of efforts of the states within the framework of various international structures and organizations.

Reforms' experience in Eastern Europe: implications for Kazakhstan

Suleimenov T.S. — Director of Diplomacy Institute of the Academy for Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary

Experience, which has been stored by the countries of Eastern Europe on conducting economic reforms, deserves special attention in the context of practice of making drastic alterations in Kazakhstan's economy. Visits of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the Republic of Hungary, Slovakia and Romania in the end of 2007 are of great significance. From the political point of view, they promoted successful promotion of foreign policy interests of Kazakhstan not only in these countries but also

in the whole region. Attention of all countries of the European Union have been riveted to these visits and outcomes of the talks, their usefulness and profitability to the region, their conformity to the European interests were analyzed. The establishment of personal contacts between heads of the states, development of political relations, cooperation in international organizations of Kazakhstan and Eastern European countries - members of the European Union is positively received by the West.

European Union's stance on Iran's Nuclear Program

Isayev K.D. — Research fellow of foreign policy research department of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan

One of the most pressing issues of contemporary international relations, affecting interests not only some countries but also the whole world community, is diplomatic crisis over Iran's activities in the field of development of nuclear technologies. The European Union (EU) as one of the leading players in the international arena also takes an active stand dealing with settlement of the given issue within last two years.

It is possible to ascertain that tense in relations between Iran and leading Western powers, caused by "Iran's Nuclear Program", have sharply increased in the last months. Military experts leave open the option of military collision between the main participants of "Iran's Crisis" that stirs Kazakhstan. Instability on Near and Middle East in consequence of escalation of the conflict can render negative impact on security of the countries of the Caspian region.

Concept of terrorism in the national legislation of the states of Central Asia

Karatayeva L.R. — Candidate of History, senior lecturer of international relations and foreign policy chair of the Republic of Kazakhstan of KazNU named al-Farabi

There is no themes to which are given as much attention as given to the problems of international terrorism and struggle against it.

The subject of international terrorism becomes dominating over security discourse after events on September 11, 2001, however, it is possible to

approve with confidence that building a system of collective counteraction to the international terrorism in Central Asia began two years earlier — in 1999, from the signing some contracts within the framework of the CIS, called to form a legal basis of unified policy of counteraction to threats of terrorism. It is possible to ascertain that absence of the unified perception of terrorism by the states of Central Asia, its purposes, etc. It

is obvious that such "different interpretations" noticeably complicate anti-terrorist activities and joint mechanisms of opposition to the terrorism, built by the states of Central Asia, play a greater role because enable information interchange, creation of unified database, elaboration and acceptance of the coordinated measures for the prevention, revealing and suppressions of terrorist acts.

Transformation of world system: analysis of general trends

Ustimenko A.A. — Post-graduate student of KazNU named after al-Farabi

Global relations within last decade entered in the period of active transformation which, in essence, is characterized situational conditioning rather than purposeful modeling. Nevertheless, processes and phenomena observed since 1991, from the time of final disintegration of a

bipolar system, and especially amplified during 2000, gradually create new vision of interstate and inter-institutional ties, which are based on objectively new principles, more exactly, priorities of their using, which are classified as a new world order.

Ethnic conflict: theoretical aspects of research

Asanbayev M.B. — Adviser to director of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences

There are greater complexities in studying the theory of ethnic conflict. Until recently, the theory of the conflict remained poorly studied category of analysis in social science. However, the majority of recent attempts to close this gap and to develop conflict theory

in political science are performed with interrelation with international relations. Thus difficulty of research of ethnic conflict consists in international relations as a discipline, which is changeable, evasive enough, and therefore is subject to change.

Ethnic identification of Kazakhs: theoretical-methodological aspects

Bilyalova G.N. — Candidate of Philosophy, senior lecturer of philosophy and methodology of sciences chair of Kazakh National Pedagogical University named after Abay

Ethnic identification of Kazakhs at the individual and collective level is determined through awareness of importance and knowledge

of native language though this criterion causes the problematic solution, when parents are representatives of different nationalities especially

when language is not means fully or partially providing the modern communications in the society. Religious as well as ethnic identification at individual level differ from priorities of criteria of identity, which differ depending on concrete circumstances (social origin, confession, education, age, region of residing, etc.), can be over than patrimonial or civil identification or, on the

contrary, patrimonial identification dominates over religious. Influence of other religions on formation of Kazakh nation in the certain degree will impact, reflecting present stage of formation of Kazakh nation, but awareness of Islamic identity as an ethnic part is characteristic feature of Kazakhs, and, however, degree and depth of awareness will be individual.

Dynamics of social development of youth in contemporary Kazakhstan

Yeshpanova D.D. — Candidate of Philosophy, senior research fellow of the Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan;

Aytbay K.O. — Candidate of Political Sciences, Head of Department of the Ministry of Education and Science;

Aydarbekov Z.S. — Candidate of Philosophy, Head of Department of the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan

Transformation of the Kazakhstan society during the post-Soviet period has newly revealed problems of social development of youth. Reasons common for all society and for youth affect. Social, political, economic, cultural instability of the society generated a lot of social contradictions and paradoxes. Fast growth of social stratification, differentia-

tion and marginalization of societies affects. Breaking down of the traditional forms of socialization and intergenerational continuity, social mobility, ways and methods of professional self-determination and growth is great of importance. Disruptiveness of social being of youth also finally generates paradoxicality of its consciousness and behavior.

Character and parameters of initial alternatives of political reformism in Kazakhstan

Rakhimzhanov A.M. — Candidate of History, Candidate of political science chair of KazNU named after al-Farabi

One of the parameters of initial alternatives of political reforming in Kazakhstan became division of the party-government authorities. Embodiment of the principle of division of authorities in state-legal practice is the necessary precondition of formation of the democratic, legal, social and secular state, implementation of ideas of supremacy of the statute law, war-

ranteeing of the rights and personal freedoms. Character of initial alternatives of political reforming and becoming of the certain type of statehood are also formation of the certain type of political consciousness of its citizens and are expressed in the certain forms of political self-determination of the person and social groups.

Russian-Kazakhstani trade-economic relations: current situation and prospects of development

Chufrin G.I. — Corresponding Member of the Russian Academy of Science, Professor, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Science (Russia)

Development of Russian-Kazakhstani relations is one of the most successful examples of interstate cooperation in the post-Soviet territory. This cooperation is based on the strong legal basis consisting of almost 300 bilateral contracts and agreements. The Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance dated May 25, 1992 and the Declaration on Eternal Friendship and Alliance dated July 6, 1998 take special place on its importance and impact on the whole complex of relations between Russia and Kazakhstan among these

documents. Strengthening Russian-Kazakhstani cooperation renders rather beneficial effect on general situation of regional economic ties in Central Asia, positively influencing on their development and its dynamics. Strengthening and improvement of interaction between Russia and Kazakhstan on bilateral basis on trade-economic and investment issues serve also as an important impulse to activation of economic cooperation within the framework of EurAsEC and SCO and, first of all, in the spheres of energy and transport.